

ВИЛЬЯМ НЬЮБУРГСКИЙ
ИСТОРИЯ АНГЛИИ

HISTORIA RERUM ANGLICARUM

Вступительное и просящие извинения сопроводительное послание к низнеследующему труду от каноника из Ньюбурга - аббату Риво.

Преподобному отцу и лорду Эрнольду, аббату Риво, от ничтожнейшего из слуг христовых, Уилльяма, молящего, чтобы когда придет Князь Пастьрей, ему могла бы достаться корона немеркнущей славы.

Я получил письма от Вашей святости, в которых Вы предписываете мне (ради знания и назидания потомкам) бремя и труд сочинительства истории о примечательных событиях, что в столь большом изобилии произошли в наши времена. И хотя Ваша собственная почтенная община могла бы и лучше и изящнее меня составить такой труд, но, как я понимаю, Вы исходите из любезного желания сберечь в этом отношении членов Вашей собственной общины, которые столь сильно заняты в выполнении монастырских обязанностей, а также из того, чтобы охранить меня от праздности в те часы безделья, что были мне предоставлены ради моей немощи. Действительно, я столь сильно обязан оказанной мне Вашей милостью, что даже если бы Ваше приказание и было бы более трудным, то и тогда бы я не отважился бы возражать. Но поскольку Ваше робкое отличие не возлагает на меня никаких исследований в глубоких материалах или в мистических описаниях, но требует лишь разглагольствования, в течении какого-то времени, на исторические темы, для чего надо лишь восстановить память (сколь проста эта работа!), то я, собственно, и не имею достаточных оснований отказаться от выполнения этого приказа. По этой причине, с помощью Бога и Господа Нашего, в чьих руках находимся и мы и труды наши, и полагаясь на молитвы Ваши и Вашей святой братии, которая снизошла до того, что присоединила к приказу Вашей святости и свои неоднократные просьбы, я попытаюсь создать вверяемый мне Вами труд. Однако, прежде чем приступить к своей истории, я предварю ее несколькими необходимыми пояснениями.

Конец послания.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ИСТОРИИ

История нашего английского народа была написана достопочтенным Беде, священником и монахом, который для того, чтобы легче достичь своей цели начал свой рассказ с очень далекого времени, но лишь осторожно и кратко коснулся наиболее видных деяний бриттов, которые, как известно, были аборигенами нашего острова. Однако, бритты имели до него своего собственного историка, из труда которого Беде и сделал извлечение. Этот факт я установил несколько лет спустя после того, как случайно обнаружил копию труда Гилдаса. Однако, его историю трудно найти, поскольку лишь несколько человек либо переписали ее, либо имеют ее подлинник. Его стиль такой грубый и неотшлифованный, однако его сильным качеством является беспристрастность в поисках правды, поскольку он никогда не жалеет даже своих соотечественников. Он слегка касается их достоинств, но оплакивает их многочисленные недостатки, и поэтому, не может быть никакого сомнения, чтобы он скрывал правду, когда он - бритт говорит о бриттах, что те не отличались ни храбростью на войне, ни верностью в мире.

С целью обелить темные пятна характера бриттов, один писатель нашего времени напридумывал о них самые смеютворные выдумки и выпустил их в свет, и с самым бесстыдным нахальством расхваливает их выше македонцев и римлян. Зовут его Годфрид, по прозвищу Артур, что происходит от латинского варианта имени Артур, которым он злоупотребляет и которое заимствовал из традиционных выдумок бриттов, и которого вместе со своими собственными выдумками он попытался сделать героем якобы истинной истории. Кроме того, он бессовестно провозгласил, что лживые предсказания некого Мерлина являются истинными пророчествами, подтвержденными истинной правдой, к которым он еще и многое что сам прибавил при переводе их на латынь. Далее он провозгласил, что этот Мерлин был порождением демона и женщины, и поскольку частично обладал какими-то качествами своего отца, то и приписал ему самое верное и обширное знание будущего. Но нас справедливо учат, что согласно и здравому смыслу и священному писанию, дьяволы, будучи лишенными Божественного света, никогда не могут предвидеть будущие события, хотя, в некоторых случаях, благодаря тому, что они знают больше нашего, они могут предугадывать грядущие события, но скорее догадываясь о них, чем имея точное знание. Более того, даже в своих догадках, хотя они и являются искусными, они часто обманываются сами и обманывают других. Тем не менее, своими лживыми предсказаниями они влияют на простецов и приписывают себе предвидение, которым, говоря по правде, не обладают. И действительно, ошибки в пророчествах Мерлина стали очевидны в событиях, которые произошли в английском королевстве непосредственно после смерти Годфрида, который перевел эти безумства с бриттского языка, и к которым он, как это стало очевидно, добавлял и много своего собственного изобретения.

Кроме того, что он столь легко приоровил свои выдумки о пророчествах, что столь легко выдумывал, к событиям, имевшим место до него или же в его время, что они смогли получить пригодное объяснение. Более того, даже человек незнакомый с древней историей, когда встречал его книгу, именуемую "Историей бриттов", возможно, сразу и усомниться в том, как он нахально и бесстыдно лжет на каждом шагу. Поскольку даже тому, кто не изучал исторической правды, неразумно верить абсурдной лжи, то я опускаю сочинения этого автора о подвигах бриттов во времена до правления Юлия Цезаря, а также и другие выдумки, изложенные им так, как будто они были истинными. Я не упоминаю непристойные бахвальства бриттов, отказывающихся признавать правду истории о временах после Юлия Цезаря, когда они перешли под власть римлян, и до времени Гонория, когда римляне добровольно ушли из Британии, по причине более насущных надобностей в их собственной стране.

На самом деле, после ухода римлян, бритты еще раз оставшись предоставленными сами себе, и даже сильнее говоря - предоставленными своему собственному беспорядку, подвергались грабительским набегам пиктов и скотов, и о про них говорится, что у них был король Вортигерн, от которого саксы или англы получили приглашение прийти для защиты королевства. Те и прибыли в Британию под предводительством Хенгиста, и на какое-то время, отразили набеги варваров. Но позже, познакомившись с плодородием земли и леностью ее обитателей, они разорвали свой договор с ними и обратили свое оружие против тех, от кого получили приглашение, и заперли остатки этого жалкого народа, которых ныне зовут валлийцами в глубине неприступных лесов и гор, пределах границ, которые те не смеют переходить. Кроме того, в ходе возвышения саксов у существовали самые доблестные и могущественные короли, среди них был и правнук Хенгиста Этельберт, который расширил свою империю от Галльского океана до Хамбера, воспринял, по молитвам Августина, легкое ярмо Христа. Еще был и Альфред, король Нортумбрии, что покорил, с излишней кровожадностью, и бриттов и скотов. Эдвин,

который наследовал Альфреду правил одновременно и англами и бриттами, а его приемник Освальд, правил всеми народами Британии.

Теперь, когда стали очевидными эти факты, установленные с исторической точностью достопочтенным Беде, выясняется, что все то, что было написано Годфридом о событиях после Вортигерна, то ли об Артуре, то ли об его приемниках или предшественниках – все это выдумки, придуманные либо им самим, либо другими людьми, и опубликованные либо из-за склонности ко лжи, либо из желания сделать приятное бриттам, которые, как говорят, в большинстве своем настолько глупы, что утверждают будто Артур еще придет, и которые не могут вынести того, чтобы слышать о его смерти. Наконец, он делает приемником Вортигерна (а саксы, которых он призвал, при этом были разбиты и изгнаны) Аврелия Амврозия и утверждает, что тот исключительно хорошо управлял всей Англией. В качестве его приемника он еще упоминает его брата Утерпендрагона (Utherpendragon), о котором утверждает, что тот правил с властью и славой, и из-за своей неизменной склонности ко лжи, прибавляет обширное описание деяний Мерлина. После ухода

Утерпендрагона он делает наследником королевства бриттов его сына Артура – четвертого по порядку наследования после Вортигерна, подобно нашему Беде, который помещает покровителя Августина Этельберта в списке правителей англов на четвертое место, после Хенгиста. Таким образом, правление Артура и приезд в Британию Августина должны были происходить в одно и то же время.

Но насколько ясно историческая правда перевешивает наговоренный вымысел, в этом случае можно увидеть своими глазами даже тупому человеку. Кроме того, что он описывал самого Артура как великого и самого могущественного из всех людей и настолько славного в совершении подвигов насколько же он сам их ему и приписывал. Во-первых, ради своего удовольствия, он дал ему триумф над англами, пиктами и скотами. Затем, он подчинил Ирландию, Оркней, Готланд, Норвегию, Данию, частью, в результате войн, а частью одним только страхом своего имени. К этому он добавил Исландию, которая некоторыми зовется самой дальней Туле, подобно тому как один римский поэт льстиво сказал римскому Августу: “Далекая Туле власть признает твою”, и то же выражение можно приложить и британскому Артуру. Далее, он заставляет его совершить нападение на Галлию и быстро добиться над ней триумфа. Это ее народ Юлий Цезарь, с постоянными опасностями и трудами, едва смог покорить за 10 лет, но мизинец брита оказался мощнее торса могущественного Цезаря. После этого, с бесчисленными триумфами, он вернулся в Англию, где отпраздновал свои завоевания блестящим пиром с участием подчиненных королей и принцев, в присутствии трех архиепископов бриттов, а именно: Лондона, Карлеона и Йорка, тогда как на самом деле бритты в это время вообще не имели архиепископа. Первым архиепископом в Британии стал Августин, получивший свой паллий от римского понтифика – варварские народы Европы, хотя они уже и давно обратились в христианскую веру, но довольствовались лишь епископами, но не удостаивались паллия. Наконец, ирландцы, норвежцы, датчане и готы, хотя и исповедуют христианство, но и вплоть до нашего времени имеют только епископов, а архиепископов там никогда не было.

Следующая сказка возносит этого Артура на высочайшую вершину, заставляя его объявить войну римлянам. При этом, вначале, он побеждает в поединке гиганта поразительной величины, хотя со временем Давида о гигантах мы никогда не слышали. Затем, еще больше расширяя ложь, он застает всех королей мира в союзе с римлянами против него. Говорится, что это были короли Греции, Африки, Испании, Парфии, Мидии, Итурии, Ливии, Египта, Вавилона, Вифинии, Фригии, Сирии, Беотии и Крита и сообщается, что все они были побеждены им в одной битве, тогда как даже Александр Великий, славный на все века, 12 лет занимался победами только над некоторыми из этих

царей. Востину, он делает мизинец своего Артура более мощным, чем торс Александра Великого, особенно когда непосредственно перед победой над столь многочисленными королями он сообщает, что со своими товарищами и их совместными усилиями, он уже покорил 30 королевств. На самом деле, этот сочинитель во всем мире не найдет столько королевств, в дополнении к тем, что уже упоминались, и которые тогда еще не были покорены. Мечтал ли он о другом мире, в котором мог бы владеть бесчисленными королевствами, и рассказал ли он об имевших там место событиях? Определенно только, что в нашей собственной Вселенной таких событий не происходило. И как могли древние историки, которые даже беспокоились пропустить хоть что-нибудь примечательного и записывали даже о самых обычных событиях, могли ли они пройти без упоминания о столь значительном муже и о таких поразительных деяниях? Я повторяю: как они могли своим молчанием оставить в неизвестности британского монарха Артура (более великого, чем Александр Великий) и его деяния, или Мерлина, британского пророка (Соперника Исаи) и его пророчества? Поскольку знание будущих событий приписывалось им Мерлину в не меньшей степени, чем мы приписываем это Исаи, правда, за исключением того, что он не отважился предварять свои опусы словами “Так глаголет Господь”, ибо должен был бы говорить “Так глаголет Дьявол”, ибо это определение наилучшим образом подходит к пророку, бывшему отпрыском демона.

Следовательно, поскольку древние историки не сделали ни малейшего упоминания об этих событиях, то ясно, что чтобы этот человек не публиковал бы об Артуре – все это лживые выдумки, придуманные для того, чтобы удовлетворить любопытство простаков. Более того, надо отметить, что затем он упоминает, что этот самый Артур был смертельно ранен в битве, и что оставив свое королевство, он удалился на остров Аваллон, для того, чтобы согласно сказкам бриттов, излечить свои раны, и что он не смеет, из страха перед бриттами, утверждать, что он умер – он, о котором поистине слабоумные бритты уверяют, что он еще придет. О приемниках Артура он измышляет с такой же бесстыдностью и делает их монархами Британии даже до седьмого колена и делая тем самым стольких благородных королей англов (о которых достопочтенный Беде писал как об истинных монархах Британии) их рабами и вассалами.

А посему, пусть только Беде, в чьей мудрости и честности сейчас нельзя сомневаться, безгранично владеет нашим доверием, и пусть эти сказки с их выдумками будут полностью отброшены.

Нет недостатка в писателях и после Беде, но некого сравнить с ним, кто также детально описал бы события, происходившие на острове после его времени и до того времени, что помним мы. Эти люди заслуживают награды за свое рвение, но их повествования слишком грубы. Однако, в наши времена случилось столько великих и памятных событий, что если их не оставить на долгую память в письменных документах, то придется справедливо упрекать современников в нерадении. Возможно, труд такого рода уже начат, или даже завершен одним или несколькими людьми, но тем не менее, некоторые почтенные особы, которым мы обязаны послушанием, удостоили получить удовольствие от такого труда даже столь незначительной персоны, как я. И подобно тому как если кто-то может сделать богатое жертвоприношение, но при этом допустимо принять жертву и от бедной вдовы, то также можно позволить принять в сокровищницу Господа и нечто от моей бедности. И поскольку мы осведомлены о событиях английской истории, случившихся после кончины короля Генриха Первого, когда началось соперничество между норманнами в Англии, в стране, которую я кратко опишу в надлежащее время, то с Божьего соизволения, я могу предоставить самое подробное повествование о временах, начиная с приемника Генриха Стефана, в первый год которого я, Уильям, последний из рабов Божьих, был рожден в смерти в первом Адаме и вновь рожден в жизни во втором.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ПЕРВАЯ КНИГА.

Оглавление

Глава 1. О Вильгельме Незаконнорожденном, первом нормандском короле Англии.

Глава 2. О Вильгельме Рыжем, втором нормандском короле Англии, и об экспедиции в Иерусалим

Глава 3. О Генрихе, третьем нормандском короле Англии и о некоторых событиях, которые произошли во время его царствования.

Глава 4. О том, каким образом Стефан в нарушении своей клятвы захватил Англию.

Глава 5. О благоприятном начале правления Стефана.

Глава 6. О Роджере, епископе Солсбери и Александре, епископе Линкольна, и об их пленении королем Стефаном.

Глава 7. О том как Стефан потерял свою королевскую власть вместе с Нормандией.

Глава 8. Пленение короля Стефана в Линкольне.

Глава 9. О том, как король Стефан был освобожден вследствии пленения графа Глостера.

Глава 10. О бегстве императрицы из Оксфорда и о соборе в Лондоне.

Глава 11. О нечестивой жизни и соответствующей смерти Годфрида Мандевилля.

Глава 12. О Роберте Мармиуме (Marmium) и его смерти.

Глава 13. О различных несчастиях, обрушившихся на короля Стефана.

Глава 14. О Тарстэне, архиепископе Йоркском и об основании аббатств Риво (Rievaulx) и Фаунтинс (Fountains).

Глава 15. Об основании Биланда (Byland)

Глава 16. О Гилберте Семпрингхэмском (Gilbert of Sempringham) и об ордене, который он учредил.

Глава 17. О том каким образом был низложен Уилльям, архиепископ Йоркский, который не получил паллия, и о том, как ему наследовал Генрих.

Глава 18. О причине Второго крестового похода в Иерусалим.

Глава 19. О ереси Одо де Стелла (Eudo de Stella) и его смерти.

Глава 20. О том, как император Конрад и король Людовик повели свои войска на Восток.

Глава 21. О Раймонде, князе Антиохском и о взятии Аскалона.

Глава 22. О неустроенности домашних дел при короле Стефане.

Глава 23. О Давиде, короле Шотландии, его сыне и внуках.

Глава 24. О епископе Вимунде (Wimund), его жизни, неподобающей званию епископа, и о том, как он был лишен своего зрения.

Глава 25. О Малкольме, наихристианнейшем короле Шотландии.

Глава 26. О назначении Гуго, епископа Дархемского, и о восстановлении Уилльяма Йоркского и его последующей смерти.

Глава 27. О Зеленых детях.

Глава 28. О некоторых чудесах.

Глава 29. Об успехах Генриха II в Англии пока он был герцогом.

Глава 30. О договоре между королем Стефаном и принцем Генрихом.

Глава 31. О разводе короля Франции со своей женой и об ее замужестве с будущим королем Англии.

Глава 32. О соборе в Лондоне и о смерти короля Стефана.

Глава 1.

О Вильгельме Незаконнорожденном, первом нормандском короле Англии.

В году 1066 от того времени, когда Слово стало плотью и жило среди нас, Вильгельм, по прозвищу Незаконнорожденный, герцог Нормандии, то ли из-за беззаконной жажды новых приобретений, то ли стремясь отомстить за полученное оскорбление, развязал войну против Гарольда, короля Англии. Последний случайно погиб в битве, и англичане были разбиты и покорены. Вильгельм объединил королевство Англия с герцогством Нормандским. По завершению своей победы, относясь с отвращением к своему званию узурпатора, но нетерпеливо желая принять облик законного суперена, он приказал Стиганду, бывшему в то время архиепископом Кентерберийским, посвятить его должным образом в короли. Однако, этот прелат никоим образом не соглашался возложить свои руки на такого человека, который для удовлетворения своих собственных страстей запятнал себя кровью и присвоил себе права других людей. Но Альдред, архиепископ Йоркский, муж достойный и благоразумный, мудро предвидел необходимость на время уступить, и констатируя, что нельзя противиться Божьему назначению, провел обряд посвящения. Этим он умилостивил Вильгельма, который все еще дышал жаждой притеснять и убивать людей, и связал его священной клятвой сохранить и защищать гражданское и церковное самоуправление. После этого, тот стал видеть Альдреда как-бы в отческом свете, и хотя сам он и правил другими, ему же он спокойно позволял управлять собой. В самом деле, однажды случилось так, что этот понтифик, встретив от короля отказ удовлетворить некоторые его просьбы, повернулся в гневе, чтобы уйти прочь и вместо обычного благословения произнес слова проклятия. Не в силах снести его неудовольствие, король упал на колени, умоляя простить его и обещая исправиться. И когда стоявшие там нобли просили его поднять распостертого перед ним монарха, он ответил: “Пусть полежит у ног Петра”. Это случай ясно показывает то

высокое уважение, которое этот свирепый государь испытывал по отношению к прелату, также как и тот авторитет, что помогал Альдреду властвовать над ним.

Кроме того, король, будучи раздражен (как уже говорилось) против Стиганда, архиепископа Кентерберийского, узнал о нарушениях, совершенных при его посвящении, а также о небезупречности его жизни, и стал испытывать желание отомстить ему. Для этой цели легат апостолического престола, призванный королевским письмом, чтобы урегулировать дела английской церкви, созвал в королевстве собор, на котором были установлены преступления Стиганда, и бесплодное дерево было вырублено топором

канонического осуждения, а его дворец перешел к Ланфранку, ломбарду по происхождению, прежде бывшему монахом в Беке, а затем аббатом в Кане который в дополнение к своей благочестивой жизни, был еще значимой фигурой в литературе, как в светской, так и в духовной. Когда Альдред, архиепископ Йоркский, отправился к

праотцам, то ему наследовал Томас.

Однако, и Вильгельм, после того, как достойно правил 21 год королевством, которое столь храбро приобрел, умер, и в своей последней воле он назначил своими наследниками трех своих сыновей. Однако, он пожелал, чтобы первый по рождению Роберт, из-за того, что ему не доставало сыновней почтительности и из-за своего мятежного нрава, получил бы герцогство Нормандское, но Англию он завещал своему сыну Вильгельму, который был ему более приятен. В конце он предназначил добрую часть Генриху, своему младшему сыну, чье положение он любовно обеспечил и которому оставил в наследство блестящую судьбу.

Таким образом, Вильгельм уснул с працами. Человек с детства занимавшийся войной, великий умом, освященный успехами и отмеченный печатью незаконнорожденного, он был похоронен в Кане, в монастыре первомуученика Стефана, которую он полностью построил и великолепно одарил. Кроме того, из надежного источника я знаю, что при его похоронах произошло примечательное событие. Когда церемония его похорон закончилась, и тело уже должны были поместить в надлежащее место, к нему приблизился один человек, и грозно взывая к имени Всемогущего Бога, пытался запретить его захоронение в этом месте. “Эта земля, - кричал он, является моей наследственной собственностью, которую король отнял у меня силой, когда строил здесь монастырь, и позже он так никогда и не дал мне возмещения”. Все присутствующие были изумлены призывом к Богу, и сочли это ярким проявлением всей пустоты преходящей власти – самый могучий государь, чьи владения, пока он был жив, простирались столь далеко, а когда умер – то не имел земли, даже для собственного тела. Наконец, все были столь смущены этим требованием, что вначале они удовлетворили этого живого пса, как лучшего из них двоих, и только затем осуществили то, что должно было выполнить для мертвого льва. Воистину, насколько велика слава этого христианина среди людей, полученная тем, что он нападал как враг на безобидных христиан и христианской кровью присвоил себе королевство, настолько же велика его вина перед Богом. Доказательство этого я получил от заслуживающих доверия свидетелей. В месте, где были убиты побежденные англичане, был построен благородный монастырь, называемый монастырем Св. Мартина Битвы. Он был построен победителями, чтобы быть вечным памятником, как человеку - как память о нормандском завоевании, так и Богу – чтобы умилостивить его за столь обильное пролитие христианской крови. Короче, внутри этого монастыря есть место, на котором произошла наиболее кровавая резня англичан, сражавшихся за свою страну, и после каждого ливня, оно источает настоящую, как будто свежую, кровь, и этим, очевидно, возвещается, что голос такого обилия христианской крови все еще вопиет к Господу из-под земли, которая разверзает свои уста и изливает кровь на руки христианских братьев.

Глава 2.

О Вильгельме Рыжем, втором нормандском короле Англии, и об экспедиции в Иерусалим.

В году 1087 от того времени как над землей взошла Истина, Роберт, старший сын, наследовал отцу в герцогстве Нормандском, а Вильгельм, прозванный Рыжим – в английском королевстве. Правда, это было против порядка, но (как уже говорилось) именно так было установлено согласно последней воле их отца. В следствии этого, некоторые нобли стали более расположены к Роберту, как к законному наследнику, который был лишен наследства незаконно, и тем самым, они стали тревожить покой королевства. Вначале правление Вильгельма было слабым и испытывало трудности, но для того, чтобы примирить умы своих подданных, он вел себя скромно и умеренно, а вот когда его империя упрочилась, в результате подчинения врагов и лености его брата, вот тогда сердце его возвысилось. И в благополучии оказалось (в бедственном положении он это скрывал), что этот человек пуст разумом и непостоянен во всех своих делах, нечестив по отношению к Богу и является несчастьем церкви; будучи законченным распутником, он пренебрегает браком и самым мотовским образом истощает ресурсы королевства, а когда они закончились, то он стал захватывать для подобных целей имущество своих подданных. Он был образчиком самой крайней гордыни; которая отрицала, и даже высмеивала, божественные истины и вместе с тем, валялась в грязной луже самых порочных удовольствий и преходящей славы.

Его старший брат Роберт (которому право на корону принадлежало по закону естества) был менее надменен и свиреп, но он даже в управлении меньшим владением – Нормандией он показал, сколь он непригоден для управления обширным царством. Однако, в военном деле он был столь сведущ, что во время великого и знаменитого похода на Иерусалим, он, среди самых благородных вождей всего мира завоевал выдающуюся воинскую славу. Младший по рождению, Генрих, был человеком любезного нрава и он вступил в войну со своими бессердечными и неверными братьями, поскольку они ничего не дали ему из своего достояния и даже обманывали его относительно того, что ему завещал его отец. И пока они завидовали ему, когда он постепенно поднимался в значимости, он с благородством уклонился от их хитростей и тем обеспечил свою безопасность.

Примерно в это время, Ансельм, аббат Бека (Вес), муж святой и сильный в слове Божьем, бывший по происхождению ломбардцем, наследовал архиепископство Кентерберийское после Ланфранка, который закончил путь плоти. Прежде он был его учеником. Также, Герард наследовал архиепископство Йоркское после смерти Томаса.

Во время правления этого короля Господь вдохнул в христиан дух, что те выступили против сарацин, которые, по неисповедимым путям Господа, столь долго, что это уже стало наследственным правом, владели святыни Господа нашего, а именно, теми святыми местами, где совершилось наше искупление. Соответственно с этим, благочестивыми трудами римского понтифика Урбана и других слуг Божьих, было собрано вместе огромное скопление христианского народа. Самые отважные государи выбрали себе отличием знак Христа и, в сопровождении многочисленной армии, после наитруднейшего похода, проникли в царства Востока, и своими благочестивыми и успешными действиями они захватили такие великие города как Никея в Вифинии, Антиохия в Сирии и наконец, сам Святой Город. Среди их вождей весьма отличился Роберт, герцог Нормандии. Когда он, вместе с другими христианскими государями, готовился к этому походу, то находя недостаточными свои денежные запасы, он, за значительную сумму, заложил Нормандию своему брату Вильгельму. Он присоединился

к другим христианским государям в этот достохвальный поход и успешно его завершив, после многих лет отсутствия, вернулся в свою страну.

Однако, король Вильгельм продолжил свои неправедные деяния и, к своей собственной погибели, ответил пинком на уколы – он не мог выносить почтенного Ансельма, который с кротостью порицал его и пытался ограничить те гнусности, что совершились им или с его ведома, но он изгнал его из Англии, предварительно ограбив почти дочиста и заклеймив его как мятежника. Таким образом, пока на Востоке дела наших государей шли отважно и успешно, король, своими пороками, спешил к своему собственному концу и встретил конец, подходящий его необузданной гордыни. Будучи на охоте, это свирепейший из людей был поражен, вместо дикого зверя, стрелой своего собственного рыцаря и убедился в справедливости псалма: “Я сам видел безбожника в большой силе и цветущего подобно зеленому лавровому дереву. Я прошел мимо и о, чудо – он ушел. Я искал его, но места нельзя было найти” (Псалтырь, 35, 35-36. *Русский синодальный перевод: “Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; Но он прошел, и вот, нет его; ищу его и не нахожу”*)

Глава 3.

О Генрихе, третьем нормандском короле Англии и о некоторых событиях, которые произошли во время его царствования.

В 1100 году от того времени, как Бог послал Своего Сына в мир, король Вильгельм с прискорбием скончался, и Генрих, брат его, наследовал трон. Он был последним по порядку рождения из сыновей Вильгельма Великого, но первый по своим достоинствам, поскольку тогда как остальные были рождены, когда их отец был герцогом, он один был рожден, когда тот был уже королем. По этой причине, а также еще более благодаря его любезному нраву, прелаты и нобли Англии торжественно постановили помазать в короли

Генриха, который, как они знали благодаря очевидным тому свидетельствам, будет вполне пригодным для исполнения своих обязанностей, и не ждать возвращения Роберта, который был еще занят на Востоке, и чья неспособность к управлению королевством была ясно проявлена в его плохом управлении герцогством.

Следуя благородному совету, Генрих поспешил отозвал из ссылки почтенного Ансельма, отменил пагубные мероприятия, которые использовались в правительстве его брата, и насколько это было ему позволено в начале правления, установил законы для сохранения мира и справедливости; и со временем он разумно способствовал многим подобным вещам, стараясь, чтобы его подданные не пугались внезапной смертности. Он мудро предвидел, то что действительно случилось, и ради этого старался, чтобы к возвращению его брата Роберта в обществе не было бы никаких беспорядков. Своему брату Роберту, вернувшемуся со своей женой из Святой Земли, и которых он, между прочим, поддерживал, он вернул Нормандию. Но с подстрекательства некоторых английских ноблей, которым Генрих теперь внушал тревогу, он угрожал своему брату Генриху войной, если тот не оставит королевство ему. Более того, против Англии он снарядил и возглавил вооруженный флот, к которому быстро примкнули перебежчики от короля. Однако, это слабый и нерешительный человек был обманут осторожностью своего брата и вернулся в Нормандию не достигнув своих целей, и оставил королевство и королевское правительство в покое и больше не досаждая им. После нескольких лет его пребывания в Нормандии, которая только разрушалась через его леность, поскольку из страха перед общественным мнением он не обуздывал, тех бесчестных лиц, что опустошали ее ради своего удовольствия, туда, по приглашению ноблей этой провинции приехал Генрих, скорее охваченный добротой, нежели враждебностью, и значительная ее

часть сдалась ему. В конце концов, он захватил в плен своего брата, разбив его войска у Тинчебрая (Tinchebrai). Таким образом, этот муж, великий и славный своими доблестными деяниями даже в отдаленных уголках мира, теперь был предан переменчивой фортуной и попал в руки своего младшего брата, которого прежде привел в негодование, и побежденный превосходством на поле боя, он провел остаток своей жизни бесславно, в плену у брата, не испытывавшего братского сочувствия. Таким образом, Генрих присоединил герцогство Нормандию к королевству Англии, подобно тому, как прежде его отец присоединил королевство Англию к герцогству Нормандскому, и среди могучих властителей земли приобрел великую и благородную славу.

После того, достопочтенный Ансельм, архиепископ Кентерберийский, возвратившийся из изгнания во Франции, где он провел несколько лет, отправился по пути всех смертных и получил великое имя среди тех великих, что обитают на небесах. Его приемником стал Ральф, аббат Сиза (Seez), человек религиозный и разумный. Умер Герард, архиепископ Йоркский, и ему наследовал Томас Второй, годами еще зеленый, но серьезный и простой в поведении, чем отличался от своего предшественника. Действительно, этому Герарду было дано быть проницательным и ученым человеком, но в жизни он был безнравственен, поскольку был искусен во взимании средств со своих арендаторов в неподходящих случаях, и как многие утверждали, он также увлекался колдовством, что делало его ненавистным и Богу и человеку, и это доказывается и его ужасной смертью и отказом в похоронах, полагающихся понтифику – когда после обеда он спал на открытом воздухе, на подушке в своем саду, около своего жилища в Саутвелле (Southwell), то пока его клерки забавлялись в непосредственной близости от него, тело его окоченело во сне смерти. В сопровождении немногочисленной свиты оно было доставлено в Йорк и непочтительно захоронено за пределами церкви. Никто из духовенства не вышел встречать погребальную процессию, как это обычно бывало, и как сообщалось, мальчишки забрасывали катафалк камнями.

Приемник, напуганный его примером, умыл свои руки в крови этого грешника и сам вел себя в этой должности весьма похвально. Однако, он не дожил до преклонных лет, но отхватил только небольшой срок, как я полагаю, ради того, чтобы зло не успело извратить его разум. Я узнал от человека отличавшегося безупречной правдивостью один связанный с ним случай, который я не могу оставить без внимания. Когда он был угнетен болезнью, то его врачи приказали ему в качестве единственного средства, могущего спасти его, принять участие в половом общении. Друзья уговаривали его подчиниться, утверждая, что Бог не может оскорбиться от этого, поскольку это будет лишь средством для выздоровления, а не средством чувственного удовольствия. Чтобы они не волновались, он, казалось, согласился, и в его палату была приведена одна изящная видом женщина.

Однако, после этого, после исследования мочи, его врачи, что соитие это было притворным, только для того, чтобы удовлетворить его друзей. Когда те стали упрекать его, что невыполнением предписаний врачей его поведение может стать причиной его собственной смерти, то он сказал: “Замолчите! Пусть никто не выпускает яд, говоря мне это, поскольку я не потеряю бессмертную честь целомудрия ради лечения преходящей плоти”. Этому человеку, который, как полагают, счастливо умер от того недуга, из-за которого он не захотел оскорбить Бога, наследовал Тарстэн (Thurstan), муж добный и благоразумный. Кроме этого, Ральф, архиепископ Кентерберийский, упокоился со своими праотцами, и его престол наследовал Уильям, который прежде был приором капитула в Чике (Chiecs). Насколько мы знаем, это были все наследники митрополичьих кафедр при короле Генрихе.

У короля от Матильды, его благочестивой королевы, было двое детей – сын и дочь. Его дочь (которая была названа в честь матери), когда вступила в возраст пригодный для

браха, была помолвлена с Генрихом, императором римлян, который просил ее руки. Однако, с сыном, который предназначался быть его приемником, и который был назван в честь деда, произошел несчастный случай - когда он только вступил во возраст зрелости, то вместе с группой знатной молодежи, стал добычей глубоководных чудовищ.

Матильда уже умерла, и король, надеясь произвести потомство, женился на дочери герцога Лотарингского, но не произвел наследника. Затем, после смерти императора, не оставившего потомства от своей жены, он отозвал свою дочь обратно из Германии и устроил ее брак с Годфридом, знаменитым графом Анжуйским, с тем, чтобы через нее у него были наследники в виде внуков. На созванном им совете он заставил епископов, графов, баронов и всех значимых людей принести клятву, что королевство Англия вместе с герцогством Нормандия перейдут к его внукам, которых она родит. Так Генрих правил с великим счастьем и славой 35 лет и несколько месяцев, по истечении которых он уснул с праотцами. Он был мужем, украшенным многими достоинствами государя, хотя и во многом бросил на них тень своей похотливостью, подобной соломоновой. Он также неумеренно заботился об охотничьей дичи, и из-за его горячей любви к охоте существовала лишь небольшая разница в наказании убийц людей и убийц оленя. После извлечения мозга и внутренностей, его тело было забальзамировано, зашито в кожу и перевезено из Нормандии в Англию, где и было захоронено в Ридинге (Reading), монастыре, для которого он являлся благочестивым основателем и щедрым дарителем. Правда то, что человек, которого за большие деньги наняли за для, чтобы извлечь его мозг, заразился, как говорили, из-за великого зловония, и умер, и подобно тому как тело мертвого Елисея оживляло мертвых, так тело мертвого Генриха убивало живых.

Глава 4.

О том, каким образом Стефан в нарушении своей клятвы захватил Англию.

В году 1135 от разрешения от бремени Девы наиславнейший король Англии и герцог Нормандии Генрих был мертв, но его еще не успели похоронить, как королевство Англию захватил Стефан Булонский, его племянник со стороны сестры. Стефан Старший, граф Блуа, женился на знатной леди, дочери Вильгельма Первого, и она родила ему четырех сыновей. Граф умер на Востоке, а его вдова, по своей мудрости, отстранила своего старшего, поскольку тот был ленив, и как было очевидно, являлся слабоумным, и возвеличила своего любимого сына, Теобальда, чтобы тот и получил все наследство. Она отослала Стефана, который был тогда юношей к его дяде королю, чтобы он получил образование и приобрел подобающее положение, и поскольку, она считала, что не могла родить детей только для светской карьеры, то отдала своего четвертого сына, Генриха, в монастырь в Клюни. С течением времени, король Генрих дал своему племяннику Стефану в жены единственную дочь графа Булонского, к которой должно было перейти это наследство, а также наделил его обширными владениями в Англии. Своему племяннику Генриху, клюнийскому монаху, он дал аббатство Гластонбери, а со временем, выдвинул его в епископы Винчестера.

Поэтому, когда король Генрих умер, то, как уже говорилось, Стефан, в нарушении принесенной на мече клятвы дочери короля Генриха, в том, что он сохранит ей свою верность, захватил королевство, и в этом его поддержали прелаты и нобли, которые были связаны той же самой клятвой, а именно: Вильгельм, архиепископ Кентерберийский, который клялся первым, теперь помазал его в короли при помощи и при содействии Роджера, епископа Солсбери, который клялся вторым, и более того, затем принимал эту клятву от других. Однако, в том же самом году – году своей измены архиепископ умер, как верили – в наказание за свое лжесвидетельство. Епископ также кончил свою жизнь

дурной смертью несколько лет спустя, и как будет более подробно описано в своем месте, сам король стал орудием Божьей мести,. Возможно, до этих пор они могли полагать, что оказывали услугу Богу тем, что своим лжесвидетельством обеспечивали благосостояние церкви и государства, в расчете на то вознаграждение, которое могли бы получить за это,

а также из-за того, что было много вещей, вызывавших их неудовольствие, как в нравственности, так и в поступках покойного короля. Возможно, они воображали, что монарх, созданный всецело благодаря их расположению, будет с большей готовностью исправлять такие гнусности. Стефан, поскольку он мог взойти на трон только нарушив право, и человеческое и божественное, нарушил первое, поскольку не являлся законным наследником, и нарушил второе своим вероломством, обещал все, что требовали прелаты и нобили, но его желание избавится от данного им слова делало все это бесполезным, поскольку по Божьему суду, не допустимо делать такое добро, ради которого мудрые и могущественные люди решаются пойти на столь великое преступление.

Глава 5.

О благоприятном начале правления Стефана.

Первые два года правления Стефана действительно были удачными, так как Давид, король шотландцев, который совершил вторжение в Нортумберленд за реку Тин (Tyne), был побежден, и его войска были разбиты; Балдуин де Редверс (de Redvers), восставший против него был подчинен и выслан; его дела в Нормандии также шли весело и успешно. Но на третий и на четвертый год его царствования все больше и больше несчастий стало наваливаться на этого клятвопреступника, который при восшествии на трон нарушил свои прежние клятвы. Восстали многие из самых могущественных баронов, и истощив запасы казны своего дяди, сам он становился все менее могущественным и успешным в делах.

Но это было только началом несчастий. В то время, пока он был занят неудачными действиями в южной Англии против тех, кто поднял мятеж и развязал войну против него, воскресла ярость шотландцев. Они прорвались вперед и заняли Нортумберленд, который опустошили самым диким образом. Прейдя Тин, они продвинулись до реки Тис (Tees), не щадя ни пола, ни возраста. Но этим они не ограничили свою свирепость, но уверенно рассчитывали овладеть всей провинцией Дейрой (Deiri), вместе с городом Йорком. Местные жители, отчаявшись в помохи короля или провинций по ту сторону Хамбера, и вдохновляемые призывами блаженной памяти архиепископа Тарстэна, решили сражаться за свои жизни, за своих жен и своих детей. Они единодушно поднялись против врага, столь ужасного в своей жестокости, и заняли позицию недалеко от реки Тис, и хотя числом они уступали своему противнику, но значительно превосходили его своими добродетелями и сознанием своего правого дела. Шотландцы, ранним утром подожгли свой лагерь, перешли реку, и презирая малочисленного противника, смело пошли в бой.

Сражение было недолгим, и немного, или совсем ничего не было сделано мечом, поскольку легковооруженные войска, которых с дальней дистанции жалили стрелы, скоро обратили тыл и оставили победу и поле битвы нашим соотечественникам. Сообщалось, что в битве и во время бегства было убито много тысяч шотландцев, и король Давид, сопровождаемый немногими воинами, но с большим позором, бежал в свою собственную страну. Эта битва, благодаря Божьей помощи, успешно завершившая войну с шотландцами, произошла в августе месяце, в четвертый год царствования короля Стефана.

Спустя несколько месяцев, легат апостолического престола, епископ Остии Альберик, созвал собор в Лондоне. На нем, с королевской помощью, во владение престолом Кентерберри вступил Теобальд, аббат Бека.

Глава 6.

О Роджере, епископе Солсбери и Александре, епископе Линкольна, и об их пленении королем Стефаном.

Вслед за тем, король, пребывая в Оксфорде, стал столь сильно подвержен влиянию дурных советов, что ради своей жадности к деньгам он наложил свои нечестивые руки на духовенство, и невзирая на святые уставы, замарал свою королевскую репутацию несмываемым пятном. Хотя, незадолго до этого, он принял с очевидной

благосклонностью Роджера Солсберийского и Александра Линкольнского, в то время самых знатных и могущественных епископов в Англии, однако, вдруг, будто бы они были самого низкого достоинства и повинны в самых ужасных преступлениях, он схватил их, посадил под замок и заковал в кандалы, а также лишил их всего имущества и всех замков.

Поскольку здесь представляется возможность, я коснусь некоторых предметов, связанных с выдвижением и возвышением этого Роджера, поскольку в его наипечальнейшем конце можно узреть глубину божественного промысла. В царствование Вильгельма Младшего он был бедным священником, живущим только своей службой, как мы уже говорили - в Кане. Во времена, когда Генрих Младший вел войну против своего брата короля, то во время своего путешествия он случайно завернул вместе со своими спутниками в церковь, где служил Роджер, и попросил его отслужить для него мессу. Священник, удовлетворивший эту просьбу, был столь же готов приступить, сколь был проворен и во время самой службы. Обоими этими вещами он столь понравился воинам, что они заявили, что такой капеллан настолько пригоден для службы в армии, что другого такого и не найти. И когда королевский юноша сказал: "Следуй за мной", он примкнул к нему столь же тесно, как когда-то Петр примкнул к Господу Небесному, когда тот произнес такой же приказ. И как Петр оставил свою лодку и последовал за Царем царей, так и этот человек оставил свою церковь и последовал за благородным юношей, став, к радости и его и его воинов, их капелланом, и таким образом, он стал слепым поводырем, ведущим слепых. И хотя он был совсем неграмотным, но оказался столь ловок по природе, что стал очень ценен для своего господина и вел его самые сокровенные дела. Впоследствии, когда его хозяин стал королем, то он выдвинул его на епископский престол Солсбери, чтобы вознаградить за услуги, оказанные как до начала, так и во время царствования. И более того, как человеку сведущему во многих делах, надежному и старательному, он поручил ему вести такие общественные дела, которые были связаны не только с церковью, но которым подобало быть в ведении второго лица в королевстве.

Наконец, получив благодаря своим духовным и светским должностям большие возможности для развития своей скупости, он накопил несметные богатства, но не для того, чтобы употребить их за пределами своего дома и не для раздачи бедным, но ради самых тщеславных применений. Он построил в Девизесе (Devizes) и Шербурне (Sherbourne) два благородных замка с самой дорогостоящей отделкой, выказав свое стремление сделать их самыми несравненными во всем королевстве. Он также получил у короля, который не отказывал ему ни в чем, престол Линкольна для своего племянника Александра. Этот человек, будучи также расточительным, и соревнуясь со своим дядей, возвел за самую баснословную сумму два великолепных замка, но поскольку сооружения такого рода плохо согласовывались с его епископским званием, то для того, чтобы замять одиозность этих построек, и чтобы стереть это пятно, он основал такое же число монастырей и населил их духовными братствами. И когда знаменитый король Генрих, вымогая у своих прелатов и ноблей королевства клятву соблюдать верность его дочери, когда та наследует королевство, то епископ Солсбери (как уже упоминалось выше) не только с готовностью дал клятву за себя, но как муж рассудительный и второе лицо после короля, он, как ему и

поручил король, тщательно обосновал это дело, для сведения тех, кто тогда был еще должен принести присягу. Но по смерти Генриха, который был творцом всего его мирского величия, он поступил вероломно по отношению к его законной наследнице, поскольку Стефан, который и сам был связан тем же обязательством, стал соблазнять его присоединиться к своей партии, и тем самым он не только не боясь ничего совершил клятвопреступление, но и подал примечательный пример другим.

По восшествии Стефана на трон он вел себя таким образом, что всем казалось, что благодаря своей преданности, он пользуется личным доверием короля. Однако, Стефан не был благодарен ему за все эти благодеяния и был назначен Божиим гневом быть орудием мести каждому такому епископу, чьи дела не сообразуются с его достоинством, и теперь он терзал его как будто тот был незначительным лицом – вначале заключив его в тюрьму, затем голодом, и наконец, угрозой подвергнуть наказанию его племянника (который был королевским канцлером), так что тот отдал два благородных замка, в которых находилась его казна. Острота горя, выраженная им, когда все это случилось, согнула его отравленное любовью к мирским вещам сердце, в соответствии со справедливейшим замечанием Св. Григория: “Как у кого сильна любовь к мирским вещам, так и горе у того будет столь же сильно, когда он их лишиться”. В конце концов, пожилой епископ не перенес своего горя и впал в безумие, делая и говоря вещи крайне неприличные и еще больше горюя из-за потери тех вещей, строительством и собирательством которых он так сильно прогневал Бога, и по божественной каре, самую видную жизнь он окончил самым жалким образом.

Александр, епископ Линкольна, который был взят вместе с ним, таким же образом подвергался угрозам, чтобы отказался от замков, что он построил, и после отказа от них он, хотя и не без затруднений, был освобожден,. Если бы он был мудрым, то должен был бы с уважением отнестись навлеченному на него божественному суду и перейти к более благоразумным занятиям. Хотя король и являлся орудием Божественного гнева против этих выдающихся епископов, однако, эти события не принесли ему ничего хорошего поскольку, как покажет будущее, он не уделял внимания священным предписаниям.

Глава 7.

О том как Стефан потерял свою королевскую власть вместе с Нормандией.

По прошествии нескольких дней в Англию прибыла императрица Матильда, дочь короля Генриха, и пробудила угрызения совести у многих благородных людей, когда они вспомнили о клятве по поводу престолонаследия, которую они раньше принесли ей, тогда как другие, по своему настрою, несколько опасались выступать против короля Стефана. Таким образом, королевство разделилось – одни были на стороне короля и помогали ему, а другие – императрице, и полностью оправдались божественные слова: “Каждое царство, разделившееся против себя, приходит в упадок”. (от Луки 11,17. *Русский перевод*: “Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет”). Таким образом, Англия была постепенно настолько разграблена и опустошена обоюдными враждебными действиями, грабежами и пожарами, что будучи самой цветущей, теперь она представляет из себя самое опустошенное королевство. Уже пропал всякий страх перед королевской властью, исчезла вся сила общественного порядка, отступил страх перед законом, и кругом бродили насилие и распущенность. Каждодневно умножалось зло, церковная музыка превратилась в траурную, а люди оплакивали все новые и новые утраты. Таково было положение дел в Англии. Граф Анжуйский вторгся с войском в Нормандию, и в короткое время подчинил ее от имени своей жены и сына, и не нашлось никого, кто бы смог противостоять ему в этом нападении, поскольку он мудро согласовал свои действия с королем Франции, который оказался с ним в союзе против короля Стефана. Поэтому, с этой стороны не возникло никаких препятствий, могущих помешать успеху его планов.

Глава 8.

Пленение короля Стефана в Линкольне.

На шестом году своего правления король Стефан приступил к осаде замка Линкольна, в который хитростью вступил Ранульф, граф Честера, и с тех пор владел им. Осада продлилась от Рождества до Богоявления Господа нашего (*то есть от 25 декабря до 6 января. Прим. перев.*). Чтобы снять осаду граф привел с собой своего тестя, графа Глостерского (кровного сына короля Генриха), и некоторый других бесстрашных ноблей, вместе со значительными силами, и объявил королю, что если он не отступит, то они его атакуют. Однако, король, будучи осведомлен о своих противниках, собрал со всех сторон войско, и поставив его вне пределов города, чтобы встретить своих противников, он совершенно уверенно подготовился к битве, поскольку сам он был наихрабрейшим воином, и за ним была армия, превосходящая врага численностью. Вдобавок, вражеское войско, совершившее длинный зимний поход, казалось скорее нуждалось в отдыхе, чтобы восстановить свои силы, чем рассчитывать столкнуться с опасностями войны. Однако, те, хотя и уступали в численности и снаряжении и превосходили одной только смелостью, все же рассудили, что на таком расстоянии от дома они не найдут убежища во враждебной стране и бесстрашно ринулись в схватку. Спешившись сам со своим отрядом, король поставил свою конницу в авангарде, чтобы та предприняла или отразила первый удар. Но та была побеждена и обращена в бегство первой же атакой вражеских коней, и весь удар пришелся на то отряд, в котором находился король. Там схватка бушевала с наибольшей яростью, сам король сражался в первых рядах, и наконец, был взят в плен, а его отряд рассеян. Победившее войско триумфально вошло в город для грабежа, а королевский пленник был отослан к императрице и заключен под стражу в Бристоле.

Глава 9.

О том, как король Стефан был освобожден вследствии пленения графа Глостера.

О поражение короля стало всем известно, императрица достигла высочайшей точки своей власти и добилась расположения всего королевства. Но, после того как она достигла такой большой высоты, она проявила себя немудрой— ее недавние успехи сделали ее столь высокоумной и надменной в речах, что и еще благодаря нестерпимой гордости ее пола, настроило все еще колеблющиеся умы знати против нее. Жители Лондона, хотя и вначале они приняли ее благосклонно приняли, теперь, из-за ее гордости, прониклись к ней отвращением и вновь отвергли ее. Раздражившись из-за этого обстоятельства, она заковала в оковы короля, который, по Божественному правосудию попал в ее руки, и с которым она до сих пор обращалась снисходительно. Но именно этими суворыми мерами она смягчила суворость божественного приговора над ним, и (как показали дальнейшие события) ускорила его освобождение. Так, по прошествии нескольких дней, начав вместе со своим дядей, королем шотландцев, и со своим братом Робертом осаду замка епископа Винчестерского, она на себе испытала переменчивость фортуны, после того ее гордость была награждена потерей ее славы.

В конце концов, епископ, который приходился королю братом и обладал большой властью в королевстве, будучи человеком хитрым и чрезвычайно богатым, и еще, при этом, являвшимся легатом апостолического престола в Англии, послал за Уильямом Сприсом (Sprees) и королевой в Кент, который один оставался верен королю в его несчастье, а также к ряду других людей в разных графствах, которые негодовали по поводу нестерпимой тирании императрицы, прося, чтобы они сняли осаду. Затем, когда он собрал несметные силы, обе армии в течении нескольких дней оставались в бездействии и

все занимались обороной своих лагерей, кроме тех, кто выходил из лагеря для воинских занятий, чтобы продемонстрировать свою силу. Однако, подошедшие отряды из Лондона усилили противостоящую императрице партию до такой степени, что та сочла свои войска непригодными для битвы и, оставив на разграбление Винчестер, она нашла спасение в бегстве. В этом отступлении, вместе со многими другими, был взят в плен и Роберт, граф Глостерский. Однако, Давиду, королю Шотландии, благодаря хитрой уловке, удалось избежать участия оказаться в руки вражеских преследователей, и благодаря некоторым людям, которые с осторожностью сопровождали его среди постоянных тревог и опасностей, он добрался до своей страны. В итоге, состоялся размен знатных пленников - короля и графа. Но враждебные действия продолжались, и каждый из них возглавил свою партию против другой.

Глава 10.

О бегстве императрицы из Оксфорда и о соборе в Лондоне.

Разлад существовавший между королем и императрицей был бесконечным; временами обе партии были равны друг другу, в другое время одна из них преобладала, но и это, в свою очередь, как впоследствии обнаруживалось, было тоже предметом изменчивости фортуны. Так, в следующем году, когда король Стефан строил крепость в Уилтоне (Wilton), он был потерпел поражение в результате внезапного набега крага, и понеся значительные потери, был обращен в бегство. В этом деле был взят в плен королевский кравчий Уилльям, по прозвищу Мартел, и впоследствии король добился его освобождения оставив благородный замок Ширбран (Shireburn). В том же году, благодаря случайности фортуны король, в течении нескольких месяцев осаждал императрицу в Оксфорде. Устав от длительной осады и найдя возможность бежать, она, невзирая на суровость времени года, по покрову ночи, надев ради белого снега белую одежду, перешла реку Темзу, которая уже достаточно замерзла, и направилась в более безопасное место, а король взял Оксфорд.

После этого успеха, который, в некоторой степени, перечеркнул последние неудачные события, после столь многочисленных испытаний Божественных и гнева и милости, король отныне изменил свое поведение, став более мягким по отношению к духовенству; и он присутствовал на соборе, который состоялся в следующем году в Лондоне, и по просьбе Генриха, епископа Винчестерского и легата апостолического престола, приветливо пожаловал свое королевское согласие на покой и на привилегии духовенства. Поскольку, по мере того, как росло зло в Англии, все меньше внимания обращалось на священные институты, и священники и прочие люди были почти уравнены во всех отношениях, то на этом соборе было постановлено, что если кто-нибудь наложит свои буйные руки на свящееннослужителя или на монаха, то тот должен быть торжественно отлучен от церкви и послан за разрешением к римскому понтифику. До конца этого года столкнулись два лица - архиепископ Кентерберийский, имевший обычную юрисдикцию над епископом Винчестера, и епископ Винчестера, который полагал свою власть легата Рима выше власти архиепископа, и мир в церквях был нарушен. Они обратились к римскому понтифику, в соответствии с важностью вопроса, вынеся его на благосклонность решения Рима. Один из них, действительно, выиграл дело, но никто из них не вернулся назад с неопустошенным кошельком.

Глава 11.

О нечестивой жизни и соответствующей смерти Годфрида Мандевилля.

В это время король Стефан, уделяя больше внимания тому, что более целесообразно, а не тому,

что более почетно, не совсем справедливо, и руководствуясь не столько законом страны, сколько своим собственным желанием и страхом, пленил при своем дворе в Сент-Олбэни Годфрида Мандевилля. Пленил за то, что тот был человеком самого отчаянного нрава и обладал равно и властью и ловкостью. Он был владельцем знаменитого лондонского Тауэра, и еще двух значительных крепостей и, сообразно своим выдающимся способностям, нацеливался на великие дела.

И поскольку, из-за этих обстоятельств он являлся угрозой для короля, то Стефан осторожно скрывал тот ущерб, который терпел от его беззаконий и с нетерпением ждал подходящей возможности отомстить. Ущерб причиненный этим отпетым человеком королю был такой: несколько лет тому назад, как я говорил, Стефан захватил сокровища епископа Солсбери и передал значительную суммы денег Людовику, королю французскому, с чьей сестрой Констанцией он помолвил своего сына Евстахия, намереваясь через родство со столь великим государем упрочить свое положение против графа Анжу и его сыновей. В то время Констанция находилась в Лондоне с королевой, своей свекровью, но когда королева пожелала переехать со своей невесткой в другое место, то Годфрид Мандевилль, который в это время распоряжался Тауэром, воспрепятствовал ей, и отнял невестку из-под опеки свекрови, и хотя она сопротивлялась как могла, все же он ее задержал и заставил королеву с позором удалиться. Правда, позже, по требованию ее свекра короля он с неохотой передал ему свою знатную пленницу, и Стефан некоторое время скрывал свой гнев.

Этот инцидент произошел достаточно давно и казалось был предан забвению, но вот на собрании знати, устроенном по приказу короля в Сент-Олбэни, этот бандит появился вместе с другими, и король использовал этой шанс удовлетворить свою ярость - он бросил его в тюрьму и лишил его лондонского Тауэра вместе с другими двумя замками, которыми он владел. Лишившись своих цитadelей, но получив свободу, этот неугомонный человек, широкий в замыслах, несравненно хитрый, а равно и сверх меры умный в совершении злодейских преступлений, собрал банду отчаянных головорезов, захватил монастырь Рамсей, без всяких сожалений выгнал оттуда монахов и сделал столь знатное и святое место воровским логовом, и превратив Богово святилище в обитель дьявола, он стал подвергать окрестности непрерывным нападениям и вторжениям. Затем, окрепнув, благодаря своим успехам, он пошел дальше и стал самыми смелыми набегами тревожить и беспокоить короля Стефана. И пока он таким образом продолжал свою безумную деятельность, Бог казалось спал и не вмешивался ни в дела людей, ни в свои собственные, которыми, говоря иными словами, являются дела церкви. Тогда жаждущий справедливости воскликнул: “Восстань, Господи, почему ты спишь?” (Псалмы 43, 24). *Русский синодальный перевод*: “Возстань, что спишь, Господи!”), но как заметил апостол, после того, как Бог “с великим долготерпением щадил сосуды гнева для готовых к погибели” (Послание Римлянам 9,22), затем, как наблюдал пророк, “пробудился внезапно Господь и поразил врагов своих в тыл” (Псалмы 77, 65-66. *Русский синодальный перевод*: “Но, как бы ото сна, воспрянул Господь, ..., и поразил врагов его в тыл”) – таково было завершение этого дела, хотя начало у него и было успешным.

В конце, непосредственно перед смертью этого дурного человека, как утверждалось в многочисленных заслуживающих доверия сообщениях, стены церкви, которую он захватил, и смежного монастыря источали настоящую кровь, которой, как это стало ясно позже, был показан как весь ужас его преступления, так и надвигающееся возмездие. Так, хотя его отпетые приверженцы (которым отказал их ум негодяев) нимало не испугались

столь грозного знамения, сам негодяй, во время нападения на вражескую крепость, находясь в середине массы своего войска, был поражен стрелой в ногу от рук простого пешего воина. Хотя, этот свирепый человек вначале и пренебрег своей раной, как пустяковой, все же, спустя несколько дней он из-за нее умер, и унес с собой в ад нерасторжимые путы церковной анафемы. Также, передавали, что двое из его самых свирепых приверженцев, один – начальник кавалерии, а другой – пехотинцев погибли в результате различных случайностей: один умер от падения с лошади, при котором его голова разбилась об землю, и оттуда вывалились его мозги, а другой, по имени Райннер, прославившийся разрушением и сжиганием церквей, отягощенный грузом своих бесчинств, когда вместе со своей женой пересекал море, стал причиной того, что судно, на котором он плыл, стало неподвижно посреди моря. Это вызвало великое удивление моряков и других пассажиров и они обратились к древнему обычаю бросить жребий, и жребий выпал на Райнера, и чтобы не счесть это игрой случая, он был кинут снова, и даже в третий раз, и было однозначно установлено, что это и есть Божье решение, поэтому, чтобы все остальные не погибли вместе с ним, или из-за него, он вместе со своей женой и дурно нажитым богатством был посажен в маленькую лодку. И корабль сразу же обрел способность двигаться и отправился куда направлялся, но ялик затонул под тяжестью грешника и был похоронен в пучине.

Глава 12.

О Роберте Мармиуме (Marmium) и его смерти.

Было печальным обстоятельством то, что в Англии пребывало еще два узурпатора, подобных описанному выше - Роберт по прозвищу Мармиум, который изгнал монахов, занял и осквернил церковь Ковентри; и Уилльям Альбемарль (Albemarle), который, нарушая правильные каноны, так же поступил в Барлингтоне. Роберт был сокрушен тяжестью божественного правосудия, но другой, по Божьей милости, пришел к раскаянию и искупил свою вину частыми и щедрыми подаяниями бедным и возведением значительных монастырей. Роберт Мармиум был человеком воинственным и свирепым, лукавым, смелым, и почти ни с кем не был ровней. Наконец, получив славу благодаря далеко распространившимся успехам и осквернению этой благородной церкви, которую населил слугами дьявола, он стал изводить частыми и наводящими ужас нападениями графа Честера, к которому он был особенно недружелюбен, и поскольку располагал значительными силами, он хотел непременно напасть на самого графа,. Но гордо восседая на горячем коне, на виду у обоих противостоящих сторон, он забыл о своей собственной хитрости – он перекопал землю канавами и должен был держась поодаль раздражить врага, - он, по Божьему суду (я говорю именно так!) нечаянно упал в ловушку, которую сам же искусно и тщательно сделал, и оказавшись неспособным вылезти самостоительно, поскольку сломал себе бедро, он был, в присутствии всех, обезглавлен одним воином противной армии. Это случилось примерно в то же время когда Божья кара настигла и Годфрида Мандевилля, и смерть этого человека за подобные же поступки послужила таким же назиданием. Несмотря на это, Уилльям де Альбемарль не был напуган столь ясно выраженной в смерти этих людей Божьей воле, и еще несколько лет спустя обдумывал совершение подобные же бесчинства, но как я уже говорил, отойдя от этого, раскаявшись и занявшиись искуплением, он из рук Всемогущего Бога получил вместо наказания милость.

Глава 13.

О различных несчастиях, обрушившихся на короля Стефана.

На девятом году правления короля Стефана, который был отмечен заслуженной смертью этих двух негодяев, король предпринял осаду замка Линкольна, который в то время занимал граф Честер. Пока король находился там и воздвигал укрепления, все его сооружения были разрушены внезапной вылазкой врага, и король удалился с поражением.

Однако, на следующий год он стер неудачу этого дела, когда граф Глостер и другие представители враждебной партии воздвигли крепость в Фаррингдоне (Farrigdon) для того, чтобы самим получить преимущество, а врагу - досадить. Король спешно выступил туда со своим личным войском, поддержанной силами лондонцев, и собранное войско в течении нескольких дней с яростью штурмовала укрепления, и наконец, с великим трудом и кровопролитием, овладело им. Так фортуна склонялась из стороны в сторону, и тем кого она обманывала неприятностями, позже она улыбалась успехом.

И вновь, катастрофы одиннадцатого года его правления затмили его успех, который уравновесил бедствия года предшествовавшего: Ранульф, граф Честера, с которым он заключил соглашение, стал его верным и преданным другом и оказал ему мощную поддержку в Уаллингфорде (Wallingford), и все же очень скоро после этого, король, забыв о своем королевском величии и достоинстве, пленил этого графа, который пришел к его двору в Нортхэмптоне с миром и ничего не опасаясь, и принудил его отдать замок Линкольна вместе со всем тем, что как он считал, граф присвоил. Вследствие этого граф получил свободу, но стал впоследствии непримиримым врагом короля.

**Текст переведен по изданию: The Church Historians of England, volume IV, part II;
translated by Joseph Stevenson (London: Seeley's, 1861).**

Электронная версия: <http://www.fordham.edu/halsall/basis/williamofnewburgh-intro.html>

© сетевая версия - Thietmar. 2005
© перевод - Раков. Д. Н. 2005
© дизайн - Войтехович А. 2001

ВИЛЬЯМ НЬЮБУРГСКИЙ

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

HISTORIA RERUM ANGLICARUM

Глава 14.

O Тарстэне, архиепископе Йоркском и об основании аббатств Риво (Rievaulx) и Фаунтинс (Fountains).

Пока в английском королевстве происходили такие события, святой памяти архиепископ Йоркский Тарстэн, после многолетнего достохвального исполнения своих обязанностей и исключительно благочестивой деятельности, нашел, что время его борьбы приблизилось к завершению, и оставил свое достоинство и освободив себя от его бремени, провел свои последние дни вместе с клюнийскими монахами в Понтефракте (Pontefract) и отправился к праотцам в добром старом возрасте. Среди прочих его выдающихся деяний, именно его благочестивой заботе и святому усердию может быть отнесено основание и дальнейшее процветание благородного монастыря Фаунтинс. Об этом его замечательном деянии можно рассказать следующее:

В монастыре Йорка было 12 или 13 монахов, которые будучи пылки духом и отличаясь щепетильной совестью, страстно желали вести благочестивую жизнь согласно с клюнийским уставом, или каким-нибудь подобным ему, а не в точном соответствии с записанным письменно уставом Св. Бенедикта, к ордену которого они хоть принадлежали, но они намеревались взвалить на себя бремя чего-нибудь еще лучшего и более строгого, подобно славному примеру недавно учрежденного цистерцианского ордена, о котором к этому времени уже стало весьма широко известно. Эти люди желали покинуть свой монастырь. Почтенный Тарстэн, лилея замысел и рвение этих людей, на некоторое время после их ухода из монастыря отчески приютил их у себя дома и взлелеял их на груди своей материнской любви до тех пор пока, он не смог обеспечить их всем тем, что хотел, и наконец, он поместил их на место их пастбища. Место это было названо Фаунтинс (Источники), поскольку, и тогда и позже, к вечной жизни утекло оттуда столько вод, сколько их может истечь только из источников Спасителя. Истинно, незадолго до этого, монахи Клерво, которые получили приглашение от благородного человека Уолтера Эспека (Walter Espec) и были посланы блаженной памяти аббатом Бернардом, пришли в провинцию Йорк и приняли в качестве своей резиденции место, которое теперь называется Риво (в то время бывшей страшной дикой пустыней) - место, подаренным им этим благородным человеком. И них Тарстэн тоже распространил свое пастырское благоволение и отческое внимание. Побуждаемые их примером и вдохновившись вести более строгую жизнь, монахи Йорка доверились указанию блаженной памяти аббата Бернарда, и хотя они и были распределены по разным местам, но были едины в своем сердце и они начали с равной энергией и рвением вступать на тот узкий путь, что ведет к жизни. Бог благословил их благословением небес сверху и благословением глубин снизу, благословением плодородных урожаев и обильной шерсти, и все это в таком количестве, что они не только собирали изобилие разных продуктов для нужд служения Всемогущему Богу, но также имели и обильные средства для раздачи милостыни бедным. А то, что они служили Господу Христу подобно образцовым пчелам, ясно видно и из плодов их деятельности и из того, что они, подобно роящимся мудрым пчелам, посыпали от себя многочисленные группы святых людей, и не только по провинциям Англии, но даже и в среду варварских народов.

Глава 15.

Об основании Биланда (Byland)

Так же как я сделал упоминание о Риво и Фаунтинсе, двух благородных монастырях провинции Йорк, то также мне следует сообщить и о происхождении Биланда, лучше мне известного благодаря его близости, поскольку он находится в миле от церкви Ньюбурга, в которой я с младых лет получал образование во Христе. Я начну с более ранних времен.

Как я слышал от людей старого времени, что в иных странах были три великих сподвижника: Роберт, по прозвищу Арбускул (Arbuscule), Бернард и Виталий. Люди эти, будучи немало учеными, шли по городам и по деревням, сея, согласно Исаи, около любой воды, и от обращения множества людей они собирали обильные плоды. Среди них было благочестиво определено, что Роберт будет больше внимания уделять женщинам, которые их общими трудами обратились к лучшей жизни, а Бернард и Виталий будут иметь дело преимущественно с мужчинами. В соответствии с этим решением Роберт воздвиг для женщин благородный монастырь Фонтевро и ввел там правильный устав. А Бернард в Тироне (Тугон) и Виталий в Савиньи (Savigny) учредили правильные общины монахов, хотя каждый из них проявил свой личный характер, введя в устав некоторые особенности.

Когда слуги Божии, мужского и женского пола, потекли из этих трех братских источников в дальние провинции, то несколько монахов из Савиньи и основали и наш Биланд. Немногие числом и бедные в начале, они искали благоприятного места, где бы они могли, Божьей милостью, обосноваться, чтобы выращивать свой урожай, и тогда они в первый раз приняли от одного благородного мужа по имени Роджер де Моубрей (Mowbray), основателя церкви в Ньюбурге, одно место, куда могли бы укрыться от различных случайностей, а затем во второй, в третий и в четвертый разы, и имея все того же покровителя, они окончательно пустили корни в Биланде. Господь благословил их, и они будучи бедными, пришли к великому богатству, под управлением отца Роджера, мужа исключительной честности, который достигнув доброго преклонного возраста, все еще до сих пор живет, и который управлял ими почти целых 57 лет. Однако, основание этого монастыря произошло не ранее смерти почтенного Тарстэна, когда вышеупомянутые аббатства Риво и Фаунтинг уже находились в цветущем состоянии. И поскольку монахи Савиньи, благодаря благочестивому побуждению одного из своих аббатов, в течении многих лет с момента основания руководствовались правилами принятymi в Клерво, то эти три монастыря, и без того имея единый устав, стали еще теснее связаны с друг другом узами дружбы, и тройным маяком они горят вдали над нашей провинцией свидетельствуя о превосходстве нашей святой религии. Что еще можно подумать об этих и других благочестивых местах, которые стали столь обильно возводиться и расцветать в дни короля Стефана, так только то, что они являются лагерями Бога, в которых солдаты несут охрану, а новобранцы учатся противостоять духовному злу. Поскольку, около этого времени, когда испарился всякий дух королевской власти, нобли, каждый в соответствии со своими возможностями, возводили крепости, либо для того, чтобы защитить свои собственные владения, либо для того, чтобы захватить земли своих соседей. Когда зло, таким образом, распространялось и множилось из-за лености короля Стефана, или скорее, из-за злоумышлений дьявола, который постоянно вызывает ссоры, все больше и больше стала очевидна слава мудрой предусмотрительности Короля королей, когда в это же время стало известно, что Бог воздвигает такие крепости, чтобы стать Королем мира и чтобы смириить гордость князей. И наконец, примечательно, что такое великое множество монастырей для обоих полов, большее, чем за все предшествующее столетие, было основано в Англии в течении короткого времени правления короля Стефана, или вернее говоря, в то время, когда он носил титул короля.

Глава 16.

О Гилберте Семпрингхэмском (Gilbert of Sempringham) и об ордене, который он учредил.

Никак нельзя обойти молчанием почтенного Гилbertа, от которого начал свое возвышение и быстро достиг цветущего состояния орден в Семпрингхэме. Он определенно обладал замечательным характером и исключительным тактом в обращении с женщинами. Говорили, что начиная с ранней юности его нисколько не удовлетворяла возможность получить спасение только для себя, но он был воспламенен страстью привести к Христу и души других людей и начал с большим рвением побуждать слабый пол к соперничеству в богоугодных дела, основываясь в своей благочестивой цели на сознании своего целомудрия и уверенности в благосклонности небес. Когда божественная благосклонность улыбнулась его начинанию, то боясь, как бы ему не пришлось бежать, и тем более бежать понапрасну, в том случае, если он не смягчит свое необузданное рвение трезвым, более глубоким знанием, - ведь сам он мало что узнал от своих предшественников, то он решил, что раз он принял на себя такую хлопотную задачу, ему надлежит посетить почтенного Бернарда, аббата Клерво, славного за свой мудрый и отличающийся святостью характер. Получив указания из его проницательных советов и одобрение в своем замысле, он продолжал следовать своим благочестивым целям равно

как с пылкостью, так и с осторожностью. Его планы преуспевали, и подобно тому, как было сказано про благородного патриарха, он возвеличился больше и больше (Бытие, 26, 13), он получил исключительное могущество, не только в многочисленной общине, которая собралась для службы Всемогущему, но также и в обеспечении мирскими вещами, что необходимы для поддержания тела, согласно божественному предписанию: “Ищите прежде всего царство Божие и правды Его, и все это приложится к вам”. (от Матвея, 6,33).

Наконец, он возвел два благородных монастыря для мужчин и восемь для женщин, слуг Божьих, они были наполнены многочисленными обитателями, и он установил правильные уставы, согласно той мудростью, что была дана ему. Он превосходил всех прочих в обучении мужчин, но, по данной ему божественной милости, он еще больше превосходил всех в искусстве обучения служению Богу женщин. В этом отношении, по моему разумению, он далеко превзошел всех тех, кто в своих духовных трудах занимался их образованием и поддержанием у них дисциплины. Спустя несколько лет, согнувшись под тяжестью духовные побед, и будучи немощным, все еще продолжая служить проводником для небесных новобрачных, он отправился к Христу. Кроме того, еще осталось множество его сыновей и дочерей, и семя его могущественно на земле, и его поколение будет благословлять его вечно.

Глава 17.

О том каким образом был низложен Уильям, архиепископ Йоркский, который не получил паллия, и о том, как ему наследовал Генрих.

По кончине почтенного Тарстэна, архиепископа Йоркского, его престол наследовал Уильям, казначей этой церкви. Чувствовалось, что как человек он истинно благороден, поскольку отличался любезностью и мягкостью своих манер. Когда он отправил к Святому престолу достойных представителей, чтобы получить, согласно обычаю, паллий, то его противники прибыли туда еще раньше, наговорили про него много чего, и утверждение было приостановлено. Ему было приказано появиться в Риме самолично, поскольку он находился еще вполне нормальном возрасте, чтобы отвечать за себя сам. Но постепенно серьезность обвинений возрастала, и его враги возобладали, и поскольку против него был неумолимо настроен, справедливо или нет, блаженной памяти папа Евгений, то он был окончательно низложен. По возвращению в Англию он удалился в Винчестер, где его с почетом принял и давал ему в течении почти 10 лет великолепное содержание Генрих, который посвящал его. Здесь он печалился то ли о своей невоздержанности, то ли о неудачном стечении обстоятельств, и молча ждал, когда со временем ему предоставится шанс.

После его низложения церковь Йорка наследовал аббат Фаунтинса Генрих, главным образом благодаря усилиям почтенного Евгения, который был когда-то его другом и товарищем по учебе у отца Бернарда в Клерво, и который был вполне знаком с его жизнью и знал о его нраве и о его делах. В конце концов, он самым радушным образом приветствовал его избрание, и когда тот был должным образом посвящен в сан, то оказал ему честь даровав паллий. Однако, по его возвращению в Англию, Стефан отказался его принять, пока он не принесет присягу в верности. Вследствие этого, а также для того, чтобы сохранить благосклонность короля, жители Йорка, которые были больше расположены к своему низложенному прелату, также отказались принять его. За это упрямство город оказался под интердиктом, и всякая деятельность церкви там была приостановлена. Туда приехал сын короля Евстафий, приказал проводить церковные службы и распорядился, что тот кто не уступит его угрозам будет изгнан из города. Отношения низложенного прелата, воспламенившегося равнозначно как своим собственным

гневом, так и поддержкой короля, стали враждебными и грозными по отношению ко всем, кто показывал, что рад его падению, до такой степени, что они не усостились предать смерти старшего архиакона, который случайно попал в их руки. Однако, спустя несколько лет король умиротворился, и тогда жители Йорка с радостью приняли своего законного прелата, и таким образом, после столь длительной усобицы восторжествовала тишина долгожданного мира.

Глава 18.

О причине Второго крестового похода в Иерусалим.

На 12-й год своего царствования король Стефан, вырвав силой (как мы упоминали выше) город Линкольн у графа Честера, желал быть там коронованным на Рождество, мудро не обращая внимания на старинное суеверие, которое запрещает королям Англии вступать в этот город. Без тени сомнения въехав в город без тени сомнения, он не столкнулся ни с каким зловещим предзнаменованием, о котором говорила пустая традиция. Но напротив, после торжеств своей коронации, он, спустя несколько дней, с добрыми чувствами покинул город, с презрением отнесясь к суеверия.

В том же году бесчисленное множество людей от всех христианских народов, племен и языков, услышав о знамени распятого Христа, отправилось в крестовый поход в Иерусалим. Сообщается, что причиной этого весьма знаменательного похода была следующая. Перед великой рекой Евфрат находится благородный город Месопотамии, который теперь называется Рогезией (Rohesia), но более часто – по своему древнему имени – Эдессой, и в котором христианская вера исповедуется со времен Константина Великого, и который прославился хранением реликвий Св. Апостола Фомы, что были доставлены туда из Индии. Рвение города к католической вере при арианском императоре Валенте было столь велико, что как говорят, когда он послал префекта перебить всех, кто соберется на молитву в церкви апостола, то в домах не осталось никого, но все, от мала до велика, сбежались туда, чтобы умереть за свою правую веру, и бежали туда быстрее, чем на пир, так что некая женщина, в спешке тащившая за собой маленького мальчика, чтобы оба они – и она и ее отпрыск, стали мучениками за Христа, – они обогнали чиновника, который спешил туда с этим ужасным приказом. И когда, много лет назад, сарацины, по неисповедимым путям Господа произвели опустошение среди христиан и завладели их самыми благородными городами – Александрией, Антиохией, Иерусалимом и Дамаском, а среди прочих провинций, также и Египтом и Сирией, где поклонялись Христу, и искоренили отовсюду имя христиан, только этот город, был единственным, который защищал не только свои собственные стены, но и прилегающие земли, и хотя он и был окружен бесчисленным множеством самых непримиримых врагов, но он так и остался незавоеванным даже до времени первого крестового похода, когда Иерусалим и Антиохия были добыты христианами после изгнания сарацин.

Позже, люди Эдессы, страдая от набегов турок, попросили о помощи нашу армию, и получили ее, а качестве ее первого предводителя – галла по происхождению, наихрабрейшего Балдуина, брата прославленного Годфрида. Когда этот принц, после своего брата Годфрида, был возведен на трон Иерусалима, правление Эдесской осуществлялось сильной рукой других вождей вплоть до Жослена. Своенравное непостоянство и жадность этого человека и стали причиной того, что не только городу, славному за свою приверженность христианству в течении почти 900 лет, суждено было, из-за вероломного предательства одного человека, перейти в руки турок, но более того, он стал причиной искоренения святой веры. Этим человеком был некий армянин по происхождению, уроженец этого города, и по наследственному праву, владевший

примыкающей к стене башней. Жослен был очарован красотой дочери этого человека и насилино ее захватив, обесчестил. Горюя о своей опозоренной дочери, и хитро скрывая степень своего горя, для того, чтобы смоить отомстить одному, он вовлек в погибель многих. В канун наисвятейшего праздника Рождества Господа нашего, когда в церквях служили торжественные службы, этот человек, по тайному сговору, ввел в город турок. Ненасытно жаждя христианской крови, они обрушились на людей, которые полагали себя в безопасности, находясь в церквях. Как говорят, они убили архиепископа, когда он стоял у алтаря, и предали мечу несопротивлявшихся людей, которые от внезапности случившегося пришли в замешательство. Таким образом, Эдесса, с ранних пор хранившая христианскую веру и бывшая до того времени не завоеванной в течении столь многих лет, была взята и покорена власти самого подлога народа на земле.

Более того, ее самые дальние границы пали под непрерывными ударами яростного врага и были вынуждены покориться их отвратительному господству. Исповедание христианской веры было полностью искоренено по ту сторону Евфрата. Возгоревшись при сообщении об этом бедствии самые благородные государи христианской веры – Конрад, император Италии и Германии, и Людовик, король Франции, – с наибольшей готовностью приняли знак Христа, а с вместе с ними и многие нобли, и неисчислимое множество людей, почти в каждой христианской провинции.

Глава 19.

О ереси Одо де Стелла (Eudo de Stella) и его смерти.

Около этого времени папа римский Евгений в управлении святым престолом Рима обратил внимание на строгость монастырской жизни. Для поддержания церковной дисциплины он приехал во Францию и созвал общий собор в Реймсе. Здесь, когда он председательствовал в окружении прелатов и ноблей, перед ним предстал некий зловредный человек, который был охвачен демоническим духом, и который своим демоническим искусством ввел в заблуждение такое множество людей, что полагаясь на большое число своих последователей, он в разных местах сеял смятение и проявлял особую враждебность к церквям и монастырям. После его долгой и успешной деятельности, мудрость наконец, взяла вверх над злом – он был взят архиепископом Реймским и предстал перед святым синодом. Одо по прозвищу Стелла, бретонец по происхождению, был столь неграмотным и необразованным, и столь околованным хитростями дьявола, что из того, что на французском языке его звали “Он” (Eun), он вообразил, что выражение, используемое в церковном экзорцизме, а именно, “Именем Того, кто придет судить и живых и мертвых, и весь мир огнем” относится к нему самому.

Он был столь глуп, что не мог заметить разницы между “ом” (eum) и “он” (eun), и был столь слеп в своем невежестве, что полагал про себя, что именно он является правителем и судьей и живых и мертвых. Благодаря хитрости дьявола, он был столь могущественен в ловле душ невежественных людей, которые словно мухи запутывались в ткани паука, что сумел собрать вокруг себя множество введенных в заблуждение, которые следовали за ним словно именно он был Королем королей. Иногда он пересекал разные провинции с невероятной скоростью, а иногда останавливался там в диких и пустынных местах, вместе со всеми своими сподвижниками. Отсюда вновь, по наущению дьявола, он внезапно делал вылазки, в основном против церквей и монастырей. Его часто окружали друзья и родственники, то ли поскольку он был не самого низкого происхождения, то ли потому, что умел привлечь их своим искусственным обхождением или, скорее, умел хорошо приспосабливаться к обстоятельствам.

Он выглядел будто обладал значительным достоинством, его приспешники и слуги выделялись роскошью, и его сторонники, свободные от хлопот и трудов выглядели роскошно одетыми, проводящими время в великолепных пирах и в постоянных удовольствиях так, что те, кто являлся, чтобы схватить, вводились в заблуждение его не настоящей, но кажущейся славой. Своей причиной эти обстоятельства имели колдовство дьявольских духов, властей воздуха, из-за которых несчастное множество людей удерживалось в пустынных местах не реальной и вещественной пищей, но эфимерной. И потому мы еще слышим от некоторых людей, которые примыкали к нему, и которые после его плена, все еще бродят по миру по путям наложенных эпитетов, что они могли иметь когда пожелаю и хлеб, и мясо, и рыбу, и всякие прочие утонченные яства. На самом деле то, что вся эта пища была воздушной, а не вещественной, и делалась видимой демонами воздуха, скорее для того, чтобы заманить в ловушку их души, чем для того, чтобы накормить их плоть, доказывается тем, что насыщение такой пищей вызывало в качестве испражнений лишь легчайшую отрыжку, и что позже их охватывал такой зверский голод, что они были вынуждены насыщаться снова и снова. Более того, если кто-нибудь к ним случайно приближался и хотя бы слегка пробовал их еду, то тот, от участия в трапезе демонов, терял свой разум и становился неразлучным с этой бесовской конгрегацией, а если кто-нибудь получал от них какую-нибудь вещь любого сорта, то тот не мог чувствовать себя в безопасности ни от какой напасти.

Наконец, сообщается, что некий рыцарь, родственник этому пагубному собрату, поехал к нему и честно увещевал его отказаться от этой нечестивой секты и воссоединиться со своей семьей в христианской общине. Хитро вводя в заблуждение этого человека, тот показал ему в большом разнообразии все изобилие колдовских чар с тем, чтобы привлечь его очарованием того, что он видел. Он сказал ему: "Ты мой родственник, бери взамен все, что хочешь", но этот благородный человек, найдя свои советы тщетными, немедленно отправился прочь, однако его слуга, был охвачен сильным желанием (хотя и себе на погибель) завладеть одним ястребом которого он видел и который отличался особенной красотой,. Попросив и получив его, он радостный последовал за своим хозяином, который уже успел уехать. Тот сказал: "Немедленно выброси его. То, что ты несешь - не птица, хотя и кажется таковой, но дьявол, совершивший такую метаморфозу". Правдивость этих слов проявила вскоре после того – когда этот глупец отверг его совет, то он вначале начал жаловаться, что ястреб своими когтями схватил его кулак слишком сильно, а затем он был поднят им за руку в воздух, а вскоре и вовсе исчез из виду. Воистину, этот одержимый, при посредстве дьявола, дошел, как говорили, до того, что когда войска, которые часто снаряжались против него различными государями, искали его, то тщетно пытались выследить и преследовать, но напротив, никак не могли найти. В конце концов, он лишился помощи дьяволов, когда им больше не позволили распоряжаться через его посредничество, ибо власть их простирается не далее пределов отмеренных властью их превосходящей, то есть властью Бога. С небольшими затруднениями он был пленен архиепископом Реймским, а совращенные им люди, что следовали за ним, были рассеяны, но те из его учеников, которые находились поблизости и являлись его помощниками, были взяты вместе с ним.

Находясь в присутствии собора, он был спрошен понтификом, кто он такой, и на это он ответил: "Я – Он (Eun), который придет судить огнем и живых и мертвых и весь мир". Он держал в руке посох необычного вида, раздвоенный на конце, и будучи спрошенным, что это означает, он сказал: "Это есть предмет величайшей тайны - когда два зубца палки смотрят в небо, как вы видите сейчас, то это означает, что Бог владеет двумя частями мира и оставляет третью мне, но если я наклоню два зубца к земле и подниму к небу нижнюю часть, у которой один конец, то тогда две части мира – мои, и только третью

часть я оставляю Богу". И при этом все собрание расхохоталось и осмеяло человека находящегося в столь сильно поврежденной рассудке.

Будучи осужденным по декрету собора на строгое заключение, он остался в живых, но не надолго. Однако, его ученики, которых он назвал такими напыщенными именами как, например, одного Мудростью, другого – Знанием, третьего – Рассудительность и других подобным же образом, поскольку они были неспособны ни к какому твердому учению и больше хвастались этими лживыми именами до такой степени, что тот, который был назван Рассудительностью, угрожал в тщетной самоуверенности своим стражам самой суровой местью, то они сначала предстали перед законом, а затем и перед костром, и предпочли костер шансу спасти жизнь. Я слышал от одного почтенного свидетеля, присутствовавшего при этом, что он слышал как тот, кого звали Рассудительность, во время казни постоянно взывал: "Земля, разверзнись", как будто бы по его приказу земля могла бы развернуться и поглотить его врагов, подобно Датану и Абираму. Вот сколь велика сила заблуждения, раз овладевшего чьим-нибудь сердцем.

Глава 20.

О том, как император Конрад и король Людовик повели свои войска на Восток.

В году 1147 от разрешения Девы были сделаны все приготовления для такого грозного похода, их армии были разделены на две части, и государи выступили в поход. Император выехал несколькими днями раньше в сопровождении большого числа итальянцев, немцев и представителей других народов. За королем последовали франки, фламандцы, норманы, бретонцы, англичане, бургундцы, провансальцы, аквитанцы, как конные, так и пешие. Вступив в Венгрию, они, для того, чтобы получить снабжение провиантом, умилостивили короля этой станицы, переправились через Дунай, прошли через Фракию, и так, получая в пути обильное снабжение, они в безопасности добрались до Константинополя. Там они разбили свои палатки за городом, дав войску несколько дней отдохнуть и наконец, прияя к соглашению с императором этого города, они переправились через узкий залив, который зовется проливом Святого Георгия.

По прибытию в Малую Азию, часть которой принадлежит императору Константинополя, а часть - султану Иконии, они испытали вероломство греческого императора, произошедшее из того, что наши люди разными случаями возбудили в нем негодование и заслужили порицание Всемогущего Бога тем, что вели себя с гордостью и отличались плохой дисциплиной. Мы читали, что в старое время случилось так, что когда все необъятное войско Господа было настолько запятнано преступлением одного единственного человека, причем даже согрешившего втайне от всех, и настолько потеряло божественное покровительство, что "сердце народа растаяло и стало как вода" (Иисус Навин, 7,5). И по обращению к Господу, Он ответил, "что народ попал заклятию" и прибавил: "О Израиль, заклятое есть среди тебя, посему ты не сможешь устоять пред врагами твоими, пока не отдалишь из себя заклятого" (Иисус Навин, 7, 12-13). Подобным же образом, и в нашем войске набрали силу такие же гнусности, проявляясь в поведении противном не только образу христианина, но и воина, и они были столь оскверненными и испорченными, что не удивительно, что им не улыбнулась божественная благосклонность.

Лагеря зовутся "кастра" от того, что в них "кастрируется" скверна, но наши лагеря не были целомудренными, поскольку похоть множества людей привела к самой дурной распущенности. Полагаясь больше на свою численность и снаряжение войска, и гордо считая своим главным оружием свою плоть, они слишком мало полагались на милость и могущество Бога, в борьбе за дело которого они, казалось, должны были бы быть столь ревностными. И оправдались слова: "Бог гордым противится, а смиренным дает

благодать" (Послание Иакова, 4, 6). И кроме того, хотя они и находились в это время на землях христианского государя, с которым были в союзе и чьим приказам обещали повиноваться, но при этом все же не удержались от грабежей.

Вследствие этого, раздраженный император стал действовать против них голодом и оружием, и хотя он и был христианином, но не дрогнул пролить христианскую кровь. В конце концов, когда нашим фуражирам стали мешать вражеские засады, то войско лишились какого бы то ни было снабжения, и сперва претерпело опустошения от голода, а затем, попав в ловушки противника, наши воины либо окропили своей кровью турецкие мечи, либо поменяли свое положение свободных христиан на самое гнусное и позорное рабство. Не было удержу Божьему гневу на этих гордых и испорченных людей – ибо, как говорили, частые потоки дождя, необычные для этого времени года, истребляли больше наших войск, чем меч врага. Таким образом, большая часть обоих необъятных армий растаяла в различных столкновениях и несчастьях. С оставшимися эти два столь великих государя, едва избежав гибели, дошли до Иерусалима, и не совершив ни одного выдающегося подвига, они бесславно вернулись домой.

Глава 21.

О Раймонде, князе Антиохском и о взятии Аскалона.

Христиане с позором убрались домой, а сарацины, обогатившись большой добычей с убитых и раненых христиан, намного увеличили свою славу. Они настолько возликовали от своего успеха и настолько стали полагаться на свою силу, что через некоторое время вторглись на земли христиан, помышляя об их полном крушении на Востоке. И здесь, об этом стоит сказать, им с самого начала очень помогла смерть Раймонда, наихристианнейшего князя Антиохии. Этот князь, наихрабрейший защитник христианства, находясь на Востоке, своими славными подвигами, заслужил себе славу древних Маккавеев.

Я хорошо помню, как в дни моей юности, с Востока вернулся один почтенный монах, у которого можно было почерпнуть много всяких сведений. Ранее он служил при этом доблестном князе и часто рассказывал, среди прочих историй о памятных событиях, о нем и такой анекдот - что его храбрость сделала его предметом такого ужаса для турок, что когда бы они не направляли против него войска, они всегда назначали сто рыцарей против его меча и столько же рыцарей против его копья. Когда, как я сказал, после недавнего поражения христиан враг настолько расхрабрился, что стал нападать со своей обычной дерзостью на заставы Антиохии, то он, полагаясь на свою храбрость, вместо того, чтобы дожидаться подхода главных сил, напал на них с горсткой людей, и после многих славных подвигов, он пал, подобно древнему Маккавею, побежденный числом врагов. И пока враги, окрыленные своим успехом, намеревались штурмовать город Антиохию, известия об этом дошли до Балдуина, великодушного короля Иерусалима, и он, вместе с рыцарями Храма и под знаменем креста Господня сразу же поспешил на помощь к христианам. Он прибыл в запуганный город как раз вовремя, чтобы помешать вступлению в него врагов, которые, тем не менее, обложили его и взяли в осаду. И дальше случилось так, что тот, кто только что дал отпор их гордости, теперь уже в качестве величайшей милости принимал их покорность, поскольку, по божественной милости, они смогли, немного переведя дух, не только вынудить раздувшегося от гордости за свои победы врага снять осаду, но и заставить его покинуть христианскую землю. Поскольку сила их постепенно возрастила, они в короткое время выступили в поход на вражескую землю и заставили тех, кто в последнее время стал нападающей стороной, защищать теперь от неминуемой опасности свой собственный дом. В конце концов, в несколько лет рыцари Храма

отвоевали Газу, древний город в Палестине и заполучили наилплодороднейшую страну.

Также, славный король Балдуин с великой славой штурмовал и взял город Аскалон, самый цветущий и хорошо укрепленный город этой провинции, который христиане до тех пор взять не могли. хотя им уже и принадлежала вся Палестина.

Глава 22.

О неустроенности домашних дел при короле Стефане.

В то время, пока все это происходило вокруг нас и с нами на Востоке, ослабленная и искалеченная Англия опустошалась междуусобными войнами. Правильно древние люди писали в старину: "В дни эти не будет царя в Израиле, но каждый будет делать то, что сочтет нужным для глаз своих" (Судей 17, 6. *Русский синодальный перевод*: "В те дни не было царя у Израиля, и каждый делал то, что ему казалось справедливым"), но в Англии при короле Стефане дела шли еще хуже, поскольку в это время закон был бессилен, раз бессиленным был сам король. Одни делали все, что хотели из того, что считали полезным для себя, и напротив, многие делали то, что сами считали дурным. Действительно, на первый взгляд, это выглядело так, как будто англичан разрезали на две части, и одни были на стороне короля, другие - на стороне императрицы, но ни король, ни императрица не имели достаточной власти, чтобы обуздать своих приверженцев, поскольку никто из них не был способен завладеть всей полнотой власти или хотя бы поддерживать строгую дисциплину внутри своей партии, но напротив, они ни в чем им не отказывали, чтобы этим удержать их от мятежа. В самом деле, как можно было наблюдать ранее, частые свары, сопровождавшиеся изменениями фортуны, еще долго продолжались между партиями. Однако, с течением времени, поскольку оба они уже испытали непостоянство фортуны, их усилия становились все более вялыми, из-за чего они не так и не смогли обеспечить своего превосходства в Англии, а поскольку они были утомлены от продолжающегося конфликта и все слабели и слабели, то, в провинциальных областях, благодаря несогласию знатных людей все кругом опустошалось всеобщей смутой. Из-за партийного духа, вновь в некоторых провинциях были возведены многочисленные замки, и теперь в Англии существовало, в какой-то степени, много королей, или вернее, тиранов, которыми и являлись на деле хозяева замков. Каждый чеканил свою собственную монету и обладал властью, схожей с королевской, диктуя зависимым от себя своей собственный закон.

Пока, таким образом, все соперничали друг с другом, одни были не способны выносить власть вышестоящих, другие относились с презрением даже к равным. Их смертоносная вражда заполняла грабежами и пожарами всю страну до самых далеких уголков, и страна, которая в последнее время отличалась наибольшим изобилием, теперь была почти лишена хлеба. Но северные области, что за рекой Тис, которые попали под власть Давида, короля Шотландии, находились, благодаря его деятельности, в состоянии покоя. Он принял визит будущего короля Англии, Генриха, который был сыном его, ставшей императрицей, племянницы Матильды, от графа анжуйского, и который был послан к нему своей матерью. Он получил звание рыцаря в Лугубалии (Lugubalia), которую обычно со времени Давида называют Карлислом (Carlisle), и как говорили, первым делом он торжественно обещал, что никогда не будет отбирать ту часть английской земли, которая в то время принадлежала королю Давиду.

Глава 23.

О Давиде, короле Шотландии, его сыне и внуках.

В это время Генрих, граф Нортумберленда и единственный сын короля Давида, и как заранее считали, наследник королевства, к невыразимому горю и англичан и шотландцев, преждевременно умер, оставив своей жене, дочери графа Уаррена (Warren) трех сыновей и множество дочерей. Он был самым блестящим юношей и, что редко можно найти в человеке только вступающем в большую жизнь, выделялся равно и учтивостью и непосредственностью своих манер. Это действительно печальное событие нанесло смертельный удар его любящему отцу, но поскольку он был и добрым и умным человеком, то твердость его ума ограничила горе надлежащими рамками. И он находил утешение обнимая двоих своих внуков (поскольку выше я ошибся - их было только двое, и мать их была в это время только беременна третьим) и видя в них своего сына, продолжающего жить в них. Более того, несколько лет спустя, когда он уже был близок к тому, чтобы отдать все долги за все, он объявил Малкольма, перворожденного его сына, бывшего тогда еще юношей, наследником королевства, а его брату Уильяму предназначил графство Нортумбленд. Старший более походил на своего отца, как манерами, так и внешностью, тогда как младший, равно лицом и сложением, был поразительно похож на мать.

В конце концов, Давид, король Шотландии, человек в этом мире великий и заметный и равно славный во Христе, отправился к праотцам. Как мы слышали от надежных очевидцев, которые были знакомы с его жизнью и с его делами, он был человеком религиозным и благочестивым, чрезвычайно благоразумным и осмотрительным в управлении мирскими делами и отличался еще более великой преданностью Богу. Несомненно, занятость делами своего королевства не давала ему повода пренебрегать своими обязанностями перед Богом, и в то же время, внимание к духовным делам не делало его невнимательным к делам правления. После пребывания в почтенном супружестве, он породил только одного сына, который столь сильно походило на него, а затем его постель оставалась незанятой, и в течении многих лет он оставался одиноким. Он был столь щедр в благочестивых подарках, что при нем были либо основаны, либо обогащены многочисленные церкви в честь святых, являющиеся свидетельством его благочестивого величия, и все это независимо от его щедрой милости и бедным. И действительно, поскольку он столь походил, как именем, так и многими вещами на того, о ком Бог сказал, что нашел его своим сердцем, так что, помимо многих замечательных дел, еще одно примечательное обстоятельство делало такое сравнение весьма правомочным - также как и царь Израиля, который, после многих выдающихся проявлений добродетели, временами впадал в прелюбодейство и совершение греха смертоубийства, будучи слабым в первом и дурным во втором, так же и этот государь, добрый и благочестивый в других отношениях, напустил на английский народ жадных до крови шотландцев, которые в своей варварской жестокости не щадили ни пола, ни возраста, хотя сам он и делал, тщетно, все возможное, чтобы это предотвратить, ибо он сам был более чем заинтересован в делах своей племянницы императрицы, на стороне которой, как он сам полагал, справедливой, он находился.

И еще, так же как в одном случае избыточная милость того, кто избрал первого Давида, излечила его рану, или вернее раны, благочестивым смирением, так же и мы верим, что этот другой Давид, стер грех этой гнусной жестокости плодами, выросшими из его раскаяния. Действительно, не только совершение благочестивых деяний, но также и труды давшего плоды покаяния делало этого современного Давида, цивилизованного короля нецивилизованного народа, таким, что он напоминал своего первоначального прототипа. И надо отметить, что как Давид после своего раскаяния наказан Богом за грех его прежнего преступления тем, что у него был наихудший сын, так и этот, другой Давид, несмотря на всю свою безграничную нежность, также встретил свое наказание от рук некого самозванного монаха и епископа. Того человека я часто впоследствии видел в

Биланде и был наслышан о его самых дерзких делах и о постигшем его заслуженном несчастии. Эти вещи нельзя обойти молчанием, чтобы потомки могли поучиться, как Он отвергает гордость и оказывает милость смиренным, что можно ясно видеть на примере этого человека.

Глава 24.

О епископе Вимунде (Wimund), его жизни, неподобающей званию епископа, и о том, как он был лишен своего зрения.

Этот человек родился в Англии и был самого низкого происхождения. После приобретения первых навыков в литературе, не найдя средств, чтобы оплачивать свое содержание в школе, и имея некоторые знания об искусстве письма, он поступил в писчую контору обслуживающую каких-то монахов. Вслед за тем он выбрил тонзуру в Фарнессе (Furness) и вел монашескую жизнь. Когда он получил доступ к достаточному числу книг, то располагая досугом и обладая тремя замечательными качествами – горячим темпераментом, прекрасной памятью и достаточным красноречием, он выдвинулся столь быстро, что на него стали возлагать самые большие надежды. Спустя некоторое время он был послан к братьям на остров Мэн, и он так понравился варварским местным жителям мягкостью своего обращения и открытостью своего лица, будучи при этом еще и высоким и сильным, что они просили его стать их епископом, и получили желаемое.

Теперь он был окрылен успехом и начал строить великие планы. И поскольку он обладал высокомерным языком и самым гордым сердцем, то не довольствуясь достоинством своего епископского звания, он замыслил совершить еще более великие и замечательные дела. В конце концов, собрав отряд нуждающихся, но отчаянных людей, и не боясь праведного суда, он выдал себя за сына графа Морея (Moray) и утверждал, что он был королем Шотландии лишен наследства своих отцов. Он утверждал, что в его намерения входит не только отстаивать свои права, но и отомстить своим врагам, и он выразил желание, чтобы эти люди были его соратниками и в его бедах и в его удачах, и хотя его предприятие и будет сопряжено с трудами и опасностями, но еще больше будет славы и великих выгод. Все эти люди были совращены им и принесли ему присягу, и он начал свою безумную деятельность среди окрестных островов, и став, подобным могущему охотнику перед Господом, Нимроду, он забыл, что по своему епископскому званию ему надлежит быть подобным Петру – рыбаком среди людей. Каждый день он возглавлял войско своих сподвижников, среди которых выделялся своей высокой головой и широкими плечами, и подобно разным могучим полководцам, он воспламенял их рвение. Затем он сделал набег на провинции Шотландии, опустошив грабежами и убийствами все, что находилось перед ним, но всякий раз, когда королевская армия выступала против него, он уклонялся от военных столкновений, либо уходя в отдаленные леса, либо удаляясь в море, но как только войска уходили, он вновь появлялся из своих убежищ, чтобы разорять эти провинции.

Но пока он был так удачлив во всем, и стал предметом ужаса даже для короля, один епископ, человек исключительной простоты, время от времени давал отпор его дерзости. Когда этому епископу угрожали, что изведут его войной, если он не будет платить дань, то он ответил: “Путь будет воля Божья, но на моем примере ни один епископ никогда не будет платить дань другому”. После чего он вдохновил своих людей только в вере, поскольку во всех остальных отношениях он был значительно слабее, и когда тот предпринял яростное вторжение, то выступил ему навстречу и, чтобы воодушевить своих людей, самолично нанес первый удар в этой битве. И кинув маленький топорик, он, с Божьей помощью, опрокинул своего врага, который ехал впереди всех, на землю.

Обрадовавшись этому, его люди обрушились на грабителей и убив их в большом количестве, заставили позорно бежать их свирепого предводителя.

Сам Вимунд впоследствии с шутливым хвастовством говорил среди своих людей, что только один Бог способен победить его верой простого епископа. Это обстоятельство я узнал от человека, который был одним из его воинов, и который бежал в тот раз вместе с другими. Однако, восстановив свои силы, он так разграбил острова и провинции Шотландии, как еще никто не делал до него. Поэтому, король был вынужден успокоить грабителя, и принял мудрый совет действовать против гордого и искусного врага хитростью, поскольку в этом случае сила не принесла никакой пользы. Поэтому, уступив ему одну провинцию, вместе с монастырем Фарнесс, он на некоторое время приостановил его набеги, но в то время, когда тот гордо отправился в назначенную ему провинцию, окруженный подобно королю своей армией, и сурово настроенный против того самого монастыря, в котором стал монахом, нашлись люди, которые не могли выносить ни его власть, ни его наглость и которые, с согласия ноблей, подготовили ему ловушку. Получив благоприятный шанс, когда он ехал медленно и почти в одиночестве, поскольку основной отряд был им послан вперед для обустройства на месте, они схватили и связали его, и поскольку оба его глаза были дурными, то они лишили его обоих, и гарантируя себя от всяких будущих неприятностей, они, ради королевства Шотландии, но не ради царства небесного, сделали его евнухом. Впоследствии он пришел к нам в Биланд, и спокойно прожил здесь много лет до своей смерти. Но, передавали, что даже здесь он говорил, что если бы у него был хотя бы воробышний глаз, то его враги имели бы мало оснований радоваться тому, что сделали с ним.

Глава 25.

О Малкольме, наихристианнейшем короле Шотландии.

Упомянутому выше Давиду, королю шотландцев, наследовал старший из его внуков, Малcolm, который был еще мальчиком. Соперничая со своим достопочтенным дедом во многих одних его добродетелях и благородно превосходя его в других, он сиял подобно небесной звезде среди варварского и испорченного поколения. Хранимый Богом, благословившем его добродетелью, которую он с юности впитал вместе с пылом небесной любви, он столь превосходил всех окружающих в течении всей своей жизни безупречным целомудрием, смиренiem, невинностью, а равно с этим и ласковым и серьезным характером, что среди мирян, на которых он походил только обликом, он выглядел монахом, а среди своих подданных – ангелом спустившемся на землю. В короле такие качества действительно удивительны, но особенно удивительны в короле столь нецивилизованного народа, тем не менее, благодаря руководящей руке Бога, он так управлял всеми своими делами, был очень далек от того, чтобы стать предметом презрения для варваров по поводу своих достоинств, и все им только восторгались и уважали, и то же самое время своей королевской властью и суровостью, он внушал страх мятежникам и злоумышленникам. Все еще оставалось несколько людей, готовых к новым волнениям, и собиравшихся либо напасть на него, либо ограничить его права, но, очевидно, Бог был рядом с ним, когда он либо подавил либо подчинил их, так что с этого времени все боялись досаждать человеку, которому помогает Всемогущий.

Вновь, при приближении его к возрасту зрелости, не было недостатка в людях, посланных на него дьяволом, которые, невзирая по потерю собственного целомудрия, старались своими нечестивыми попытками и грязными инсинациями воспламенить в нем жажду к чувственным удовольствиям. Но он, который уже был охвачен желанием следовать за Агнцом, куда бы Он не пошел, и столь глубоко был пропитан духом незапятнанной

непорочности, и благодаря сокровенному руководству Бога, а не людей, знал, что это сокровище должно хранить в хилой плоти столь же бережно, как в глиняном сосуде, он вначале с презрением отвергал непристойные предложения своих приближенных или, как он на них смотрел – учителей, но при их упорствовании он столь властно осадил их, и словами и выражением лица, что с этого времени никто из них не смел предлагать подобные вещи.

Враг, посрамленный на этот раз, пошел в свою ненависти дальше и придумал более тонкую хитрость для этого Божьего дитя. Он научил его мать пользоваться секретным ядом и, под покровом материнской привязанности, заманить его в ловушку не только уговорами, но и даже принудить его к этому своей материнской властью. Она напоминала ему, что он не монах, а монарх, и указывала ему, что общение с представительницами женского пола очень даже подобает для его возраста и положения. Скорее проявив сдержанность, чем уступив ее материнским просьбам, он, чтобы не огорчать ее, внешне выразил свое согласие с ней. Обрадовавшись после этого прихода к сыну, она, не встретив сопротивления с его стороны, когда отправлялся в свою постель, положила там прекрасную и знатную девственницу. Когда он остался один после удаления своих приближенных, то больше воспламенился любовью к девственности, чем к нежеланной страсти, и он немедленно поднялся и предоставив королевскую кровать на всю ночь девушке, сам спал на полу, накрывшись только плащом. То, что он был найден на следующее утро в этом положении своим камердинером, а также и свидетельство самой девицы, доказало чистоту их обоих. Своим неизменным постоянством он препятствовал своей матери когда-нибудь еще предпринимать подобную попытку, однако позволял ей пытаться либо упрекать его, либо пытаться очаровать. И пусть защитники чудес, ставя заслуги пропорционально чудесам и говоря, как это им хочется, что доказательством права на святость являются только совершенные чудеса, но если по мне, то я определенно предпочитаю это чудо девственности столь молодого короля, на которого насыдали подобным образом, и который остался при этом неприступным, любому другому, и не только чуду прозрения слепого, но даже чуду воскресения из мертвых.

Глава 26.

О назначении Гуго, епископа Дархемского, и о восстановлении Уильяма Йоркского и его последующей смерти.

Но вернемся из Шотландии домой. Умер Уильям из Санта-Барбара, епископ Дархема, муж благочестивый. Благодаря своему знатному происхождению - он приходился родственником королю Стефану, - на престол был избран Гуго, казначей церкви Йорка, хотя ему и сильно препятствовал в этом архиепископ Йоркский Генрих, которому принадлежало право на посвящение в сан епископов Дархемских, как по причине неканонического возраста избранника, так и по причине его легкомысленного характера. В соответствии с этим, глава выборщиков, вместе с избранником отправились к апостолическому престолу и за утверждением результатов выборов, и за посвящением.

Архиепископ также послал своего представителя, чтобы воспрепятствовать подтверждению результатов выборов и посвящению. Но достопочтенный Евгений, который был сотоварищем архиепископа в Клерво, недавно оставил этот мир, и они нашли на римском престоле Анастасия. Воистину, три весьма примечательных человека, очень дружных между собой в этой жизни, умерли примерно в это время, их кончины были отделены друг от друга лишь коротким промежутком времени, люди эти – Евгений, римский понтифик, Бернард, аббат Клерво, и Генрих, архиепископ Йоркский, их которых Евгений и Бернард ушли первыми, а вскоре за ними последовал и Генрих.

О смерти первых двух было уже объявлено, тогда как третий еще был жив, но Уилльям, прежний архиепископ Йоркский, который теперь пребывал в Винчестере, приобрел надежду на свое восстановление и поспешил в Рим, не оспаривая решения вынесенного против него ранее, но скромно умоляя простить его, поскольку первый из этих умерших прелатов низложил его, второй присоединился к этому решению, а третий занял его место.

И ведь смотрите - верные известия пришедшие из Англии об отречении архиепископа Йоркского очень помогли его скромным ходатайствам. Избранный епископ Дархемский, который приехал в Рим первым, и был тожественно посвящен в сан властью римского понтифика, уже уехал, тогда как судьба вновь прибывшего оставалась нерешенной.

Однако, в конце концов, и он испытал на себе милосердие апостольской доброты – прежнее суровое решение о его деле было пересмотрено, поскольку и папа и кардинала сжалились над его сединами, и еще потому, что в нем принял активное участие кардинал

Григорий, который пользовался большим уважением и был самым красноречивым и искушенным в интригах человеком и исполнен истинно римского духа. Посему, будучи полностью восстановленным и удостоившись паллия, которого у него ранее никогда не было, он вернулся в Винчестер в канун Пасхи, и отпраздновав здесь Пасху, он, на восьмой день после праздника поспешил в свой город. Но декан церкви Йорка, Роберт, и

архидиакон Осберт, встретили его за стенами города и отнюдь не с мирными намерениями, но для того, чтобы не дать ему возможности занять его долгожданный престол, и смело выдвинули против него какие-то обвинения. Однако, идя дальше вперед, он был встречен и духовенством и народом с торжественной процессией и большой

овацией. Тогда его противники поспешили к Теобальду, архиепископу Кентерберийскому, явившемуся в то время легатом в Англии и использовали его покровительство и моральную поддержку. Однако, спустя недолгое время после пасхальной недели, уже управляя возвращенной ему церковью с умеренной строгостью, которая, благодаря его природной доброжелательности, никому не была обидной, он, вскоре после пятидесятницы заболел лихорадкой и ушел из этой жизни, к невыразимой печали как духовенства, так и мирян, потерявших столь любезного их сердцам пастыря.

Его смерть была столь неожиданной, что все полагали, что ее причиной стало отравление, и страшно подумать, даже утверждали, что когда он пил из священного потира, то выпил

и смертельную отраву, подсыпанную туда одним из его врагов или каким-то их сторонником. Однако, это были всего лишь слухи, которые некоторые люди ради своей злобы распускали вокруг, как будто бы это была истинная правда. Так как эти слухи

широко с течением времени распространились, то я счел необходимым со всей серьезностью спросить об этом одного известного пожилого человека, монаха в Риво, теперь больного и находящегося на пороге смерти, а тогда бывшего каноником в Йорке и приближенным архиепископа, и он неизменно утверждал, что все это самая дикая ложь, основанная на мнении некоторых людей, и что сам он, при тех обстоятельствах, о которых говорили, что тогда произошло и отравление, находился при архиепископе, и что никакой

злоумышленник не смог бы усыпить бдительность его верных слуг, чтобы совершить такое преступление. Более того, он добавил, что ложью было и то, что архиепископ якобы отказался принять противоядие, предложенное его друзьями, когда те стали подозревать

преступную попытку его врагов лишить его жизни, и в подтверждении этого предположения или оговора, утверждали, что якобы он сказал, что не будет к небесному противоядию добавлять человеческое. Действительно, поскольку он был и мудрым человеком и наученный божественной властью, чтобы не искушать Бога, то он не мог ни высказывать такое, ни действовать подобный образом. В добавлении к этому, я слышал от

Симфориана (Symphorianus), его домашнего капеллана, который находился у него на службе долгое время и был его доверенным приближенным во время его болезни, что он принимал противоядие по предложению своих друзей, так как мудрому человеку следовало воспользоваться этим предложением. Еще, от этого же человека я узнал, что

окружавшие его друзья в основном склонялись к тому, что он выпил какой-то яд, так как его зубы, которые были до этого белыми, во время его долгой агонии стали черными, но это было осмеяно врачами, поскольку зубы у умирающего всегда становятся такими же.

Кроме того, после того как была установлена смерть архиепископа Йоркского, декан Роберт и архиакон Осберт, при поддержке и помощи архиепископа Кентерберийского, бывшего также и папским легатом, избрали главой кафедральной церкви Йорка своего архиакона Роджера, и посредством большого давления и угроз, заставили собрание каноников Йорка дать на это свое согласие, но об этом я более подробно напишу в надлежащем месте.

Глава 27.

О Зеленых детях.

Мне кажется неправильным пройти мимо неслыханного чуда, которое, насколько известно, произошло в Англии во время царствования короля Стефана. Хотя о нем говорили многие, я все же долгое время сомневался относительно и считал, что смешно доверять такому событию, которое не может быть объяснено рациональным образом, а имеет какой-то очень таинственный характер, но наконец, я все же был побежден весом многочисленных и достоверных свидетельств, и был вынужден поверить, что чудесное взяло верх над материальным, и случилось такое, что я не способен ни постичь, ни разобрать силами данного мне разума.

В Восточной Англии есть деревня, расположенная, как говорят, на расстоянии 4 или 5 миль от благородного монастыря благословенного короля и мученика Эдмунда. Около этого места видны какие-то древние развалины, называемые “Волфпиттс”, что на английском означает Волчьи Ямы, и которые и дали название близлежащей деревне. Во время жатвы, когда жнецы были заняты сбором урожая, около этих развалин появились двое детей, мальчик и девочка, имевшие совершенно зеленые тела и облаченные в одежды странного цвета, сделанные из неизвестного материала. Вызывая изумление, они блуждали в полях, были захвачены жнецами и препровождены в деревню, причем много людей пришло посмотреть на такую новость, и несколько дней они оставались без еды. Но когда они уже были почти истощены голодом, но при этом не могли ничего есть, чтобы поддержать себя, случилось так, что им принесли с поля несколько бобов, которые они сразу же с жадностью схватили за стебель и попробовали найти там бобы, но ничего не найдя в пустом стебле, они горько заплакали. Тогда, один из зрителей извлек бобы из стручка и дал их детям, а те сразу взяли их и съели с удовольствием. Этой пищей они поддерживали себя много месяцев, до тех пор пока не научились употреблять хлеб.

Постепенно, с течением времени, в результате естественного результата приема нашей пищи, они изменили свой первоначальный цвет и стали выглядеть как все, а также выучили и наш язык. Некоторым благородным людям показалось подобающим, чтобы они приняли таинство крещения, которое, соответственно, и состоялось. Мальчик, который выглядел более молодым, пережил свое крещение, но на короткое время, и преждевременно умер. Его сестра, однако, продолжала оставаться в добром здравии, и мало отличалась от женщин нашей страны. Впоследствии, как сообщалось, она вышла замуж в Линне (Lynne) и прожила еще несколько лет. По крайней мере, так говорят.

Еще, после того как они выучили наш язык, их начали спрашивать кто они такие и откуда взялись, и они отвечали так: “Мы обитатели земли Святого Мартина, который пользуется в той стране, что дала нам рождение особым уважением”. Будучи распрашиваемы дальше

о своей стране и о том, как они оказались здесь, они отвечали: “Мы ничего не знаем об этом, мы лишь помним, что в один день, когда мы пасли в полях стада нашего отца, мы услышали сильный звук, подобный тому, что мы теперь привыкли слышать в монастыре Св. Эдмунда при перезвоне колоколов, и пока мы в восторге слушали этот звук, мы вдруг лишились чувств, и обнаружили себя уже среди вас, в тех полях, на которых вы жали хлеб”. Будучи спрашиваемы, верят ли в их стране в Христа, и восходит ли там солнце, они отвечали, что страна их христианская и имеет церкви, но они сказали: “Солнце не восходит над нашими жителями, наша земля лишь слегка освещается его лучами. Мы довольствуемся сумерками, которые у вас бывают перед восходом или после заката. Кроме того, недалеко от нас видна какая-то светящаяся земля, и она отделена от нас очень широкой рекой”. Об этих и многих других вещах, слишком многочисленных, чтобы их излагать подробно – обо всем этом они подробно отвечали на вопросы любопытных. Пусть каждый говорит как ему хочется и рассуждает об этом в соответствии со своими способностями, а я не испытываю сожаления записывая событие столь потрясающее и удивительное.

Глава 28.

О некоторых чудесах.

В наши времена случались и другие чудесные и поразительные происшествия, и я расскажу о некоторых из них. Называю я вещи такого рода чудесными не только из-за того, что они случаются редко, но и потому, что с ними связана некая таинственность. В одной из каменоломен, при разломе клиньями громадной скалы вдруг появилось два пса, хотя та пустота внутри скалы, в которой они находились не имела никакой отдушины. Они выглядели похожими на ту породу, что зовется гончей, но только имели свирепое выражение лица, испускали неприятный запах и не имели шерсти. Говорили, что одна из них вскоре умерла, но зато вторую, что отличалась самым отменным аппетитом, в течении многих дней ласкал епископ Винчестерский Генрих.

Говорили еще, что в другой каменоломне, когда во время добычи строительного камня, докопались до очень большой глубины, то там нашли прекрасный сдвоенный камень - то есть камень, состоявший из двух половинок, соединенных друг с другом при отсутствии какого либо скрепляющего материала. Когда удивленные рабочие показали его епископу, который как раз там находился, то было приказано разбить его, чтобы узнать (если это будет возможно), в чем секрет. В пустоте внутри камня обнаружили маленькую рептилию, называемую жабой, с крошечной золотой цепочкой вокруг шеи. Зрители застыли в изумлении от столь необычайного зрелища, но епископ приказал камень снова закрыть, бросить его в каменолому и засыпать мусором.

А вот еще одни случай: в провинции Дейри (Deiri), недалеко от места моего рождения произошло необычное происшествие о котором я знал еще в детстве. В нескольких милях от берега Восточного Океана там есть деревня, около которой бьют (на самом деле бьют не всегда, а только каждый второй год) несколько известных источников, называемых Гипс (Gipse), и образуют они довольно значительный ручей, который через прилегающую низменность течет к морю. И является хорошим знаком, когда эти струи пересыхают, тогда как если они текут, то с уверенностью можно сказать, что это предвестник бедствия будущего неурожая. Один грубый поселянин из этой деревни отправился навестить своего друга, жившего в соседней деревушке, и когда, будучи немного подвыпившим, возвращался ночью домой, то вдруг услышал голоса, пение, и шум пира, и все это исходило от соседнего небольшого холма, который и я сам часто видел, и который находится на расстоянии нескольких фарлонгов (фарлонг - одна восьмая часть мили) от

деревни. Удивившись, кто бы это мог так нарушать ночную тишину шумным застольем, он решил осторожно подойти поближе. На склоне холма он заметил открытую дверь, приблизился и заглянул в нее, и оказался в обширном и светлом доме, полным мужчин и женщин, восседавших на торжественном пиру. Один из слуг, увидев его стоящим в дверях, предложил ему кубок, и он принял его, мудро воздержался от питья, но вылил содержимое, и взяв кубок с собой, быстро удалился. В компании возник шум по поводу украденного кубка, и гости стали преследовать его, но благодаря ревности коня, ему удалось бежать и добраться до деревни вместе со своей необычной добычей. Это был сосуд, изготовленный из неизвестного материала, имевший необычный цвет и странную форму. Он был преподнесен в качестве подарка Генриху Старому, королю Англии, а позже перешел к брату королевы, Давиду, королю Шотландии, и находился в течении многих лет в сокровищнице королевства, а спустя еще несколько лет, как мы слышали, из достоверного источника, что он был подарен шотландским королем Вильгельмом Генриху II, когда тот выразил желание посмотреть на него.

Эти и аналогичные случаи казались бы не заслуживающими доверия, если бы то, что они происходили на самом деле, не подтверждалось бы заслуживающими доверия свидетелями. Но раз волшебство (как пишут) было способно, с помощью египетских заклинаний и падших ангелов, вызывать превращение прутьев в змей, воды в кровь, производить на свет новорожденных лягушек, то все же (как говорил Августин), мы не должны полагать, что именно те, кто это волшебство применяет и являются непосредственными его создателями, все равно, что в случае змей, что лягушек. Точно также, как и крестьяне не являются непосредственными творцами своего урожая.

Поскольку есть только одна вещь, способная и образовывать и производить на свет разных созданий и связывать одной цепью самые дальние и самые разные вещи – и это есть Бог, который и есть единственный Создатель. А все другие, теми средствами и той властью, что получили от Него, производят только вторичное действие, и совершают его в то время и таким образом, когда происходит истинное творение, и делать это могут не только падшие ангелы, но также и дурные люди. Если, говорю я, дозволением Бога, падшие ангелы имеют такую власть посредством волшебства, то не удивительно, что, благодаря некоторой силе своей ангельской натуры (и особенно, если это дозволено Верховным Владыкой), они способны совершать описанные выше вещи, частью иллюзорные и волшебные (как в случае на холме), частью – с реальными вещами (как в случае с собаками, с жабой с золотой цепочкой или же с кубком), и благодаря этим способностям люди будут пребывать в слепом изумлении, а падшие ангелы готовы (когда это им дозволяется) делать эти вещи всегда, из-за чего люди могут впадать в опасное заблуждение. А вот природа тех зеленых детей, что блуждали по земле слишком трудна для понимания при наших слабых способностей познавать неведомое.

Глава 29.

Об успехах Генриха II в Англии пока он был герцогом.

Вернемся, однако, к историческому повествованию. Генрих, сын той Матильды, что стала императрицей, от знаменитого графа Анжуйского, получив, как я рассказывал выше, пояс рыцаря от своего дяди по матери, короля Шотландии, погрузился на корабль, и приехал к своему отцу, и впредь продолжал служить и при этом благородно подражать ему и в характере, и в благородстве, и в силе духа, а еще, он столь же страстно хотел подражать ему в воинской славе. Однако, спустя несколько лет, его отец уступил судьбе, и тогда он получил все отцовское наследие, а именно, графства Анжу и Мэн, и еще, в качестве свободного наследства своей матери, одно лишь герцогство Нормандское, в то время как Англия, которая хотя и принадлежала ей по праву, но, как уже говорилось выше, была

узурпирована королем Стефаном, хотя тот, как уже отмечалось, правил страной нерадиво и слабо. Таким образом, наследовав отцу и в короткое время сравнявшись и даже превзойдя его, он проявил себя столь деятельным и усердным во всех отношениях, что стал грозным для любого, кто стал бы завидовать его положению, и теперь, когда все стало спокойным в его заморских владениях, он с презрением отнесся с такой будущности, при которой он мог бы обманным путем оказаться лишенным английского королевства, которое принадлежало ему по явному праву, и тогда он занял свой ум этим трудно достижимым и опасным предприятием. Опасаясь, однако, что после его отъезда, на Нормандию может быть сделано нападение короля Франции (родства с которым Стефану удалось добиться, поскольку сестра того в течении уже многих лет была замужем за сыном последнего, Евстафием), то он счел необходимым должным образом тщательно укрепить свои границы, расставив там гарнизоны. И из-за этого случилось так, что когда он повел свою армию в Англию, то она была малочислена, поскольку он рассудил, что плохо поступит, если ослабит защиту своих заморских земель, которыми в это время спокойно владел, тем, что выведет оттуда свои войска, и полагая, что у него не будет недостатка в необходимой поддержке внутри самой Англии, хотя это последнее было пока только предположением, а не свершившимся фактом. Еще сообщалось, что в Англию его сопровождало не более 140 рыцарей и 3000 пеших воинов. Как только о его прибытии стало известно, к нему устремились все, еще сохранившиеся сторонники его матери.

Благодаря этому, его силы значительно росли, и он приступил к осаде замка Малмсбери, который удерживался королем Стефаном. Король немедленно собрал своих приверженцев и вместе со своим сыном, наихрабрейшим юношем Евстафием, поспешил на выручку к этому месту и там вызвал врага на бой, но тот оставался в своем лагере, и поскольку тогда уступал числом, то мудро отложил на время решение спора в бою, и при этом не давал врагу никакой возможности на него напасть. После этого, король, неспособный напасть на своего противника, чтобы использовать свое преимущество, и полагая для себя небезопасным оставаться в виду неприятельского лагеря, удалился не достигнув своей цели, а замок попал в руки осаждавших. Таким же образом, с помощью своих сторонников, Генрих с каждым днем увеличивал численность своих войск и количество снаряжения. Нобли королевства, которые прежде держали противоположную сторону, теперь постепенно обращались к нему, настолько, что, благодаря блеску своих успехов, слава герцога (его тогда называли так) уже затмила королевский титул его противника.

Затем, со своей армией, должным образом организованной, он двинулся на Стамфорд, который был осажден и быстро взят. Он заполучил крепость в несколько дней, выгнав оттуда королевские войска. Но когда он услышал, что Ипсвич, который присоединился к его партии, осажден королем, то чувствуя себя способным снять эту осаду и разбить врага, он поспешил со своим войском в провинцию Восточная Англия. Но, спустя короткое время, получив известия о сдаче этого пункта, он повернул в сторону и напал на Ноттингем, что стоит на реке Трент. Взяв и разграбив город, он ушел, полагая за напрасный труд штурм этого замка, который по своему положению выглядел неприступным. Затем, обратившись к другим делам, он во всех своих предприятиях добивался успеха так, что казалось, что ему помогает сам Бог.

Глава 30.

О договоре между королем Стефаном и принцем Генрихом.

В то время пока продолжалась вся эта распра между королем и герцогом, которая неясно чем могла бы закончиться, по Божьей воле, преждевременно умер наиславнейший юноша - сын Стефана Евстафий, и благодаря этой смерти возникла прекрасная возможность

заложить основы соглашения между обоими государями. Поскольку, пока он был жив, партии никогда не смогли бы сойтись и объединиться в мире, как по причине его юношеской порывистости, так и по причине его некоторой надменности, проявившейся после того как он породнился с королем Франции. Оба этих препятствия к соглашению исчезли в результате смерти одного человека, что случилось, как полагали, благодаря промыслу Божьему, который придерживался мыслей, что Англия должна жить в мире, а не пребывать в бедствии, которое ее раздирало и опустошало вследствие усобиц, и те люди, что были настроены миролюбиво, немедленно обратили свои помыслы к тому, чтобы убедить обе стороны и добиться примирения, поскольку отец, сверх меры переживавший по поводу смерти сына, которого он готовил себе в приемники, смягчился в своих воинственных приготовлениях и стал с большим, чем обычно, вниманием прислушиваться к речам о мире. И герцог также склонился к советам мудрости, которые говорили ему о предпочтительности почетного и определенного соглашения по сравнению с сомнительными шансами на успех, и так, между ними произошли торжественные и плодотворные переговоры. Благодаря посредничеству их друзей, благочестиво и разумно заботившихся об общественном благе, между ними было заключен и установлен твердый мир.

Было постановлено, что впредь Стефан будет единолично править Англией с достоинством и почетом законного государя, и что Генрих будет его приемником в королевстве в качестве законного наследника, и что каждый из государей примет этот вариант соглашения как окончательный и почетный, и что отныне всякая вражда, а также все совершенные преступления будут преданы вечному забвению. И они упали друг другу в объятия, в то время как все присутствовавшие там очевидцы плакали слезами радости.

Король принял герцога как своего сына и торжественно объявил его законным наследником, а герцог, в присутствии всех, почтил короля как своего отца и суверена. Также и Вильгельм, младший сын короля, по приказу своего отца, принес герцогу оммаж, а герцог дал ему удовлетворение, заключив с ним торжественный договор. Все это имело место благодаря милости Бога - король получил скипетр, а Англия получила мир. В течении многих лет он отличался от других одним только пустым титулом короля, и казалось, что все это время он находил особое удовольствие именно в этом титуле, и теперь он как бы впервые начал царствовать, поскольку только теперь облачился в мантию законного суверена, стерев с себя пятно тиранической узурпации. Герцог, остававшийся после торжеств по поводу мирного соглашения еще некоторое время в Англии, уже приготовился к отплытию, и король со своим сыном Вильгельмом и многочисленной знатью весело провожали его к отплытию. И когда этот молодой принц, что было для него обычным, в виду своего отца скакал на коне галопом, случилось так, что из-за падения животного, всадник сильно разбился об землю, и оказавшись из-за сломанной ноги неспособным подняться, он стал причиной смертельного горя для своего отца и всей его партии. Его привезли в Кентерберри, чтобы лечить там, а король, сраженный этим несчастным случаем, отдал свои приказания и дал свое благословение герцогу и отпустил его, и тот, после приятного путешествия, примерно в начале лета, с радостью вернулся в свою страну.

Глава 31.

О разводе короля Франции со своей женой и о ее замужестве с будущим королем Англии.

Около этого же времени произошел развод между Людовиком, королем Франции, с его королевой Элеонорой - некоторые епископы и знатные люди засвидетельствовали факт их кровного родства, подтвердив это торжественной присягой. Эта принцесса, которая была единственной дочерью герцога Аквитанского, и перед вышеупомянутым походом в

Иерусалим вышла замуж за короля Франции, и благодаря этому союзу, весьма обширное герцогство Аквитанское было присоединено к Франции. Сперва она, благодаря своей красоте, столь полно очаровала и приковала к себе внимание своего мужа, что накануне выступления в тот знаменитый поход он почувствовал себя столь привязанным к своей молодой новобрачной, что решил не оставлять ее дома, но взять с собой, на Святую Войну.

Многие знатные люди последовали его примеру и также взяли с собой жен, и будучи неспособными обходиться без женского общества, ввели своих жен внутрь христианских лагерей, которые должны были бы оставаться девственными чистыми, но которые, как было сказано выше, стали позором нашей армии. Когда король вместе со своей женой вернулся домой с позорным клеймом человека не выполнившего своего долга, их прежнее влечение постепенно стало перерастать в холодность, и между ними возникли различные разногласия. Королева была сильно оскорблена поведением короля и говорила, что вышла замуж за монаха, а не за монарха. Говорили, что еще пребывая в союзе с королем, она устремилась к тому, чтобы выйти замуж за герцога Нормандского, как более отвечающего ее чувствам, и что, в соответствии с этим, она пожелала и добилась развода. По этой причине разлад между ними возрастил, и, как передавали, она стала чрезвычайно настойчива, а он не оказывал сопротивления, и в конце концов супружеская связь была между ними расторгнута властью церковного права.

Наконец, законным образом освободившись от своего мужа и получив возможность выйти за того, кто был ей более приятен, она осуществила свои наижеаннейшие планы относительно сватовства, оставив при этом оставив двух своих дочерей их отцу.

Впоследствии, благодаря отческой заботе их родителя, они соединились в браках с Генрихом и с Теобальдом, сыновьями славного графа Теобальда. Встретившись в условленном месте, королева и герцог Нормандский связали себя узами супружества, и это событие было отпраздновано не столь пышно, как подобало бы при их столь высоком положении, но все было сделано с осторожным благородствием, так, чтобы приготовления к пышной свадьбе не вызвали бы к ней каких-либо помех. Вскоре после этого, герцогство Аквитания, которое простирается от графства Анжу и Бретани до Пиренеев, и которое отделяет Францию от Испании, постепенно ушло из-под власти Франции и перешло, благодаря правам жены, под власть герцога Нормандского. Французы иссохли от зависти, но ничем не могли помешать возвышению герцога.

Глава 32.

О соборе в Лондоне и о смерти короля Стефана.

В это время король Стефан совершил с королевской пышностью поездку по Англии, выказывая себя новым монархом, и все принимали его и относились к нему с вновь обретенным уважением, и все незаконно возведенные крепости, эти убежища отверженных и логовища воров - все они были срыты в его присутствии и растаяли подобно воску под огнем. Однако, добравшись до графства Йорк, он нашел в состоянии мятежа некого Филиппа де Колвилля (de Colville), который полагался на силу своей крепости, храбрость своей шайки и обилие продовольствия и оружия. Однако, король приказал ему либо сжечь свою крепость в Драксе (Drax), либо сдать ее, чтобы ее сожгли другие, а затем вызвал войска из соседних провинций, осадил это укрепление и храбро, в короткое время, привел его к покорности, хотя оно и было почти неприступным из-за различных преград - рек, лесов и озер.

Теперь наступило время жатвы, и король, закончив свои дела в городе Йорке и прилегающем графстве, возвращался в южные провинции, чтобы около праздника Святого Михаила, председательствовать, среди прелатов и ноблей на соборе в Лондоне,

созванном по поводу как дел королевства, так и по поводу вакантного престола архиепископа Йоркского. По этому делу готовились к собранию и сановники вышеупомянутой церкви, вместе с аббатами и клириками подчиненной провинции, и они остановились на Роджере, архидиаконе Кентерберийском. С согласия короля они формально затребовали его от его архиепископа, благодаря успешным интригам которого и было устроено все дело его избрания. Когда они с легкостью получили его от архиепископа, который был к этому довольно благосклонен, хотя внешне и казалось, что он лишь неохотно уступает их просьбам, то они добавили к своим просьбам еще одну – чтобы он посвятил его в сан, но не в качестве архиепископа Кентерберийского, а в качестве легата Святого престола. Это также было с готовностью удовлетворено, и он был посвящен в церкви Св. Петра в Вестминстере. По завершении собора архиепископ Йоркский поспешил на свою кафедру, и после торжественного восшествия на нее (обезопасив себя от случайностей), он лично отправился в Рим, чтобы получить паллий.

Король, который тогда находился в Кенте, заболел сразу после собора, его болезнь усиливалась, и он умер через несколько дней, в октябре месяце, после 19 лет царствования, и был похоронен в Фавершэм (Faversham), в монастыре, который он основал за несколько лет до этого. Известие о его смерти скоро достигло герцога Нормандского, который в это время был занят со своей армией осадой одного восставшего города. Когда его друзья посоветовали ему снять осаду и со всей возможной поспешностью отплыть в Англию, чтобы, из-за задержки, не оставить старым противникам шанса причинить ему какой-либо вред, то он на это ответил (чувствуя себя совершенно уверенным с справедливости своих притязаний), что они не осмелятся на такую попытку. И хотя его друзья очень беспокоились за него, все же он не отказался от осады до тех пор, пока не осуществил своих намерений относительно замка, и в течении этого времени Англия с тревогой ждала его, и в это время в его владениях не возникло никакой смуты. Но давайте прервем здесь мою первую книгу, так чтобы вторая могла начаться с царствования короля Генриха II.

Здесь кончается первая книга.

Текст переведен по изданию: *The Church Historians of England, volume IV, part II;*
translated by Joseph Stevenson (London: Seeley's, 1861).

Электронная версия: <http://www.fordham.edu/halsall/basis/williamofnewburgh-intro.html>

© сетевая версия - Thietmar. 2005

© перевод - Раков. Д. Н. 2005

© дизайн - Войтехович А. 2001

ВИЛЬЯМ НЮОБУРГСКИЙ

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

HISTORIA RERUM ANGLICARUM

КНИГА II

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ВТОРАЯ КНИГА.

Оглавление

Глава 1. Начало царствования короля Генриха II.

Глава 2. О том, как Генрих II вернул королевские владения в их прежнее состояние.

Глава 3. О местоположении замка Скарборо.

Глава 4. Об осаде и успешном взятии Бридженорта (Bridgenorth) и о возвращении королем Шотландии королю Англии северных частей Англии.

Глава 5. О войне с валлийцами и их примирении с королем.

Глава 6. О том как англичанин Николай стал папой.

Глава 7. О причине мятежа королевского брата Жоффруа и о его примирении.

Глава 8. О разрушении Милана и о реликвиях волхвов.

Глава 9. О схизме в Римской церкви, соборе в Павии и Галликанском конвенте.

Глава 10. О походе в Тулузу славного графа Барселоны.

Глава 11. Об ужасном убийстве Гийома Треншевеля и о том, как оно было отомщено.

Глава 12. Примирение королей Франции и Англии.

Глава 13. О приходе в Англию еретиков и об их истреблении.

Глава 14. О соборе в Туре, на котором председательствовал папа Александр.

Глава 15. Каноны Турского Собора.

Глава 16. О недовольстве короля достопочтенным Томасом, архиепископом Кентербери.

Глава 17. О смерти Октаавиана и о возвращении папы Александра в Италию.

Глава 18. О втором походе в Уэльс и о завоевании Бретани.

Глава 19. О кончине Малкольма, наиблагочестивейшего короля Шотландии.

Глава 20. О жизни и смерти достопочтенного отшельника Годрика.

Глава 21. О Кетелле (Ketell) и об оказанной ему божественной милости.

Глава 22. О долгой вакантности в церкви Линкольна.

Глава 23. О двух походах в Египет короля Иерусалимского Амальрика.

Глава 24. О раздоре и о примирении королей Франции и Англии.

Глава 25. О коронации Генриха III и об убийстве Томаса Бекета.

Глава 26. О покорении ирландцев англичанами.

Глава 27. О том, как король Генрих III восстал против своего отца и призвал против него короля Франции и прочих иных.

Глава 28. О делах в Омале, Шатонефе и Вернене.

Глава 29. О тех, кто был взят в Доле (Dol).

Глава 30. Об осаде Лестера, о войне с шотландцами и о пленении графа Лестера.

Глава 31. Об отступничестве от короля Давида Шотландского и других.

Глава 32. О прибытии короля в Англию и о том, что сделали там шотландцы.

Глава 33. О пленении короля шотландцев.

Глава 34. О том, что случилось с армией и землей Шотландии после пленения короля.

Глава 35. О достопамятной эпидемии короля Англии и о ее последствиях.

Глава 36. Об осаде Руана и о коварной атаке противника.

Глава 37. О том, как король восстановил мир в Англии и освободил Руан.

Глава 38. О примирении королей и успокоении их королевств.

Глава 1.

Начало царствования короля Генриха II.

В году 1154 от разрешения Девы, Генрих, внук Генриха Старого от его дочери, ставшей императрицей, приехал в Англию из Нормандии, и после передачи ему наследства короля Стефана, принял свое наследственное королевство. Он был всеми хорошо принят, посвящен в короли священным помазанием, и по всей Англии его приветствовали криками "Да здравствует король!" Люди, наученные горьким опытом последнего царствования, когда произошло так много злодеяний, теперь предвосхищали лучшие времена при своем новом суверене, отличавшимся большим благородством и твердостью, и в котором была видна строгая внимательность к правосудию, и который с самого начала нес на себе печать великого государя. Кроме того, он издал указ о том, что те иностранцы, что толпами являлись в Англию при короле Стефане, как ради военной службы, так и ради грабежа, и которые, а особенно фланандцы, своей многочисленностью обременяли королевство, чтобы всем им к назначенному дню должно вернуться в свои страны, и что после этого дня их дальнейшее пребывание в стране будет сопряжено с опасностью.

Устрашенные этим указом, они исчезли в один миг, так быстро, словно призраки, и множество людей поражалось стремительности их исчезновения. Затем он приказал срыть все вновь возведенные замки, которых не существовало во времена его деда, за исключение тех немногих, что отличались удачным местоположением, и которые он хотел сохранить, либо ради защиты королевства, либо для себя, либо для своих сторонников.

Затем он уделил серьезное внимание упорядочению общественной жизни и бдительно следил за тем, чтобы вновь ожила сила закона, который во времена короля Стефана стал безжизненным и всеми забытым. С целью смирить дерзость преступников и для того,

чтобы распорядиться о возмещении ущерба полагающегося в каждом случае он назначил судейских и правоохранительных чиновников по всему своему королевству; а сам же в

это время либо наслаждался высотой своего положения, либо соизволял своему королевскому величеству заниматься более важными делами. Однако, как только какой-нибудь судья действовал нерадиво или неправильно, и на него сыпались жалобы людей, король использовал свое право на пересмотр дел и надлежащим образом исправлял его

небрежение или чрезмерную супротивность. Таково было начало царствования нового суверена - миролюбие приветствовалось и всячески одобрялось, а беззакония вызывали гнев и подавлялись. Волки-грабители либо бежали, либо уснули, а если и не совсем уснули, то все же, из-за своего страха перед законом, стали жить среди овец, не нанося им вреда. Мечи были перекованы на орала, а копья - на серпы, больше никто не знал войны, но все либо наслаждались праздностью этого долгожданного, Богом данного, спокойствия, либо занимались своими многими личными делами.

Глава 2.

О том, как Генрих II вернул королевские владения в их прежнее состояние.

Заметив, что королевские домены, которые во времена его деда были весьма обширными, теперь значительно сократились из-за того, что благодаря лености короля Стефана, они большей частью перешли ко многим посторонним владельцам, король приказал всем им, кем бы они не были, вернуть все, полученное от узурпатора, а самим вернуться под свою

прежнюю юрисдикцию и к своему прежнему состоянию. Это относилось и к тем, кто ранее стал владеть собственностью в королевских городах и поселках для того, чтобы обеспечивать им их защиту, как по хартиям, которые они либо вырвали сами у короля Стефана, либо получили за свою службу - теперь все это им ничем не могло помочь, ибо стало недопустимым ссылаться на пожалования узурпатора перед лицом прав законного государя. Вначале по этому поводу все сильно возгнедовали, но позже устрашившись и прияя в удрученное состояние - покорились, хотя и неохотно, но все же полностью, и они вернули все, что незаконно присвоили и чем, как бы на законных основаниях, в течении

длительного времени владели. Пока все во всех графствах королевства покорялись королевской прихоти (за одним единственным исключением, о котором я упомяну ниже), король отправился за Хамбер и тяжестью своей власти привел к покорности, и в этом отношении и во всех других, Уилльяма, графа Альбемарля, который во времена Стефана был в тех местах королем в большей степени, чем его господин. Долгое время не решаясь и кипя от негодования, в конце концов он все же, с большой болью, покорился его власти и крайне неохотно передал все те королевские домены, которыми он владел в течении долгого времени, и главное - знаменитый и благородный замок Скарборо, о положении которого мы знаем следующее:

Глава 3.

О местоположении замка Скарборо.

В океане отражается скала громадной высоты и размера, из-за обрывов и океана, который окружает ее со всех сторон, она почти неприступна, за исключением узкого крутого подъема, что тянется в западном направлении. На ее вершине находится прекрасный луг,

площадью более 60 акров, и имеются бьющие из скалы источники свежей воды. У труднодоступного входа на него расположен королевский замок, а ниже его берет начало простирающийся к югу и к северу, но ограниченный с запада город. С этой стороны он защищен своей собственной стеной, с востока - замком на скале, а две другие стороны омываются морем. Это место вышеупомянутий Альбемарль посчитал чрезвычайно

пригодным для возведения крепости, и имея большое влияние в графстве Йорк, он, при помощи дорогостоящих работ, еще более улучшил природное положение замка и окружил всю вершину скалы стеной. Еще, у начала подъема в гору он построил большую башню, которая с течением времени разрушилась, и король приказал возвести на этом месте большой и могучий замок.

Глава 4.

Об осаде и успешном взятии Бридженорта (Bridgenorth) и о возвращении королем Шотландии королю Англии северных частей Англии.

Успешно завершив, согласно своим желаниям, дела в этом графстве, король вернулся в южные части Англии и нашел в состоянии мятежа Гуго де Мортимера, необузданного знатного человека, который в течении многих лет незаконно владел королевским замком Бридженорт (Bridgenorth). Когда ему пришлось оставить его довольствуясь только своим личным имуществом и вернуть королю то, чем он владел, он самым упрямым образом отказался это сделать и приготовился сопротивляться любыми возможными способами. В результате, однако, он лишь показал, что его гнев и гордость были гораздо больше его смелости, поскольку король быстро собрал свое войско, осадил Бридженорт, который через несколько дней был сдан после храброго сопротивления, и тот, сердце которого только что перед этим казалось сердцем льва, теперь стал смиренным и молящим, и получил прощение.

Король счел целесообразным поставить в известность короля Шотландии, который держал, как бы по своему собственному праву, северные английские графства (а именно, Нортумберленд, Камберленд и Уэстморленд, что прежде были получены Давидом, королем Шотландии от имени императрицы Матильды и ее наследников) о том, что ему не подобает обманывать короля Англии относительно столь большой части его владений и о том, что он не будет молча сносить это искажение правды, и что именно то, что было получено от его имени, теперь ему и должно быть возвращено. Шотландский король благородно принял во внимание, что английский король превосходит его как в своей силе, так и в правоте этого дела, и хотя он мог бы сослаться на клятву данную его деду Давиду, когда тот посвящал его в рыцари, но все же он полностью вернул спорные земли и получил взамен от короля графство Хантингтон, которое принадлежало ему по древнему праву.

Таким образом, дела были устроены, и Англия какое-то время наслаждалась спокойствием и безопасностью вдоль всех ее границ. Кроме того, король обладал властью в гораздо более обширной империи, чем кто-либо из английских правителей до него - ибо она простиралась от самой дальней границы Шотландии до Пиренейских гор.

Глава 5.

О войне с валлийцами и их примирении с королем.

Спустя короткое время между королем и валлийцами, остатками варварского народа, возник спор, то ли из-за того, что он вследствие своего могущества выдвинул какое-то новое требование, то ли из-за их неспособности и отказа выплачивать такому великому государю их обычную дань, то ли от того, что они очень осмелели, находясь под защитой своих покрытых лесом гор и ущелий, а может быть, из-за их неугомонности и тайных набегов на соседние английские границы. Собрав огромную армию со всех концов Англии, король решил вторгнуться в Уэльс самым доступным путем. Валлийцы же,

собравшись вместе, сторожили границы и осмотрительно избегали спускаться на равнины, и будучи только легковооруженными страшились вступить в бой с людьми одетыми в броню. Они скрылись в свои леса и охраняли свои ущелья.

Эти валлийцы являются остатками бриттов, первых обитателей того острова, что теперь зовется Англией, но прежде назывался Британией, и эти пресловутые бритты принадлежат

к тому же народу и говорят на том же языке, что и бретонцы на континенте; но когда бритты, будучи изгнанными вторгнувшимся народом англов, смогли убежать в Уэльс, то там, благодаря дару природы, они смогли уберечься от вражеских нападений, и там их народ пребывает и по сей день. Страна эта лежит напротив Ирландии, у западного океана, а с другой стороны примыкает к земле Англии. Еще она почти полностью окружена либо морем, либо неприступными лесами и твердынями, из-за чего доступ туда очень труден. Но известно еще, что во внутренней части страны есть много недоступных укромных мест,

и поэтому для любого государя опасно вторгаться туда с войском, поскольку после вторжения ее невозможно занять. По своей природе страна эта рождает людей грубых и жестоких, дерзких и вероломных, жадных до чужой крови и не жалеющих своей, всегда караулящих добычу и по своим естественным чувствам всегда враждебных англичанам.

Благодаря лесам, они имеют обильные пастища для скота, но из-за бедности почв, которые не способны рождать хлеб, их невозможно обеспечить пищей без того, чтобы не ввозить ее из прилегающих английских графств, и поскольку этот ввоз невозможен без разрешения короля Англии, то для них необходимо быть покорными его власти, и если он вдруг когда раздражается на их грабительские набеги и на их необузданную жестокость, то тогда они с трудом должны сдерживаться и будучи не в состоянии долго выносить его гнев, они вынуждены ему покоряться.

Король вступил в их пределы, преодолев упорное сопротивление природы и естественных препятствий этой страны, и там встретился с весьма зловещим началом при выполнении своих замыслов - когда часть его армии шла по лесному и болотистому участку местности, то подверглась большой опасности, попав в засаду, которую враги устроили у нее на пути, и тогда, к несчастью, погибли Евстафий Фитц-Джон (Eustace Fitz-John), муж великий и уже пожилой, далеко известный своим богатством и своей мудростью, один из самых благородных вождей Англии, вместе с ним пал Роберт де Курси (Curci), человек такого же ранга, а также многие другие. Те, кто избежал опасности утверждали, что король также пал среди остальных (хотя, слава Богу, он проложил себе путь вперед и уже находился в безопасном месте), и встретив спешащие к ущелью войска они сообщили им о его смерти и привели таким известием большую часть армии в уныние и побудили ее обратиться в бесславное бегство, до такой степени, что Генрих Эссекский, человек очень заметный и бывший наследственным знаменосцем короля, бросил королевское знамя, которым армия должна была бы воодушевляться, и обратился в бегство, возвещая всем кого встречал на своем пути о том, что король мертв. За это неподобающее поведение, он позже, одним знатным мужем, был заклеймен изменником, и по приказу короля был вынужден вступить с ним в поединок и был им побежден. Однако, король милостиво спас его от смертного приговора, приказав стать монахом в Рединге (Reading) и обогатил его весьма большой казнью свою собственную. Но об этом - позже.

Когда король, таким образом, быстро подавил заговор и счастливо удивил свою армию своим присутствием, то дезорганизованные войска восстановили свою силу и боевой дух, встали под свои знамена и в будущем передвигались более осторожно, избегая вражеских хитростей. А когда король решил, что поступит правильно, если атакует валлийцев еще и с моря, и приказал подготовить большой флот, то вражеские послы обратились к нему с предложениями о мире, и вскоре их князья пришли умолять его об этом. После того, как они передали ему некоторые крепости на границе, и ради того, чтобы помириться со столь

великим государем, принесли ему оммаж и клятву верности, то после этого были разогнаны тучи войны, и воссияла тишина мира, и таким образом, счастливая армия вернулась домой, а король обратился к другим делам и к своим развлечениям.

Глава 6.

О том как англичанин Николай стал папой.

На первом году царствования Генриха умер приемник Евгения Анастасий, после того, как пробыл папой 1 год. Ему наследовал Николай, епископ Альбано, который, изменив свое имя при таком повороте судьбы, назывался Адрианом. Об этом человеке будет полезно рассказать, о том, как он из праха вознеся на такую высоту, что стал восседать среди государей и занимать престол апостолической славы.

Он родился в Англии, и его отец был скучным разумом клерком, который отрекся от мира и от юного мальчика, и стал монахом в Сент-Олбэни. Когда его сын вырос, то был слишком беден, чтобы платить за свое образование и ради ежедневного вспомоществования он часто посещал этот монастырь. Его отец в извительных выражениях стыдил и бранил его леность, с великим негодованием согнал его с его места и лишил какой бы то ни было поддержки. Будучи предоставленным самому себе, гонимый жестокой необходимостью что-то предпринять и стыдясь что-либо просить или выискивать в Англии, он отправился во Францию. Преуспев, но не очень сильно во Франции, он отправился дальше и скитался за Роной, в местности, называемой Провансом. В этой стране есть благородный монастырь с регулярным уставом, посвященный Святому Руфу (Rufus). Придя в это место и найдя возможность задержаться здесь, он постарался поступить в это братство для выполнения любой работы, которая только представится. Поскольку он был изящен собой, приятен в обращении, мудр в речах и с готовностью повиновался, то заслужил всеобщую любовь, и когда ему предложили одеяние каноника, то он там и обосновался на многие годы и все это время самым тщательным образом соблюдал дисциплину. Будучи человеком исключительных способностей и гладким в речах, благодаря частым и упорным занятиям, он приобрел большую ученость и красноречие, поэтому со временем, случилось так, что по смерти аббата, он был, единодушно избран его приемником.

После того как он некоторое время возглавлял братьев, те раскаялись и возгнедовали за то, что выбрали править собой иностранца и стали по отношению к нему вероломными и враждебными. Их ненависть постепенно стала столь сильной, что теперь они с гневом смотрели на того, кто был им прежде так любезен, и в конце концов, они выдвинули против него обвинения и заставили предстать перед апостолическим престолом. Блаженной памяти Евгений, который в это время занимал престол понтифика, когда услышал о заговорах этих мятежных детей против своего отца и оценив благородство и скромность его защиты, приложил действенные усилия посредника, чтобы восстановить мир и настоятельно рекомендовал и часто увещевал каждую партию не продолжать вражду при изменении позиций другой стороны, но придерживаться единства в Духе и связать себя узами мира, и в итоге, он отпустил их помирившимися. Однако, покой этого же достопочтенного понтифика был вновь нарушен, и его слух еще раз услышал звон заговоров и обвинений братии. Благочестиво и благородно выслушав каждую из сторон, он сказал: "Я знаю, братья мои, где сидит Сатана, я знаю, чьи козни вызывают всю эту бурю. Ступайте! Выбирайте себе, как можете, другого наставника, или вернее того с кем вы будете жить в мире, но больше не обременяйте этого". И отпустив братьев, он оставил аббата на службе у Св. Петра и назначил его епископом Альбано, а вскоре после того, уверившись в его способностях и наделив всей полнотой власти, он послал его в качестве

легата к диким датчанам и норвежцам. Несколько лет он мудро и деятельно выполнял свои обязанности среди этих варварских народов и вернулся в Рим в добром здравии и счаствии, и был принят папой и кардиналами с почетом и одобрением своей деятельности.

Спустя несколько дней умер приемник Евгения, Анастасий, и в соответствии с общим желанием, понтификат принял Николай, принявший при этом имя Адриана. Не забывая о своем начальном образовании, и главным образом, в память об отце, он удостоил многих даров церковь преподобного мученика Альбана, и наделил ее обширными привилегиями.

Глава 7.

О причине мятежа королевского брата Жоффруа и о его примирении.

В то время, как после подавления и подчинения валлийцев Англия наслаждалась миром и покоем, королю Генриху сообщили, что его брат Жоффруа произвел возмущение за границей. Причина разногласий между братьями была такова. От Матильды, что стала императрицей, славный граф Анжу имел троих сыновей - Генриха, Жоффруа и Гийома.

Поэтому, когда и отцовские и материнские права соединились в лице Генриха, как в перворожденном, и принадлежали только ему, граф захотел, чтобы и доля других братьев зависела бы не только от доброй воли графа, так как наперед он не знал, что тот может решить относительно этого. Поэтому, в свои последние часы он завещал графство Анжу своему второму сыну, но поскольку относительно Англии в то время еще ничего не было известно, то он сказал: "Когда Генрих полностью получит права своей матери, а именно, Нормандию вместе с Англией, то пусть он выделит своему брате Жоффруа всю часть,

которая полагается ему из отцовского наследия. До этих пор пусть Жоффруа довольствуется тремя благородными замками - Шиноном (Chinon), Лоудоном (Loudun) и Мирабо (Mirabeau)". И поскольку, именно в это время Генрих по какой-то причине отсутствовал, хотя и успел вскоре вернуться, он связал присутствовавших там прелатов и ноблей клятвой в том, что его тело не будет похоронено до тех пор, пока его сын не поклянется, что не отменит последнюю волю своего отца.

Вскоре после его смерти, сын, приехавший на церемонию похорон, узнал о мольбе своего отца и в течении долгого времени колебался. Наконец, все умолили его не доводить дело до того, чтобы тело его отца разложилось будучи не захороненным, к его же собственному неискупимому позору, и он внял их ходатайствам и, хоть и не без слез, дал требуемую клятву. Только когда похороны отца завершились, только тогда и было обнародовано завещание, а до того он скрывал свое горе. Но унаследовав королевство, он решил открыть свои сокровенные чувства римскому понтифику (по крайней мере, так говорили) о том, что он не был осведомлен в том, в чем поклялся под принуждением, и что вынужденная клятва или обещание ничем его не связывают, если не будут подтверждены позже, и он (как утверждали) легко получил разрешение от своего обязательства под предлогом того, что клятва или обещание была дана им под принуждением, а сам он не видел необходимости подтверждать ее теперь, когда все стало зависеть только от его доброй воли. Прикрываясь этим предлогом, и не принимая во внимание ни волю отца, ни свою собственную клятву, он не собирался давать удовлетворения своему брату.

Обозлившись из-за этого, Жоффруа, чтобы противостоять всем будущим невзгодам, о которых он догадывался, укрепил три вышеупомянутых замка, что оставил ему отец, и стал беспокоить соседние провинции. Но король спешно собрал свою армию и осадил Шинон - так назывался тот замок, в котором, казалось, природа соревнуется с человеческим искусством в его укреплении и защите, но несмотря на все это, он в короткое время покорил его и простил своего униженного и умоляющего о пощаде брата,

и чтобы предотвратить его честолюбивые виды на будущее, лишил его замков, и пожаловал ему на содержание часть равнинной местности. И когда Жоффруа зачах от тоски, сетуя на суровость брата и проклиная злосчастную судьбу, нежданное событие наполнило его радостью - поскольку жители Нанта не имели определенного правителя и никого, кто бы мог быть им приятен, и восхищались его делами и его упорством, то они избрали его своим истинным и признанным сеньором, и по его прибытии они передали

ему город вместе с прилегающей провинцией. Недолго наслаждаясь этой милостью фортуны, он был унесен преждевременной смертью, и граф Ричмонд, который в то время пользовался очень значительным влиянием в Бретани, немедленно вступил в город в качестве законного владельца. Узнав об этом, король издал указ о том, что графство

Ричмонд должно отойти в его казну и тотчас же отплыв в Нормандию предъявил притязания на Нант как наследник своего брата. И он так сильно запугал графа своими обширными военными приготовлениями, что тот едва пытался оказать слабое сопротивление, и успокоил своего противника только тем, что покинул город.

Глава 8.

О разрушении Милана и о реликвиях волхвов.

Примерно в это же время Фридрих, император Германии и Италии осадил, взял и разрушил город Милан, который, полагаясь на свои силы и запасы, в течении долгого времени пребывал в состоянии мятежа. Ломбардцы, люди беспокойные и воинственные, томимые жаждой неограниченной свободы и гордые самим числом своих городов и их великой силой, уже за много лет до этого много бунтовали против императора римлян. Но пока их самые богатые города воевали за первенство друг с другом и желали управлять остальными, они таким образом, только усиливали императора в борьбе против себя.

Наконец, миланцы, превзошедшие других в богатстве и силе, распространили свое влияние над всей Ломбардией и уже покорили одни города и разрушили те, которые оказали им сопротивление. В то же время, люди Павии, хотя и уступающие им в силе, но все равно с презрением относившиеся к их власти, перешли на сторону партии императора.

А другие города, последовав их примеру, заключили с ним договор.

С целью нападения на Милан, который теперь был ослаблен отпадением всех своих союзников, император собрал войска со всей империи. Обратив жажду господства на упрямую защиту свободы, они также всеми способами укрепляли свой город от императорского нападения. После того, как они разрушили и уничтожили предместья города, чтобы те не послужили для осаждавших и тем не нанесли ущерба осажденным, они предприняли такие же меры и по отношению к благородному и древнему монастырю,

находившемуся вне пределов городских стен, и зная о находившихся там святых реликвиях, они перенесли внутрь стен все, что нашли там священного и почтенного, но главное - тела трех волхвов, которые приветствовали рождение Спасителя принесением святых даров, что стали первыми дарами язычников Богу и Агицу. Об этом сокровище,

которое прежде располагалось в тайном месте этой церкви, не было известно даже несшим там службу монахам и клирикам, но когда сама церковь была снесена до основания, то оно было обнаружено и стало явным, благодаря ясному свидетельству, к котором говорилось, что эти мужи, да будет благословенна их память!, после того, как воздали почести и принесли дары младенцу Спасителю, вернулись в свою собственную страну и были еще живы даже после триумфа Его страстей; и приняв таинство крещения

от апостолов во ходе их миссии, они отправились к Тому, кому они уже приносили поклонение, когда Он был в колыбели, и теперь они поклонялись Ему, сидящему по правую руку от Своего Отца. Ничего не известно о том, кто именно доставил их священные останки и поместил в том месте. Однако, их останки были целыми, их кости и

жилы были покрыты сухой кожей и не подверглись тлению, поэтому полагали, что они были подвергнуты, по языческому обычаю, бальзамированию, и предполагали, что это было сделано для того, чтобы их тела могли быть помазаны после смерти. В дополнение к этому, говорили еще, что когда их тела нашлись, то они были скреплены золотым обручем, который удерживал их всех вместе.

Милан был осажден императором Фридрихом, и то что численность его войск была велика следует из того, что с ними он счел себя способным попытаться покорить такой очень могущественный город, необычайно гордый многочисленностью и храбростью своих жителей. Однако, после разных событий и многочисленных столкновений, он сдался и попал во вражеские руки. Победоносный император снес город, но не истребил его обитателей, поскольку они сами сдались ему. Однако, он их рассеял и, к невыразимому горю ломбардцев, перенес их священные реликвии, останки волхвов, чтобы поместить их на земле Германии, и удостоил чести быть хранителем этого сокровища город Кельн.

Глава 9.

О схизме в Римской церкви, соборе в Павии и Галликанском конвенте.

На пятом году своего правления Генрих, славный король Англии, был торжественно коронован в Линкольне на Рождество, однако, не в пределах стен города, по причине, как я полагаю, того древнего суеверия, которое король Стефан (как говорилось выше) похвально осудил и осмеял, а в примыкающей к предместью деревне.

В следующем году папа Адриан отдал долг природе, и по его кончине кардиналы, разошедшись при выборе правящего понтифика, сотворили схизму в церкви; и пока партии неизвестовали друг против друга, они еще и разрушили церковный мира по всему свету. Большая и наиболее мудрая их часть остановилась на Роланде, канцлере римской церкви, муже благочестивом и ученом и канонически посвятили его, но очень незначительная их часть остановилась на Окталиане, человеке знатном и не боящегося божественного суда, и уничили его достоинство своим грешным избранием. Каждая из партий метала друг в друга отлучения и осуждения и с тревогой добивалась для себя поддержки церквей и знатных людей. Первый, которому, благодаря правому суду, было суждено оказаться победителем, принял имя Александра (III), другой тщетно принял титул Виктора (IV), имя пустое, а заключавшееся в нем предзнаменование (Виктор, т.е. Победитель) стало лишь обманом в свете будущего позора. Этот разрыв вскоре мог бы и закончиться, и немногие могли бы уступить и примкнуть к большинству, если бы император Фридрих, ненавидивший Александра и перенесший на него старую ненависть, которую он испытывал, когда тот был еще Роландом, не решил бы всеми возможными способами воспользоваться случаем и моментом и стал на сторону Окталиана. В конце концов, он приказал прелатам из своих владений, а именно, итальянским и немецким епископам, собраться в Павии, как бы для дискуссии и для изучения того, какая же из партий более права, но на самом деле – для того, чтобы они разжаловали Александра и одобрили его противника, и чтобы они смогли отпраздновать преждевременную победу вышеупомянутого Виктора. Он приказал самим противникам присутствовать лично и соблюдать постановление этого собора. Виктор действительно прибыл, и как будто был готов соблюдать это решение, но Александр не только сдержанно, но даже весьма открыто отказался от такого заранее готового судебного решения, которое готовилось против него под именем правосудия.

Епископы как германской, так и итальянской частей империи собрались, по императорскому приказу, в Павии вместе со множеством прелатов более низкого ранга, и все они были на стороне Фридриха, который, вместе со своими принцами, появился на внушительной церемонии. Так как не было никого, кто бы отвечал за Александра, то если кто-либо склонялся на его сторону, то его либо заставляли молчать, либо хитро извращали его слова и обращали их против него, а если что не доставало в правоте его сопернику, так это возмешдалось ловкостью. Вследствие этого, приняв со всей положенной торжественностью Виктора в качестве истинного наследника Святого Петра, они издали положение осуждающее Александра декретом собора как схизматика и бунтовщика против Бога. Император, при полном собрании принцев и знати, одобрил акты собора и грозил карами всем, кто откажется их принять. Кроме того, он всяческими способами настойчиво ходатайствовал перед славными королями Англии и Франции, чтобы они, ради вечной дружбы, встали бы на его сторону в этом споре. Однако, те оказались несгибаемыми и осторожно отложили свое суждение до тех пор, пока они сами не смогут полностью выяснить истину в таком деликатном деле, и они, в надлежащее время и в надлежащем месте, также созвали самый представительный собор из прелатов и ноблей из каждого королевства. Со стороны Октаавиана явилось двое его главных сторонников, которые были его избирателями и зачинателями схизмы – Гвидо, кардинал Кремы, и Иоанн, кардинал Св. Мартина, а Имар (Imarus), епископ Тускулума (Tusculum), который наложил на него руки ненависти, уже ушел из этой жизни. Со стороны владыки Александра были представлены три кардинала: Генрих Пизанский, Иоанн Неаполитанский и Вильгельм Павийский. Кардинал Кремы тогда поднялся в присутствии королей и прелатов, перед всем множеством собравшегося там клира и народа, и говорил за свою сторону и против своего врага со всей мощью своего гения и своего красноречия. После того, как он закончил, поднялся Вильгельм Павийский, муж наикрасноречивейший, и самым убедительным образом, опроверг каждое его утверждение и полностью опроверг почти каждое слово, произнесенное кардиналом Кремы в защиту своего друга; и сделал это он столь убедительно, что речь того стала казаться путанной и противоречащей его собственным словам. Наконец, в этом поединке, как можно назвать это взаимное препирательство, истинность всего дела стала настолько очевидной, что больше не сомневаясь, оба короля отвергли дело Октаавиана, ради того, чтобы вместе со своими королевствами впредь, в предметах относящихся к Богу, повиноваться Александру, как отцу. После отъезда вышеупомянутых схизматиков в замешательстве и с позором, наши государи и прелаты распустили собрание, произнеся перед этим торжественно положение об отлучении мятежников.

Тем временем, папа Александр жил в безопасности на землях короля Сицилии, чьей прочной дружбой он заручился, и ожидал возможности переехать во Францию. Вся Западная империя, за исключением германских провинций, в пасторских делах повиновалась ему. Императору же, из-за однажды возникшей враждебности к частному лицу, о котором он составил дурное мнение, и из-за того, что он считал ниже своего императорского достоинства убедиться в ошибке даже при веских основаниях, потребовалось еще долгое время, чтобы уступить очевидной правде.

Глава 10.

О походе в Тулузу славного графа Барселоны.

Прославленный король Англии Генрих Второй на седьмом году своего царствования повел свою армию в Гасконь, а причиной этого примечательного похода была такая. Граф Пуату, который также являлся и герцогом Аквитании, дед Элеоноры Аквиетанской, королевы сначала Франции, а затем Англии, был человеком такой большой

расточительности, что поток его доходов был неспособен обеспечивать его причуды, и вследствие этого он был вынужден занять большую сумму денег у графа Сен-Жиль, человека знатного и богатого, которому он за это заложил благородный город Тулузу, вместе со всем его достоянием, и перед смертью он передал своему сыну задачу выкупить этот залог. Тот также походил на отца в расточительности и также завещал своим наследникам выкупить город, и когда оставил наследницей одну лишь дочь, которая вышла за Людовика, короля Франции, то этот государь притязал на Тулузу по праву своей жены. Хотя графу Сен-Жилю вообще никто не давал никаких прав, все же он полностью подчинил город себе, и выждав удобный момент умиротворил короля женившись на его сестре Констанции, вдове Евстфия, сына короля Стефана, которая после кончины своего супруга вернулась к своему брату, и когда позже состоялся развод между королем и королевой Франции, то вновь возник вопрос о возвращении Тулузы ее законной наследнице, поскольку теперь Элеонора стала женой короля Англии. После отказа графа Сен-Жиль вернуть ее и поручительства короля Франции, подарившего ее ему, король Англии собрал армию со всех своих владений и вторгся на земли Гаскони, и еще он пригласил своих друзей либо последовать за ним, либо встретить его прямо там, и армия его разрослась до неисчислимого множества, а особенно - благодаря графу Барселонскому, вождю великому и могучему, не уступающему самим королям.

И здесь, поскольку предоставляется случай, может быть, стоит кратко рассказать о его более, чем королевском уме и королевском величии. Незадолго до наших времен, славный король Арагонский имея уже нескольких сыновей, благодаря благочестивому побуждению посвятил одного из них Христу в одном монастыре, планируя так, что оставшийся должен будет ему наследовать. Однако, тот, что предназначался в наследники, умер еще при его жизни, а затем, наконец, ушел из жизни и отец. Знать и народ, опасаясь как бы из-за притязаний на наследство его племянников, королевство не было бы разорвано на куски, собрались, и предупреждая надвигающуюся угрозу, без промедлений возвели на престол другого сына, забрав его из монастыря, и организовав правление, они заставили его жениться, чтобы появились дети, которые могли бы наследовать ему, представляя, что неотложность этого дела смягчает все его неприличие и ссылаясь на то, что у нужды нет закона. Наконец, у него родилась единственная дочь, и он правил королевством с похвальной заботой до тех пор, пока его дочь не достигла лет пригодных для брака, и тогда он созвал собрание знати.

Когда они предстали перед ним, вместе с почти всей военной мощью его королевства, он обратился к ним со следующими словами: "Всемогущий Бог простит и вас и меня, мои возлюбленные друзья, я поступил глупо, но вы заставили меня. Но может ли тот, кто уже пал, все же подняться вновь? Если только не вернется опять смертельная нужда, которая как вы говорите не знает закона, чтобы вновь поступить противно закону. Но разве теперь есть причина для этого? Вот у вас есть наследница королевства, рожденная от меня. Пусть для этой юной принцессы будет найдена достойная партия, и таким образом, пусть будет обеспечена безопасность государства. И пусть, вследствие этого, монах вернется в свой монастырь, и в будущем постарается излечить свою раненную совесть". Все пытались отговорить его, но когда им не удалось изменить его благочестивое похвальное намерение, он, в присутствии знати, обручил свою дочь с наиблагороднейшим юношей, сыном графа Барселонского, и передал ему королевство вместе с дочерью, и эта примечательная личность, этот отшельник, презревший мир, не стал больше терзаться угрызениями совести, и получил взамен пурпурную рясу и монастырь вместо королевства. После этих событий, они убеждали юношу, что поскольку теперь он владеет королевством, то должен принять и корону и пурпур - знаки королевского достоинства. На это он ответил отказом, сказав: "Поскольку никто из моих предков не носил титула выше графского, то и я - граф по природе: и поэтому, я не лучше и я не желаю быть выше своих праотцов, и поэтому во

мне судьба не может преодолеть природу. Я отказываюсь от титула и регалий короля.

Впредь, из-за того, что во мне судьба всегда уступает природе, я не отказываюсь от величия и власти над королевством. Вдобавок к этому, если я приму королевские регалии, я превзойду в богатстве и в чести только некоторых королей, зато сейчас, поскольку я имею достояние королевства вместе с королевской властью, ни один граф не сравниться с графом Барселоны. Поэтому, я предпочитаю быть первым графом, чем едва ли седьмым королем".

Так и поступил этот превосходный муж, из благородного презрения к королевскому достоинству, то ли споря, то ли шутя, когда его друзья уговаривали его принять королевский титул. И впредь он звался ни королем, ни герцогом, но только лишь графом Барселонским, хотя он и владел вместе с Арагонским королевством еще и графством Прованс - так называется область, что простирается от Роны к границам Италии. Кроме того, после его смерти, его сын, в соответствии с правами матери был торжественно посвящен в короли римским понтификом.

Граф Барселоны, как по причине своей дружбы с королем Англии, так и из-за своей враждебности к графу Сен-Жиль, отправился, как мы говорили, со всей силой подвластных ему людей в поход на Тулузу. Королю Англии, по причине своей ненависти к графу Сен-Жиль, в чьем плену, как говорили, он однажды побывал, и из которого бежал с трудом и не без потери многих своих земель, также помогал со всей силой своего

могущества и Гийом, по прозвищу Треншевель (Trencheveil), муж знатный и могущественный, сеньор нескольких городов и многочисленных замков. Граф Сен-Жиль очень испугался нашествия столь огромной армии и стал умолять о помощи короля Франции, который был братом его жены и приходился дядей его детям. Воспламенившись рвением защитить племянников, король спешно прибыл в Тулузу с войском настолько большим, насколько он смог собрать. Когда об этом стало известно королю Англии, он воздержался от осады города из уважения к королевской персоне, находившейся в нем, и использовал свое войско, чтобы разорить провинцию и разграбить ее крепости. Он отвоевал город Кагор, который ранее был захвачен неприятелем, а также многочисленные замки в его окрестностях, одновременно он взял и разграбил много других. После того, когда Вильгельм Треншевель вернул себе владение замками, которые ранее, благодаря удаче войны, попали в руки графа Сен-Жиль, король вернулся в Нормандию.

Глава 11.

Об ужасном убийстве Гийома Треншевеля и о том, как оно было отомщено.

Но раз уж здесь было случайно упомянуто имя Гийома Треншевеля, то мне надо не упустить случая рассказать об обстоятельстве, которое позже, из-за людской злобы, обратило против него его же людей, и показало, как самый обыденный случай может привести к оскорблению, которое может громко потребовать искупления, и о том как из всего этого может произойти наиужаснейшее отмщение. События эти еще свежи в моей памяти, настолько, насколько я смог удостоверится в их правдивости из многочисленных и надежных известий. Человек этот, отмеченный величием и благородством в ряду других благородных людей, в то время, то есть, после похода на Тулузу, в котором он участвовал, мирно правил своими землями, которые были надежно защищены со всех сторон, но все же оказался вынужденным оказать помощь своему племяннику, терпевшего в ту пору урон от врага. Выступив сначала, со значительными силами, сам, он приказал оставшейся части своего войска следовать за собой. Большое число молодежи, опытной в военном деле и бодрой духом, выступило из подвластных ему городов Безье и Каркасона и присоединилось к походу. Случилось так, что некий человек из Безье, полагаясь на многочисленность своих спутников, грубо оскорбил одного не очень значительного рыцаря, забрав у того его боевого коня и нагрузил его на переходе своим багажом. Рыцарь,

поддержаный всеми всадниками, выступил с жалобой в присутствии полководца, по поводу своего оскорблении, которое хотя и не нанесло ему большого материального убытка, но нанесло большой урон его чести. Полководец, стараясь успокоить рыцарей,

которые твердо заявили, что немедленно покинут войско, если люди из Безье будут награждены безнаказанностью своих сограждан, выдал обидчика на волю его обвинителя, который наложил на него обычное, но позорное наказание, уволив его из армии и лишив его чести до конца его дней.

На это жители Безье взбесились до неистовства, так как полагали, что малейшее бесчестие одного из них позорит их всех: поэтому, все они стали со скорбью умолять своего сеньора, по возвращении из похода, смыть пятно опалы со своего ленного и преданного города

какими-нибудь почетными и действенными мерами. Тот, намереваясь оказать это одолжение, любезно и снисходительно отвечал, что с готовностью исправит то, что было сделано из необходимости удовлетворить рыцарей и торжественно обещал, что в назначенный день он удовлетворит своих заслуженных горожан, согласно их желаниям.

Приняв это обещание, они на время оставались спокойными. В назначенный день их сеньор, как и обещал, приехал вместе со своими друзьями и благородными вассалами, и в

кафедральном соборе стал ждать прихода горожан, которым он собирался дать удовлетворение в присутствии епископа. Те, ловко скрывая свой гнев и пряча доспехи и кинжалы под своими одеждами, вошли в собор. Человек, который нанес оскорбление и получил заслуженное наказание, выступил вперед и воскликнул: "Посмотри на меня, несчастного и уже оставившего позади жизнь, волею судеб вынужденного доживать свой

век в позоре, и соизволь, господин мой, если тебе угодно, сказать - желаешь ли ты пересмотреть мой приговор, чтобы я мог еще чего-то желать и был бы способен жить". На это его сеньор мягко и снисходительно ответил: "Я готов, как и обещал, придерживаться своего решения и дать тебе воздаяние, которое назначат собравшиеся здесь нобли и горожане". На это обвиняемый возразил: "Речь твоя будет более правильной, если ты скажешь, что дашь мне компенсацию за тот позор, что я испытал, и окажешь мне какие-нибудь почести, но раз ты не можешь вернуть мне честь таким же образом, каким ты навлек на меня позор, то я могу искупить свое бесчестие только твоей кровью". Как только он произнес эти слова, самые отпетые из горожан обнажили свои спрятанные кинжалы, и напали, и зарезали своего непосредственного сеньора, вместе с его друзьями и ноблями, прямо перед священным алтарем. Тщетно епископ пытался, сам едва не погибнув, помешать осуществлению этого жестокого убийства.

Когда это неслыханное и мерзкое дело стало известно окрестным людям, то исполнившись отвращением к содеянному, они призвали заслуженное возмездие на зачинщиков этого адского заговора, и соседние принцы, полагая, что они послужат Богу тем, что уничтожат этих упрямцев, приготовились совместно совершить расправу над преступниками. Виновники этого преступления доверились крепости своего города, тщательно ими самими укрепленного настолько, насколько это было в их власти. Также и римский понтифик, узнав об этом зверском попрании закона, немедленно обрушил на головы преступников оружие духовного проклятия, а король Арагона, вместе с другими принцами, тот час же приступил к осаде проклятого города. Но когда осада длилась уже

какое-то время, и трудность овладения городом стала казаться осаждающим почти непреодолимой, как по причине самого его местоположения, так и из-за решительного поведения осажденных, то они, утомленные долгим сроком осады, и поскольку ничего не могли сделать действенного, заключили мир с горожанами, которых так и не смогли покорить и примирili их с их законным сеньором, сыном того, кого те убили, договорившись на том, что они дадут удовлетворение за смерть его отца. Был заключен мир, осада была снята, и всеказалось обустроенным. Но как показало будущее, по Божьей воле, это было сделано именно так, чтобы те, кого не смогли завоевать силой, и кто

хитрым предательством жестоко убил своего мягкого и любезного сеньора, сами получили бы такое же воздаяние к их собственной погибели, и чтобы с ними таким же образом обошелся сын, который мог брать пример в том, как они обошлись с его отцом. Поскольку, спустя некоторое время, когда у этого сына, человека благородного как телом, так и разумом, вызрел план, по которому он отплатил за кровь своего покойного отца своим вероломным горожанам, и он был столь оскорблен ими в этом деле, что полагал позорным держать клятву, данную клятвопреступникам, и будучи убежденным в этом своим стыдом и горем, он с самого начала решил, любыми способами, отомстить за убийство отца. Не мешкая, он раскрыл свою тайну славному королю Арагона и, под предлогом оказания ему помощи против графа Сен-Жиль, получил от него большой отряд самых свирепых людей.

После того он поспешил в город Безье (сперва послав туда ложное известие, что граф Сен-Жиль замыслил нападение) и умоляя горожан принять у себя арагонцев (поскольку он заручился поддержкой и помощью короля Арагона), которые находятся в пути и скоро должны прибыть, и снабдить их продовольствием по разумным ценам. Затем, когда арагонцы, спустя несколько дней, приехали в небольшом числе, то они показались не опасными, и их приход невраждебным, но со временем, их небольшие группы своим числом полностью наполнили город. И когда они расположились в каждой части города, то по сигналу, данному из цитадели, они обнажили оружие, и каждый человек напал на ближайших к нему горожан, и они почти сразу, с безумной яростью, уничтожили все население.

Так, по справедливому решению Бога, эти проклятые люди получили должное воздаяние за свое вероломное предательство и жестокость. Кроме того, эти служители мести получили (как говорят) в качестве награды за свои труды право на обитание в этом городе, который теперь был очищен убийцами от своих вероломных жителей. Об этих вещах стоило рассказать, поскольку они были весьма примечательными в свое время, теперь же вернемся к ходу нашего повествования.

Глава 12.

Примирение королей Франции и Англии.

После возвращения из похода в Тулузу, английский король Генрих II оставался спокойным, но лишь короткое время. Уже в следующем году, который был восьмым годом его правления, из-за некоторых обстоятельств, созрел и прорвался наружу гнойник ссоры, который зародился во время упомянутого похода, так, что мир в подчиненных им провинциях был нарушен. В конце концов, каждая из сторон собрала большие армии, и на границах были построены лагеря. Каждый государь, вместе со своими войсками, оставался на месте, так как им представлялось, что наступать опасно, а отступать - позорно, и они, предпочитая избегать случайностей войны, больше заботились об обороне, чем о наступлении на врага. Воспользовавшись этим, миролюбивые люди использовали эту паузу как возможность заложить прочные основы мира, и благочестиво и заботливо работали в этом направлении, ради того, чтобы гордость и амбиции двух людей не привели бы к гибели неповинных народов. И поскольку, как говорится, о мире лучше договариваться, находясь за щитом, эти государи дали легко себя уговорить сделать то, о чем вначале даже не хотели и слышать, и после того, как они помирились, их подданные разошлись по домам. В том же году умер Теобальд, архиепископ Кентерберийский, и ему в следующем году наследовал королевский канцлер Томас.

Глава 13.

О приходе в Англию еретиков и об их истреблении.

В это время в Англию явились некие еретики из той секты, что обычно называют публиканами. Они во многих местах распространяли яд своей ереси, которая произошла от какого-то безвестного гасконца, и как говорили, в обширных провинциях Франции, Испании, Италии и Германии этим мороком было заражено так много людей, что можно было воскликнуть словами пророка: “Господи, как же умножились те, что досаждают мне” (Псалмы 3,2 (русский перевод: “Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня”)). Наконец, когда епископы и князья поступали с ними слишком мягко, эти хитрые лисицы выходили из своих убежищ и, под маской благочестия, уводили заблудших простаков и, к горести нашей, опустошали виноградники Господа, но когда, Божиим вдохновением, против них разжигалось рвение преданных церкви людей, они оставались лежать в своих логовах, становились менее вредоносными, но все же не прекращали досаждать нам, распространяя свой яд втайне. Их жертвами были грубые поселяне и слабоумные, которые медленно понимали свои заблуждения, но однажды пропитавшись этой ересью, они оставались несгибаемыми по отношению ко всей церковной дисциплине, и редко случалось так, что, когда их удавалось извлечь из их убежищ, они вновь обращались к истине.

От этой, и подобных этой, еретической язвы Англия всегда была свободна, хотя их и много появлялось в других частях мира. Однако, этот остров, что был по имени своих аборигенов бриттов назван Британией, дал рождение Пелагию, который стал затем ересиархом на Востоке, и со временем, его заблуждение распространялось и на его родных берегах, и для их уничтожения благочестивая предусмотрительность галликанской церкви вновь и вновь посыпала туда блаженного Германа. Но когда этим островом, после изгнания бриттов, стали владеть англы, и который больше уже не назывался Британией, но Англией, то из него уже никогда не изливался яд ереси, и вплоть до времени короля Генриха II он не воспринимал яд ереси притекающий из других стран, чтобы распространяться и растечься здесь. Позже, с Божьей помощью, были принятые меры противодействовать яду, так, чтобы тот больше не осмелился появляться на острове.

Было около тридцати мужчин и женщин, которые скрывали свое заблуждение и тайно приехали на остров, чтобы распространять здесь свою ересь, под предводительством некого Герарда, к которому остальные относились как к своему учителю и главе, поскольку только он один имел какой-то оттенок учености, а остальные, по рождению и по языку - немцы, были как неграмотны, так и глупы, а равно и неотесанны и грубы. После короткого пребывания в Англии они присоединили к своей группе только одну слабую женщину, которую они одолели своей ядовитой вкрадчивостью, и (как говорили) она была околдована каким-то колдовством. На самом деле, они не могли долго оставаться в тайне, поскольку некоторые люди тщательно разузнали про них, то что они являются заграничной сектой, и они были раскрыты, схвачены и заключены в общественные тюрьмы. Однако, король не желал наказывать их без расследования и приказал совету епископов собраться в Оксфорде. Здесь, когда они были торжественно допрошены относительно их веры, то человек, который казался наиболее информированным по этому делу и говорил за них всех, ответил, что являются христианами и высоко почитают учение апостолов. Будучи спрошены поодиночке относительно статей святой веры, они отвечали правильно относительно сущности учения небесного Врачевателя, но извращенно – относительно тех средств, а именно святых таинств, которые Он предназначил для лечения человеческой немощи. Они отвергали святое крещение, евхаристию и супружество, и с нечестивой смелостью подрывали основы католического сообщества, которое допускает эту божественную помощь.

Когда на них надавили с помощью текстов священного Писания, они сказали, что верят в то, что им преподали, но не желают обсуждать свою веру. Когда их предупредили, чтобы они раскаялись и воссоединились с телом Церкви, они отнеслись с презрением ко всему благотворному собору. Они смеялись над угрозами, которыми их увещевали, чтобы через страх побудить их стать мудрее, и они должно применять к себе божественное изречение: “Блаженны гонимые за правду, ибо их есть царство небесное” (от Матвея. 5, 10). Поэтому, епископы, чтобы оградиться от дальнейшего распространения ереси, постановили, чтобы они, как осужденные еретики, были бы отданы католическому государю, чтобы тот наложил на них вещественную кару. Тот приказал, чтобы их лбы были заклеймены знаком еретического позора, и что их должно прилюдно высечь, изгнать из города и строго настрого запретить кому-нибудь снабжать их чем-либо или давать им приют. Их приговор был объявлен, они с радостью перенесли наложенное на них наказание, их предводитель шел быстрым шагом и распевал: “Блаженны будете вы, когда люди будут ненавидеть вас”. До такой степени дух соблазна извращает умы тех, кого ему удается обмануть! Женщина, которую они ввели в заблуждение в Англии, оставила их из страха наказания, исповедалась в своем заблуждении и была воссоединена с Церковью. Кроме того, с этим мерзким сбирающим суроно обошлись при заклеймении их лбов, и тот, кто был старшим среди них удостоился двойного клейма – на лбу и на подбородке – чтобы обозначить его власть. Их одежды были сорваны с них до пояса, их публично бичевали, и после того, как им нанесли все положенные удары плетью, их изгнали из города, и они жалко погибли из-за суровости непогоды, поскольку дело происходило зимой, и никто не выказал к ним ни малейшей жалости. Благочестивая суровость этого наказания не только очистила английское королевство от вредителей, что проползли в него, но и еще и предотвратила будущие вторжения, благодаря тому страху, который поразил еретиков.

Глава 14.

О соборе в Туре, на котором председательствовал папа Александр.

В это же время, римский понтифик Александр приехал морем из Апулии во Францию, из-за того, что хотя, как уже говорилось выше, весь западный мир, также как и государства Германии, в божественных делах подчинялись его власти, но все же, сторонники Октавиана постоянно его преследовали, и своими делами вредили не только ему самому, но и бросали в тюрьму всех тех, кого им удавалось случайно встретить, когда те ехали к папе или от папы, и из-за этого какой бы то ни было доступ к папе стал весьма затруднен. Таким образом, будучи неспособным осуществлять свои высокие обязанности так, как он сам того желал, и поскольку рука апостолической власти начала распространяться, и уже распространилась, достаточно далеко, то он вверил себя морю и невзирая на неизбежные опасности пути, отправился в западные провинции, и был встречен епископами и принцами округов галльской церкви, и обрадовал своим прибытием множество народа, что с нетерпением ждало этой встречи. Благородные короли Франции и Англии также выразили ему свое уважение, устроив торжественную встречу, на которой проявилось все их королевское великолепие, и громко выразили почтение славному изгнанику. Заручившись, таким образом, поддержкой и расположением этих государей, он созвал пастырей церкви и на 8-й день после пятидесятницы (19 мая) года 1163 от воплощения Господа нашего с большой пышностью открыл собор в Туре, и здесь я считаю подобающим вставить в мой рассказ декреты этого собора.

Глава 15.

Каноны Турского Собора.

Канон 1.

Принимаем во внимание, что в некоторых местах, вопреки постановлениям святых отцов, получил распространение отвратительный обычай, что священники, получают назначение в церкви ценой выплаты годового жалованья. Мы запрещаем делать это под любым возможным предлогом, поскольку как долго священничество будет зависеть от этого корыстного вознаграждения, так же долго ни под каким видом нельзя будет избежать воздаяния за это в виде вечной кары.

Канон 2.

Жадность не будет должным образом клеймиться позором среди людей в целом, если ее не будут всячески сторониться члены святых орденов, и особенно те, кто презирая мир, имеют имя монахов и ведут монашескую жизнь.

Поэтому, мы запрещаем, чтобы от тех, кто вступает в монашескую жизнь требовались какие-либо деньги – никакое место приора и никакое место монаха или каноника не может продаваться за ежегодную плату, и никакой платы нельзя требовать с лица, которому дана власть осуществлять это. Авторитет святых отцов называет такие вещи симонией. Поэтому, если кто-нибудь предпримет подобную попытку в будущем, то пусть ему будет уготована участь Симона. Пусть также для похорон, для восстановления помазания или для святого помазания не требуют никакой платы, и пусть никто не оправдывает свою вину ссылаясь на обычай, поскольку давность времени не уменьшает греха, но увеличивает его.

Канон 3.

Принимая во внимание, что в некоторых епархиях назначаются деканы или старшие священники которые за ежегодное жалование замещают епископов или архиdiаконов, и разбирают церковные дела, что определенно наносит ущерб священникам и ниспровергает основы правосудия, мы строго запрещаем эту практику в будущем. Если кто-нибудь совершил это нарушение, то пусть его изгонят из рядов духовенства. Также и на епископа, который допускает это в своем диоцезе и своим попустительством позволяет извращаться правосудию, следует наложить каноническое наказание.

Канон 4.

Представляется в высшей степени позорным, что маленькие пребенды клириков подлежат разделу, тогда как гораздо более крупные церковные бенефиции остаются целыми. Поэтому, для того, чтобы церковь могла владеть ненарушенной целостностью, как в случае самых больших, так и самых маленьких своих членов, мы запрещаем раздел пребенд или их обмен.

Канон 5.

Многие члены духовенства, и (с горечью говорим об этом) многие из тех, кто, имея к этому склонность, оставил мир дав обеты и клятвы, и вообще ненавидя ростовщичество, как заслуживающие несомненного осуждения, все же, при ссуде деньги нуждающимся, берут в залог их имущество, и берут их текущие доходы сверх согласованной доли. Поэтому, авторитетом этого всеобщего собора, постановляется, что с этого времени никто из духовенства не должен заниматься ни этой и ни какой другой ростовщической деятельностью. И если кто-нибудь, к настоящему времени, уже получил какую-то сумму

денег с чего-либо имущества, отданного под залог, и если он уже вернул себе свои деньги, то пусть он вернет все имущество должнику, после вычета из прибыли всех расходов.

Если же он окажется в убытке, то пусть, после покрытия этого убытка он полностью вернет имущество владельцу. Но если, после этих постановлений, кто-нибудь из членов духовенства будет упорствовать в сохранении у себя проклятого ростовщического дохода, то он поставит под угрозу свою церковную должность, поскольку, до тех пор пока такие бенефиции будут принадлежать церкви, это будет выглядеть как способ незаконно вырвать их из рук мирян.

Канон 6.

В диоцезе Тулузы недавно появилась достойная осуждения ересь, которая, словно язва, постепенно распространяется и на соседние места, и уже в большом количестве распространилась в Гаскони и в других провинциях; и поскольку, подобно змее, она скрывает свою паству, оставляя невидимыми свои успехи, то это наиприскорбнейшим образом наносит ущерб винограднику Господа в отношении людей простодушных. По этой причине мы приказываем епископам и всем священникам Господа, пребывающим в тех краях, быть бдительными и, под страхом анафемы, запрещать всем людям защищать на своей земле или намереваться оказывать покровительство всем известным последователям этой ереси. При этом, они не должны иметь с ними общения, ничего не покупать у них, ни продавать им так, чтобы поведение отвергающего их общества не вынудило бы их отказаться от ошибок своего пути. И кто бы ни попытался нарушить этот запрет, тот должен быть внесен в число проклятых, как сообщник их преступления. И если они будут обнаружены католическим принцем, то пусть сами они будут арестованы, а все их добро пусть будет конфисковано. И поскольку, часто бывает, что они, приходят из разных краев и собираются в одном тайном месте, и кроме своего заблуждения, которое и побуждает их задерживаться в таком доме, они не имеют никакой другой причины для этих собраний, то пусть все такие вместилища зла будут старательно разысканы, а когда будут обнаружены, то пусть будут запрещены под страхом канонического осуждения.

Канон 7.

Хотя и само по себе представляется чрезвычайно отвратительным и достойным божественного воздаяния то, что некоторые миряне присваивают себе церковные предметы, принадлежащие духовенству, все же еще большую тревогу и горечь представляют собой то, что источник этой ошибки, как часто говорят, лежит в самом духовенстве - поскольку часть наших братьев, наших верных епископов и прелатов дарят миряnam десятину и достояние церквей и тем обращают их на путь погибели, хотя должны были бы призывать их в своих проповедях вернуться назад на путь жизни. О таких Господь сказал устами пророка “Они пожирают грех моего народа и направляют сердце свое к беззаконию” (Осия 4,8, русский синоидальный перевод: “Грехами народа Моего кормятся они, и к беззаконию его стремиться душа их”). Поэтому, мы приказываем, что если кто-либо впредь подарит какое-либо церковное достояние или десятину любому светскому человеку, то он должен быть удален со своего места, подобно бесплодному дереву, что занимает землю, и до тех пор, пока он не исправиться, пусть лежит распостертым в крушении своего падения.

Канон 8.

Зависть нашего древнего врага не столь сильно стремиться поразить слабых членов нашей церкви, но он больше простирает свою руку против желанных ему и хитростью старается

действовать против избранных, поскольку и в Писании сказано, что пища его – это лучшие. Он полагает, что способствует падению многих, если своим искусством преуспеет в отрыве от церкви любого более ценного члена. Поэтому, по своему обыкновению, превратившись в ангела света, он представляет дело таким образом, что под предлогом необходимости лечения больных братьев и ради более строгого выполнения духовных обязанностей, уводит некоторых образованных монахов из их монастырей, чтобы изучать право и составлять медицинские рецепты. С тем, чтобы посредством этого, эти добрые люди вновь впутывались в мирские дела, а сами становились при этом внутренне опустошенными, в то время, когда сами они полагают, что помогают другим людям в делах внешних. Постановлением настоящего собора мы предписываем, что никому и нигде, после принесения своего религиозного обета или клятвы в любом священном месте, не разрешается отправляться изучать физические или гражданские законы, но если таковой уйдет и не вернется в свой монастырь в течении двух месяцев, то пусть все его сторонятся как отлученного, и ни в коем случае не стоит выслушивать его, если он станет высказывать какую-нибудь причину себе в оправдание.

Но если он вернется, то пусть он навсегда будет самым низким из братьев в хоре, в собрании, за столом и где-либо еще, и пока, может быть, не вмешается милосердие апостолического престола, пусть он оставит всякую надежду на свое возвышение.

Пусть такие епископы, аббаты и приоры, которые потворствуют подобной гнусности, не исправляя ее, будут лишены своего сана и отринуты от порога церкви. Имперская поддержка сдерживает гнев и наглость тех, кто относится к закону с пренебрежением, наказывая их штрафами и другими пригодными средствами. Поэтому, поскольку это согласуется со святыми канонами, мы приказываем, что в будущем, сторона которой следует присудить к денежному штрафу пусть будет, на законном основании, присуждена к выплатам, которые и должны будут выплачиваться правой стороне, до тех пор не последует постановление об обратном.

Глава 16.

О недовольстве короля достопочтенным Томасом, архиепископом Кентербери.

Еще не истек год, в котором состоялся собор, как разлилось горячим воском неудовольствие короля Англии против достопочтенного Томаса, архиепископа Кентерберийского, и это стало несчастным источником тех многих чрезвычайно дурных дел, что за этим последовали. Томас этот родился в Лондоне, он был человеком острого ума и в совершенстве владел красноречием, а также был равно хорош и собой и своими манерами, и был незаменим при введении дел. Он был замечен, находясь на службе у архиепископа Кентерберийского Теобальда, и после возведения Роджера в на престол

Йорка, получил от него архиаконство в Кентербери,. Но когда Генрих II, после кончины Стефана (о чем говорилось выше) унаследовал свое наследственное королевство, то он не хотел оставаться без услуг человека, пригодного на то, чтобы стоять перед королями, и поэтому, он сделал Бекета своим королевским канцлером. Будучи возвышенным на эту должность, он исполнял свои обязанности с такой славой и, в то же самое время, получил столь большую признательность и отличие от своего государя, что казалось, что он правит вместе с ним.

Несколько лет протекли у него в светских заботах и вот, он вновь вошел в ряды духовного воинства и, благодаря благосклонности короля, получил престол Кентербери. Спустя некоторое время, относясь к благочестиво и ответственно к несению столь высокой чести, он вдруг так изменил свое поведение и свои манеры, что некоторые усмотрели в этом “перст Божий” (Исход 8,19), а другие решили, что “изменение это произведено рукой

Всевышнего" (Псалмы 76,11 – "вот мое горе – изменение десницы Всевышнего"). На второй год после своего назначения, он присутствовал на Турском соборе, где, как говорят, почувствовав угрызения совести, он тайно передал в руки папы свое архиепископство, которое было получено им неправильно и не канонически, а благодаря посредничеству и из рук короля. Папа, подтвердив посвящение, восстановил его в пастырской должности уже на основании своей духовной власти и тем излечил раненную совесть щепетильного прелата.

Когда епископы, вернувшись с собора на свои митрополии, то королевская и священническая власти в Англии стали разниться в своих взглядах, и возникло немалое волнение по поводу прерогатив духовенства. Это началось с того, что судьи доложили королю, который тщательно занимался делами государства, и который приказал, чтобы были искоренены все преступники без разбора, о том, что многочисленные преступления против общественного порядка, такие как воровство, грабежи и убийства, неоднократно совершались духовными лицами, на которых не распространялась власть светского суда. Наконец, в его присутствии было объявлено, что во время его правления только в одной

Англии духовными лицами было совершено более сотни убийств. Вследствие этого, король, охваченный необычайной яростью, и находясь в разгаре своего гнева, издал законы против преступных представителей духовенства, в чем проявилось его рвение к правосудию, но его сорвость значительно превысила разумные рамки. Все же, и вина и обоснованность чрезмерных мер короля связаны только с прелатами наших времен, поскольку причина целиком в них самих. Поскольку священные каноны предписывают, что не только преступные клирики, то есть те, что виновны в отвратительных преступлениях, но даже те, кто виновен лишь слегка, должны быть лишены своего сана, и действительно, в английской церкви находится очень много таких, что подобны неисчислимой мякине среди немногих полезных зерен, но много ли в Англии, за много лет, наберется таких клириков, что были действительно лишены сана? Однако епископы больше старались ревниво поддерживать свободы или права клириков, чем исправлять и выявлять их пороки, полагая, что они несут службу Богу, а также и церкви тем, что защищают от установленного закона тех отпетых клириков, которых они либо отказались, либо позабыли обуздать всей силой канонического осуждения, как надлежало бы им поступить по их должности. Поэтому, клирики, которые призваны быть наследниками Господа, и которые должны были бы сиять на земле своей жизнью и своими проповедями, подобно звездам, помещенным на небесный свод, тем не менее берут себе право и свободу делать безнаказанно все, что хотят, и они не боятся ни Бога, чье возмездие должно представляться столь неотвратимым, ни людей, облеченных властью, и особенно это происходит благодаря тому, что бдительность епископов на них отходит, а прерогатива священных орденов изымает их из-под какой бы то ни было светской юрисдикции.

Таким образом, когда король против этой, как говорится, мякины священных орденов, издал некоторые статуты о расследовании или о наказании преступных клириков, в которых, возможно, (как утверждали) он превысил разумные границы, то он рассчитывал, что они будут полностью ратифицированы и могут быть подтверждены согласием епископов. Поэтому, собрав прелатов, чтобы любыми средствами, во что бы то ни стало, получить их санкцию, он либо так обольстил их уговорами, либо так устрашил их угрозами, что все они, кроме одного, сочли необходимым уступить и повиноваться королевской воле и поставили свои печати на актах этих новых постановлений. Я сказал – все, кроме одного, поскольку архиепископ Кентерберийский один оказался несгибаемым и остался тверд перед каждым подступом к нему. Ярость короля на него превратилась в неистовую злобу, тем более еще из-за того, что скорее именно благодаря королевской щедрости он был обязан тем, что ему было дано, и что он получил. Вследствие этого,

король стал ему врагом и искал всякий удобный случай для нападок на него, прежде всего, потребовав отчет во всем, что он совершил прежде, находясь в должности канцлера. С бесстрашной свободой архиепископ ответил, что уже сдал свои светские дела и теперь, благодаря государю, на чьей службе он находился, он полностью обратился к делам церкви, и что дела минувших дней не должны быть использованы против него, поскольку все это делается больше ради предлога, чем ради справедливости. Пока поводы для королевского гнева с каждым днем все более и более множились, в тот день, когда архиепископ должен был отвечать на выдвинутые против него обвинения, он распорядился устроить торжественную службу в честь Св. Стефана – “Государи сидели и глаголили против меня, и грешники преследовали меня” - именно так, как положено, распевали перед ним псалом во время мессы. После этого он пошел на суд, неся в своей руке серебряный крест, который обычно несли перед ним, и когда некоторые присутствовавшие епископы пожелали исполнить службу несения креста перед своим митрополитом, но он им отказал, и хотя ему и угрожали, он не позволил никому другому нести крест входя на это собрание. Король, будучи уже и так разгневанным сверх меры, нашел в этом поступке дополнительную пищу своему гневу, и поэтому, следующей ночью архиепископ тайно бежал, пересек море, и там, за морем, был с почетом принят королем, знатью и епископами Франции, и устроил свою временную резиденцию.

После этого, узнав об его отсутствии, король Англии пришел в еще большее неистовство и уступая своей страсти более, чем это подобает королю, избрал неподобающий и жалкий род мести, высыпая из Англии всех тех, кто имел отношение к архиепископу. Теперь, хотя, вообще, многие люди, в действительности движимые в большей степени долгой привязанностью, и лишь в малой степени -справедливостью, одобряют все совершенное теми, кого они любят и уважают, но все же я никоим образом не считаю, что эти действия этого достопочтенного мужа достойны похвалы. Хотя они и могли проистекать из похвального рвения, но от этого не было никакой пользы, и они только все более и более разжигали королевский гнев, и как известно, все это кончилось печально. И хотя, очевидно, что все его действия проистекали из похвального рвения, я гораздо более достойным похвалы считаю поступки благословенного князя апостолов, пребывающего ныне на вершине апостолической высоты, тогда, когда он своим примером обращал язычников, и когда учитель язычников вынес ему порицание.

Глава 17.

О смерти Октаавиана и о возвращении папы Александра в Италию.

Пока папа Александр, после собора в Туре, продолжал находится во Франции, Октаавиан (по-иному именуемый Виктором) уступил судьбе и упустил победу, которую хотел было одержать в этом споре, и он не сумел осуществить то ложное предзнаменование, что заключалось в его имени, которым наделили его сторонники, считая, что имя это будет добрым предзнаменованием. Но теперь, заручившись поддержкой императора, Иоанн, кардинал Св. Мартина, чтобы никому не казалось, будто они уступили победу, сделал, вместо побежденного Виктора, своим сотоварищем, Гвидо из Кремоны. Однако, и Александр после нескольких лет пребывания во Франции, собрался вернуться домой и ждал в Монпелье удобной оказии для переезда в Апулию. Но император, все еще не угомонившийся, пытался, как говорили, этому помешать и в своих приватных письмах к Гийому, сеньору этого города, делал самые широкие обещания, чтобы тот только выдал своего гостя. Но этот славный муж, с неизменным уважением оказывал почести своему славному гостю и проявил себя человеком непоколебимой честности, и когда кардиналы (в сопровождении нескольких отважных мужей отравлявшихся в Иерусалим) погрузились на борт корабля, принадлежащего иерусалимским госпитальерам и бросили якорь в море,

ожидала только прибытия суверенного понтифика, случилось так, что в то время пока он подплывал, галера была вдруг атакована флотом пиратов, и когда понтифик уже подплыл на своей лодке, чтобы взойти на борт галеры, он увидел вокруг корабля пиратов и повернулся назад, в порт Магелонна (Maguelonne). Хотя храбрый экипаж галеры смело сопротивлялся пиратам и отбил нападение с позором и с потерями для них, все же кардиналы сочли неудобным дальше ждать приезда папы, самим находясь в опасности, и поставив парус, они после благополучного плавания достигли побережья Сицилии.

Спустя несколько дней, папа и сам сел на другое судно и приехал в Апулию, благополучно и без препятствий. Он был с почетом принят королем Сицилии и его подданными, а спустя некоторое время он нашел, что и жители Рима, вместе со знатью, также преданы ему и покорны его распоряжениям. Все же, доступ к нему из трансальпийских стран был затруднен, поскольку сторонники императора или ложного папы строго наблюдали за всеми проходящими путниками. Кроме того, император, который нарушил церковное спокойствие, не долго наслаждался миром и ничем не нарушаемым царствованием над своими владениями – из-за того, что он надменно обращался с ломбардцами, те не смогли вынести немецкого ярма и вернули себе древние свободы, а Милан был восстановлен своими собственными жителями, стекшимися туда отовсюду из мест своего изгнания, и с помощью своих союзных городов они также построили город Александрию (названный так в честь суверенного папы, преданностью которому они и прославились) в том месте, куда, как они полагали, будет нанесен первый удар немцев, после того, как они вторгнутся в Италию. Сразу же после его возведения император начал осаду этого места, но не смог покорить его, и отступил со своей армией, не добившись ни одной из своих целей и лишь усилив сплоченность своих врагов.

Глава 18.

О втором походе в Уэльс и о завоевании Бретани.

В том году, в котором папа Александр вернулся из Франции в Апулию (о чем говорилось выше), произошла новая ссора между королем Англии и валлийцами, которая глубоко задела обе стороны. Когда эти необузданные и свирепые люди, находясь раздражении нарушили свой договор, и подвергая опасности заложников, которых они выдали в залог своего прежнего договора, потревожили соседние английские провинции, то король, собрав огромную армию, как из своего королевства, так и из заморских провинций, вступил на их земли во главе могучего воинства. Правда ему не удалось проникнуть далеко в их глубь из-за труднопреодолимых препятствий страны, но, однако, пресекая их набеги, он стеснил их до такой степени, что они были вынуждены согласиться на мир.

Когда король уводил свою армию из Уэльса, он был отвлечен другими делами, и с заботливостью относясь к будущему возвышению и благополучию своих сыновей, он отправился за море – имея от Элеоноры, что ранее была королевой Франции, четырех сыновей, он намеревался оставить Генриху, старшему по рождению, королевство Англию, герцогство Нормандию и графство Анжу, Ричард должен был править Аквитанией, Жоффруа – Бретанью, а Джона, четвертого и самого младшего сына, он называл Безземельным. Имея трех дочерей, также от этой же королевы, он одну обучил с королем Испании, другую с герцогом Саксонии, а для третьей, еще не достигшей брачного возраста, планировал союз с королем Сицилии.

Так как он думал о том, как сделать своего сына правителем Бретани, то постепенно готовил средства своего замысла, но все еще не добился от бретонцев подчинения. Однако, он уже обеспечил за собой себе два доступа в эту провинцию, а именно, город Нант и замок Доль. Случилось так, что Конан, граф Ричмонд, который был правителем большей

части Британии, умер и оставил в качестве наследницы единственную дочь, родившуюся от сестры шотландского короля. Соединив эту девушку, которая еще не достигла брачного возраста, со своим юным сыном, он приобрел право действовать от ее имени. Но в Британии были такие нобли, обладавшие таким состоянием и могуществом, что никогда не позволяли подчинять себя кого-нибудь другому. Из-за раздоров и ссор этих людей, длившихся многие годы, из-за жажды господства и нетерпимости к подчинению, область, когда-то столь процветающая, стала такой опустошенной и обедневшей, что там, где прежде процветали плодородные поля, теперь простирались обширные пустоши, и когда более слабые, будучи стесненными более сильными, просили помощи короля Англии, то сами собой они подчинялись его власти. С готовностью и великодушно предоставляя помочь этим слабейшим, он смог подчинить и сильнейших, которые до то времени, благодаря огромности своих богатств и неприступности местности, в которой они обитали, считались неуязвимыми. Так, в короткое время, ему удалось получить власть над всей Британией, и изгнав или подчинив ее мятежников, он так упорядочил и усмирил ее всю, со всех ее границ, что ее обитатели пребывали в мире, а пустоши постепенно восстановили свое плодородие.

Глава 19.

О кончине Малкольма, наиблагочестивейшего короля Шотландии.

Примерно в это же время, Малcolm, наихристианнейший король Шотландии, о котором мы упоминали в предыдущей книге, отрекнувшись, по зову Христа, смертную плоть, отошел к ангелам и не утерял, но просто сменил свое царство. Ангелы небесные подхватили этого мужа, выделявшегося среди людей ангельской чистотой и который воистину был земным ангелом, которого был недостоин мир. Даже в свои ранние годы он был человеком исключительно серьезным, и обладая необыкновенной и беспримерной чистотой посреди торжествующей гордости и роскоши, он спешил принести свое девственную плоть Агнцу, сыну Девы, чтобы следовать за Ним, куда бы Он ни шел. Его настигла преждевременная смерть, воистину для того, чтобы он избежал порчи со временем сохранил бы свою исключительную чистоту и невинность, в то время как всегда было наготове столько возможностей и побуждений чтобы сорвать молодого монарха к совсем другой жизни.

Но, хотя его благородная душа, кроме самых лучших качеств, и имела какие-то пустяшные пятнышки, привносимые роскошью королевского положения, которой он скорее тяготился, чем наслаждался, но небесное провидение, не грубо, но нежно, отчески наставляло его и очистило и от этих недостатков. За несколько лет до своей смерти он так зачах и, в дополнение к прочим мукам испытывал такие боли в конечностях (в голове и в ногах), что казалось, что и любой кающийся грешник будет очищен после такого испытания. Поэтому, можно утверждать, что это Божье дитя испытывало суворость отческого наказания не просто для очищения, но и ради испытания и упрочнения его добродетелей, или же, может быть, для увеличения его заслуг. Таким образом, он уснул вместе с праотцами и был похоронен в местечке под названием Данфермлейн (Dunfermline) в Шотландии, славном своим гробницами тамошних королей.

Ему наследовал его брат Уилльям. Он был человеком более расчетливым, и казался более приспособленным служению этому миру, но в конце концов, в делах управления своим королевством оказался не более удачливым, чем его брат. Он жаждал не просто пользоваться, но наслаждаться тем миром, который его брат хотел использовать с бережливостью и последовательным благочестием, то есть достойным похвалы образом. Хотя он стремился далеко расширить рамки мирского достоинства, установленные его братом, все же он не смог сравняться с ним славой, даже в своем земном счастье. В течении долгого времени он откладывал обращение к радостям брака - то, чему его брат

предпочел самое высшее достоинство – благочестие и священную девственность, - в этом он видел лишь средство произвести потомство и избежать невоздержанности. Наконец, следуя более здравому совету, он все же женился на дочери иностранного государя и впоследствии не только жил более праведно, но и правил более счастливо.

Текст переведен по изданию: The Church Historians of England, volume IV, part II; translated by Joseph Stevenson (London: Seeley's, 1861). Электронная версия:
<http://www.fordham.edu/halsall/basis/williamofnewburgh-intro.html>

© сетевая версия - Thietmar. 2006

© перевод - Раков. Д. Н. 2006

© дизайн - Войтехович А. 2001

ВИЛЬЯМ НЬЮБУРГСКИЙ

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

HISTORIA RERUM ANGLICARUM

КНИГА II

Глава 20.

О жизни и смерти достопочтенного отшельника Годрика.

Примерно в это же время, состарившись годами и достигнув совершенства в добродетелях, упокоился в Господе Годрик, достопочтенный отшельник из Финчела (Finchel) (так называлось это уединенное место, недалеко от Дархема (Durham), на реке Beap (Wear)). В нем ясно можно было увидеть святую и высокую благодать Божию, удостаивающую Своим избранием убогие и презренные предметы мира в посрамление благородным и великим. Поскольку, когда он этот человек был неграмотным крестьянином, и не знал ничего, кроме Иисуса Христа и Его распятия, в том виде, в каком Его представляют невежественным и неграмотным при преподавании первых начатков веры, но по достижении юности он начал воспламеняться Святым Духом и всем своим существом впитывать тот священный огонь, который послал на землю Бог. Самым преданным образом отдавшись безбрачию (о котором он случайно услышал, что оно угодно Богу и является превосходной добродетелью), этот самый неискушенный человек стремился сохранять достойную умеренность в мясе и питье, в словах и в делах. Он быстро слушал, но медленно говорил и крайне мало спорил. Он научился плакать вместе с теми кто плакал, но не знал, как смеяться с теми, кто смеялся и как шутить с теми, кто шутил.

В своей юности он посетил гробницу Господа нашего, отправившись туда пешком и будучи нищим, и по возвращении домой, он с ревностью решил найти место, где мог бы служить Богу. Как говорят, во сне ему был дан совет найти для поселения местечко под названием Финчел. Найдя это место, после тщательных поисков, он и прожил там долгое время, сначала с вместе бедной сестрой, а после ее кончины – в одиночестве. Аскетизм его жизни был почти за границами человеческих возможностей. Вообще, место это лесистое, но имеется один небольшой ровный ключок земли, и перекопав и обработав его, он тем или иным способом получал с него ежегодный урожай для своего пропитания, и еще мог оказывать помощь странникам. Когда о его добродетельной и самой неприхотливой жизни узнали в церкви Дархема, то он пробудил со стороны святой братии такой интерес, что его часто навещал старший монах, как ради на учения от него сельской

простоте, так и по определенным дням - для службы - чтобы разделить с ним святое причащение.

В течении долгого времени, старейший враг рода людского испытывал свою изощренность, чтобы обмануть его, но когда увидел, что мало преуспел в своих хитростях, то попытался обмануть его простоту иллюзиями. Однако, этот Божий человек столь же осторожно избежал эти вражеские ловушки и неизменно с презрением и смехом относился к этим чарам. К нему часто являлся Святой Иоанн Креститель которого он особенно любил, и поучал и укреплял его.

Таким образом, он и жил, даже и ослабленный преклонным возрастом, и даже будучи, в течении нескольких последних лет перед смертью, когда у него отказали конечности, прикованным к постели, и в течении многих дней поддерживая едва теплившуюся жизнь тела лишь умеренным количеством молока. Тогда же, когда он все время лежал в своей собственной часовне, около алтаря, я имел счастье видеть его и говорить с ним. А позже, когда он казался уже подошедшим к концу, и когда умерли почти все части его тела, он все еще мог свободно говорить, постоянно произнося слова, столь знакомые его губам – “Отец, Сын и Дух Святой”. И на его лице было видно выражение удивительного достоинства и необычайного милосердия. Итак, после всего, он умер, будучи старым и отжившим весь свой век, и теперь его тело занимает там тоже самое место, где и находилось при жизни, - там, где он привык преклонять колени на молитве и где позже лежал когда стал больным.

Глава 21.

О Кетелле (Ketell) и об оказанной ему божественной милости.

В нашей провинции Йорк, в деревне Фарнхэм (Farneham), был еще один почтенный человек по имени Кетелл. Хотя он и был простым крестьянином, но благодаря своей невинности и чистоте он получил исключительную милость Господа. Об этом человеке мне много всего рассказывали заслуживающие доверия люди, и о кое-чем я сейчас расскажу.

Когда он был еще юношой и возвращался однажды верхом на лошади с полей домой, его лошадь споткнулась, упала на землю и сбросила с себя. Поднявшись он увидел в этом месте двух сидящих на дороге маленьких смеющихся эфиопов. Он понял, что это были дьяволы, которым не дозволяется вредить ему другим образом, и он обрадовался, что они могут обидеть его лишь слегка. С этого дня он принял свой дар от Бога: когда позже он когда-нибудь видел демонов, то как бы они не старались оставаться нераскрытыми, им никогда не удавалось обмануть его. Он наблюдал то, как они стараются навредить людям, хотя бы в малейшей степени, и как они радуются причиняя даже самый незначительный ущерб. Наконец, сознавая оказанную ему милость, он посвятил себя Богу и часто уединялся ради молитвы. Он воздерживался от мяса и от ношения льна, в каждую свободную минуту он спешил в церковь и первым в нее входил и последним уходил, он не женился, но сохранял безбрачие, и до самого конца своей жизни он пребывал на службе у некого Адама, клерка из Фарнхэма. Он сохранял втайне то дар, которым был наделен, и не рассказывал о своих видениях никому, кроме, быть может, священника на тайной исповеди, и своего господина, или еще какого-нибудь, кто умел хорошо хранить тайны.

Однажды, около захода солнца, когда он стоял перед дверью дома своего хозяина, он увидел как в деревню входят десять дьяволов, один из которых был крупнее других и

выглядел их начальником. Они постояли на одном месте и, как бы тайком, посовещались друг с другом, как осуществить свои замыслы, затем их предводитель расставил их парами между домов, а сам, с еще одним, пожелал войти в дверь, у которой стоял Кетелл, но тот сказал: “именем Христа, я запрещаю тебе входить в этот дом, а также оставаться в этой деревне – собирая назад свою компанию и немедленно уходи прочь”. И будучи неспособными сопротивляться этому святому имени, они с неохотой повиновались и горестно стенали, что их козни были пресечены этим человеком.

Еще однажды, он увидел несколько дьяволов сопровождающих плотно закрытую повозку, и он слышал стенания запихнутых в нее людей, в то время как дьяволы при этом хохотали.

Поскольку он привык без страха общаться с духами такого сорта, он немедленно обратился к ним: “Что значит это?” На что они ответили: “Мы ведем к месту воздаяния души грешников, обманутых и пойманных нами в ловушки, и они стенают, а мы смеемся над ними. Еще мы хотим, чтобы и ты попался нам, чтобы мы смогли с еще большей радостью восторжествовать и над тобой, поскольку ты есть наш враг”. Он на это ответил: “Убирайтесь, зловреднейшие, и пусть ваша радость обернется вам горем”.

Однако, однажды случилось так, что он был близок к тому, чтобы испытать злобу своих врагов. Он вернулся домой со своих полевых работ, и перед тем как его одолел сон, он пренебрег укрепить себя священными знаками. Когда он спал в одиночестве на своем обычном месте, два дьявола, жестоких и страшных, сверх меры, остановились перед ним, и, когда он проснулся, навалились на него и сказали: “Вот теперь, Кетелл, ты попал в наши руки и испытываешь на себе все обиды тех, на кого ты не боялся нападать и чьи козни ты столь часто раскрывал”. Оглушенный этим внезапным несчастием, он пожелал обратиться к имени Христа и перекреститься, но все его усилия были тщетными. Его руки и язык были скованы, чтобы не дать ему возможности защитить себя силой святого знака и святого имени. “Не трудись напрасно, Кетелл, - сказали они, - мы связали твои руки и твой язык, и теперь ты ничего не можешь сделать против нас”. Пока они таким образом торжествовали над ним и предвкушали то, что они могут сотворить с ним, и грозили и бралили его, позади них внезапно возник ослепительный юноша с боевым топором в руке и встал между ними. Оружие, нежно коснувшись его пальца, издало мощный звук. И дьяволы, испугавшись этого звука, оставили этого человека, над которым уже было взяли верх, и бежали. Затем юноша, который, как я полагаю, был подоспевшим на помощь его ангелом, сказал: “Твоя небрежность, Кетелл, едва не навлекла на тебя опасность. Будь внимателен, чтобы впредь твои коварные враги не застали тебя лишенным защиты”.

Этот самый Кетелл любил говорить, что одни демоны были большими, крепкими и коварными, и когда это позволялось высшей властью, были чрезвычайно пагубны. Другие были маленькими и презренными, не имевшими силы и тупые умом, но все они, по своей природе, вредны людям и очень радуются, когда наносят им вред, хотя бы даже самый маленький. Еще он рассказывал о такой их такой разновидности, что сидели на обочине дороги, бросали камни на пути перед путниками и злобно хохотали, если могли заставить либо человека, либо животное, споткнуться, но особенно сильно радовались, если человек приписывая это спотыкание своему коню и вымешал на нем свой гнев, либо бранью, либо шпорами. Более того, если человек просто расстраивался, произнося при этом имя Спасителя, как у некоторых ведется в похвальной привычке, то дьяволы немедленно удалялись огорченные и смущенные. Еще он упоминал, что однажды он вошел в общественное здание и увидел дьяволов, сидящий на плечах у всех пьющих и они плевали в стаканы и смеялись над глупостью этих людей с глумливым и насмешливым кривляньем. Но когда среди людей на которых они сидели, произносились, как обычно бывает, молитва, и звучало имя Спасителя, они в испуге отпрыгивали прочь, будучи неспособны снести силу священного имени, но когда поселяне опускались на свои стулья и

продолжали пить, дьяволы возвращались и продолжали свое прежнее занятие со своим обычным кривлянием. В конце концов, этот человек, наделенный свыше столь исключительным даром, чтобы пресечь действия и хитрости злых духов, ушел из этой жизни, в которой отличался великой непорочностью и чистотой, упокоился в Господе, и был похоронен в Фарнхэме.

Глава 22.

О долгой ваканности в церкви Линкольна.

На четырнадцатом году правления короля Генриха II, который был 1167 от разрешения Девы, умер Роберт, епископ Линкольна и приемник Александра, и доходы от епископства стали забираться в королевскую казну, а церковь почти на 17 лет лишилась пастырской заботы – от 14-го до 30-го года правления короля, так что уже стали полагать, что впредь в том месте больше никто не будет епископом, и более того, прислушивались к некому лже-братью в Тейме (Thame), который определенно утверждал, что после кончины

вышеупомянутого прелата, впредь у Линкольна никогда больше не будет епископа.

Поскольку этот человек (как говорили) казался наделенным даром пророчества, а также из-за его святой жизни, и из-за того, что сбылось несколько его аналогичных

предсказаний, многие люди поверили в то, что он не обманывается в этом вопросе.

Однако, спустя короткое время его предсказание стало казаться сомнительным – Жоффруа, побочный сын короля, который его чрезмерно любил, был избран на вышеупомянутое епископство. Но когда отдавая в большей степени предпочтение роскоши, он пренебрег каноническим посвящением в сан (будучи удовлетворенным обильными доходами епископского престола и игнорируя пастырство над Господними овцами, хотя и был искусен в их стрижке), и в течении долгого времени занимал церковь Линкольна под титулом выбранного епископа, то тогда слова человека, о которых говорилось выше, вновь стали с доверием вспоминаться многими людьми. Спустя короткое время (и это еще больше поразило людей) король, раскаялся в том, что из-за личной привязанности, отдал столь высокую должность нежному юноше, и несомненно, посчитав, что столь высокое положение чрезмерно для него, а тот мудро отказался от прав и от титула выбранного епископа, и король вновь забрал епископство в казну. Однако, со временем выявила обманчивость как предсказания, так и веры в него, о чем мы упомянем в надлежащем месте.

Глава 23.

О двух походах в Египет короля Иерусалимского Амальрика.

Около этого же времени, Амальрик, король Иерусалима, приглашенный королем Вавилона, возглавил поход христиан в Египет, который обычно называют Вавилоном, хотя, на самом деле, это не тот древний Вавилон, о котором говорит святое Писание (и который был основан Нином и Семирамидой в земле халдеев после всемирного потопа и господствовал на Востоке в течение более чем 1000 лет, а затем был разрушен и, как говорят, сейчас всеми покинут), но один египетский город, который (как мы читали) был основан Камбизом, когда тот покорял Египет, и который был назван Вавилоном.

Причина похода была такая: Турки, народ коварный и воинственный, при короле Норадине и под предводительством Сарако (Saraco), главного полководца этого государя и мужа весьма искусенного в военных делах, нанесли поражение империи Египта (поскольку египтяне славятся больше своим богатством, но гораздо меньше своим умением воевать) - предприняв тайный поход и пройдя через самые отдаленные границы

христианских владений, они вторглись в египетские провинции и быстро взяли или принудили к сдаче несколько городов, превратившись в непереносимый кошмар для короля Вавилона. Когда сарацины поняли, что сама по себе египетская отвага не может ни сдержать их, ни отразить, то он стал умолять о помощи христианского короля, обещая в будущем великую верность вместе с определенной ежегодной данью. Сразу после того, как отважный Амальрик обустроил дела своего королевства, выделил часть своего войска для отражения нападений Норадина (поскольку, если к этому представлялась возможность, он время от времени устраивал набеги), и с остальной частью христианского войска, вошел в Египет и, придя к соглашению с королем Вавилона, он осадил в каком-то городе Сарако с его турками, и в конце концов, стеснил их, победил и изгнал из пределов Египта, позволив свободно пройти через христианскую территорию. Когда все эти дела в Египте были устроены, Норадин не успокоился, а напротив, притворяясь умиротворенным, он стал еще больше вредить своими уловками и хитростями. Наконец, он соблазнил своими посулами некого человека с нашей стороны, прославленного своей верой и стойкостью, которому была доверена забота и охрана города, лежащего против вражеских земель, и который теперь зовется Белиной (Belinae), а прежде – Цезареей Филиппой. Турки были этим человеком тайком впущены в город и никого не убили, но лишь изгнали христиан вместе с их епископом и укрепили город свежим гарнизоном. Этот несчастный случай отравил радость короля по возвращении из Египта, омрачив славу его триумфа. Однако, спустя несколько лет, турки, ставшие более храбрыми и побуждаемые не столько жаждой новых приобретений, как желанием отомстить за оказанный им отпор, еще раз, под началом Сирако, проникли в сердце Египта. При их приближении все советники египетского монарха покинули его, и по этой причине, он сразу же отправил послов унижено умолять христианского короля об обещанной помощи. Тот, с большой заботой быстро организовав свои дела, вступил в Египет со значительными силами конницы и пехоты, и присоединившись к египетской армии, решился атаковать турок. Те, благоразумно уклонились от битвы и отступили в пустыню.

Пока христиане их преследовали, наступил праздник пасхи. Разбив свой лагерь на берегу прославленной реки Нил, они с радостью принимали участие в торжествах этого наисвященного дня, и когда мясные припасы предназначенные для дней этого радостного праздника оказались ограниченными, то как мы слышали от тех, кто там был, по воле божественного Пророкства, произошло необычайное событие – когда христианская армия находилась в своем лагере, разделяя со своими священниками духовную пищу, как и пристало в этот священный день, внезапно, из прилегающего к лагерю болота, раздалось хрюканье огромного стада диких кабанов и свиней. И эти доблестные мужи, достав вместо охотничьих орудий, свои мечи и копья, с радостью перерезало его, и не только ради еды, но и для своего удовольствия, вознося при этом благодарности Дарителю за столь нежданный подарок. Таким образом, благодаря богатой добыче, они получили столь обильные припасы, что им хватило их еще и на вторую и на третью трапезу, после этого дня.

Утром они продолжили преследование врагов, но когда пехота утомилась, король приказал ей остановиться, и поспешил вперед с одной конницей. Когда об этом стало известно коварному предводителю вражеского войска, он решил на сопротивление, постаравшись найти удачу в битве, и так как конницы у него было гораздо больше, то в отсутствии пехоты, он исполнился уверенности в победе. После этого последовала очень суровая и кровавая схватка, продолжавшаяся от седьмого часа дня и до вечера. Каждая из армий равно уменьшившись в числе и растеряв боевой дух, удалилась в свои лагеря разделенные только рекой, броды через которую христиане тщательно охраняли. Но ночью, король, созвав командиров, оплакал свои потери, видя причину несчастья в отсутствии большей части своих сил, и ознакомил их с положением, что поскольку они

изнурены и изранены, то битва не может быть возобновлена утром, но что они должны соблюдать тишину вернутся к свои соратникам. Это предложение было всеми принято, и в полночь они тихо отступили по дороге, по которой пришли. Аналогично вели себя и враги, с той же тревогой и осторожностью. И действительно, турки сами вернулись в Александрию, а христиане воссоединились со своей пехотой. Более того, король, собрав свою армию, с увеличившимися силами, осадил Александрию, и испытав много трудностей, захватил ее после сдачи и еще раз изгнал турок из Вавилонского королевства и с великой славой возвратился домой.

Глава 24.

О раздоре и о примирении королей Франции и Англии.

На 16-м году правления Генриха II этот государь и король Франции, между которыми случилась короткая размолвка, вновь помирились, благодаря вмешательству миролюбиво настроенных людей. Причина их разногласий была следующая:

В те времена, когда король Стефан был целиком занят смутами в Англии, граф Анжу вторгся и покорил всю Нормандию, за исключением Жизора и еще двух других зависимых от нее замков, которые уже перешли под власть короля Франции. С течением времени, Генрих II, король Англии и сын вышеупомянутого государя, не терпел такого умаления своего нормандского владения и нашел необходимым применить в этом деле скорее ловкость, чем грубую силу. В конце концов, благодаря искусству одного человека, своего канцлера Томаса, он сумел так обойти короля Франции, что дочь последнего (от дочери испанского короля, на которой он женился после Элеоноры) была обручена с его перворожденным сыном, а эти крепости составляли ее приданное, которое, тем не менее, пока находилось в залоге у тамплиеров, с условием, что так и будет до тех пор, пока дети, которые еще не достигли брачного возраста не будут способны сожительствовать в браке, а тем временем король Англии будет опекуном их обоих. Однако, по прошествии нескольких лет, король Генрих, не способный больше откладывать это дело, отпраздновал преждевременно брак между детьми и получил у тамплиеров замки. Вследствие этого, французский король был взбешен и обвинял его в двуличии, а тамплиеров - в измене, и они перешли к враждебности и войне. Однако, будучи наученным частыми опытами, что насилие ничего не может поделать против величия королевской власти, и когда их ярость постепенно подутихла, они допустили, чтобы при определенных условиях между ними был заключен мир, и после этого мир был заключен, как оказалось в дальнейшем, не прочный но лишь временный. Вообще, два вышеупомянутых короля никогда не были в длительном мире друг с другом, их народам, по обоим сторонам, стало привычно расплачиваться за то, что их короли заслужили своим высокомерием.

Глава 25.

О коронации Генриха III и об убийстве Томаса Бекета.

В году 1170 от разрешения Девы, который приходился 17-м годом правления Генриха Второго, король приказал, чтобы его сын Генрих, который был еще юношой, был бы торжественно помазан и коронован королем в Лондоне, из рук Роджера, архиепископа Йоркского. Поскольку король все еще не успокоился, то достопочтенный Томас, архиепископ Кентерберийский все еще находился в ссылке во Франции, хотя римский понтифик и король Франции были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы добиться примирения. В тот миг, когда Томас услышал об этом деянии, он, возвретовал о правах церкви, быстро уведомил об этом папу (чьей благосклонностью и покровительством он

пользовался), утверждая, что имеет место ущемление его самого и его престола, и он получил от папы письма с суровыми упреками, в которых указывалось на неправоту равно архиепископа Йоркского, который провел службу в чужой епархии, так и присутствовавших на церемонии епископов, которые освятили ее. Однако, король оставался после коронации лишь короткое время в Англии и отправился за море, и когда он внял частым обращениям папы и убедительным просьбам славного короля Франции, что он должен, по хотя бы сизойти до примирения с достойным изгнаником, то после 7 лет ссылки, он наконец на это согласился, и между ними состоялось торжественное примирение, которого все тем больше и желали и тем радостней приветствовали, чем больше оно откладывалось.

Таким образом, пока король находился за границей, архиепископ, по королевскому милости и позволению вернулся в свой диоцез, имея при себе письма папы, направленные против архиепископа Йоркского и других прелатов, присутствовавших на этой самой несчастливой коронации, о чем королю не было известно, и именно это стало тем, что разрушило недавно заключенный мир и послужило причиной еще большего гнева короля. Эти письма о приостановке служения прелатов, были привезены им в Англию, и сам он следовал их указаниям с рвением разжигая огонь правосудия, и хотя лишь Богу известно, все ли его поступки соответствовали их содержанию, но в любом случае, не моему ничтожеству, поспешно судить о делах такого великого человека. Тем не менее, я думаю, что благословенный папа Григорий, в то недолгое, но все же еще свежее в памяти, время его примирения с королем, действовал бы с большей умеренностью, и можно полагать, что вероятно (учитывая время и обстоятельства их примирения), он мог бы сквозь пальцы посмотреть на такие вещи, которые можно было бы снести без ущерба христианской вере, согласно словам пророка: "разумный безмолвствует в это время, ибо злое это время" (Амос, 5,13). Поэтому, то, что именно было сделано достопочтенным понтификом при данном стечении обстоятельств, я думаю не заслуживает ни благодарности, но не достойно и осуждения, но все же я скажу, что если этот святой человек, из-за чрезмерной горячности своего рвения и был виновен в том, что хватил через край, то все это было очищено огнем святого мученичества, которое, как известно, вскоре последовало. Следовательно, хотя святые люди и любимы и благодаримы нами, теми, кто сознает свое гораздо более низкое положение, все же мы не обязаны любить или гордиться теми их делами, в которых они проявили слабость человеческой натуры, но просто, мы не должны им безоговорочно подражать. Кто может, сказать, что им нужно подражать во всем, если сам апостол Иаков утверждает: "Ибо все мы много согрешаем" (Послание Иакова, 3,2). По этой причине, их надо одобрять, но не во всех их делах, а с благородством и осторожностью, ибо только Богу, в чьей хвале никто, как бы не пытался, не может достичь совершенства, свойственно быть непогрешимым.

Епископы, по причине допущенного нарушения, о котором говорилось выше (и я бы хотел, чтобы оно в это время осталось незамеченным), были отстранены от своих епископских обязанностей, по требованию достопочтенного Томаса, и властью апостолического престола. Король был разгневан жалобами некоторых из них, и его негодование и возмущение разгорелись сверх всякой меры, так что он потерял контроль над собой, и в разгаре этого гнева, от избытка возмущения, с его языка слетели неосмотрительные слова. И их было четверо, присутствовавших при нем людей, мужей благородной крови и опытных воинов, и они приняли их как руководство к действию и, из рвения к своему земному господину, решили привести в исполнение это беззаконие. И покинув королевскую свиту и пересечь море с такой поспешностью, будто мчались на почтовых лошадях на торжественный пир, и распаляясь яростью, которую в них возникла, они приехали в Кентерберри в пятый день после Рождества, и там они нашли достопочтенного архиепископа, с благочестивой радостью занимавшегося службами этого

священного праздника. Пройдя к нему прямо во время обеда , где он восседал за столом вместе с некоторыми почтенными людьми, и даже не поприветствовав его и наводя ужас именем короля, они приказали ему (скорее приказали, чем попросили или предупредили),

чтобы он немедленно отменил отстранение тех прелатов, которые выполняли королевскую волю, и чьему позору и бесчестию ведет его указ. На его ответ, что приговор высшей власти, не может быть отменен низшей, и что это не его делом было добиваться возмездия от этих людей, но было приказом римского папы, они стали яростно угрожать ему. Не насторожившись этими словами, хотя они и были произнесены людьми разгневанными и чрезвычайно возбужденными, он говорил с ними свободно и с доверием.

Разгневавшись после этого еще больше, они поспешили уйти и принеся с собой оружие (ибо они вошли без него), с громкими криками выражая возмущение, они сами себя настроили на совершение наиужаснейшего преступления.

Некие друзья убеждали почтенного прелата избегать безумия этих разъяренных дикарей и удалиться в святую церковь. Со своим намерением храбро встретить любую опасность, он на это не согласился, но при буйном и шумном приближении его врагов, благодаря дружелюбному насилию людей своей свиты, он все же был перенесен под защиту святой церкви. Монахи торжественно пели вечернюю службу Всемогущему Богу как раз тогда, когда он вступил в священный храм Христа, незадолго до времени вечернего причастия.

Слуги сатаны не испытывали, как христиане, ни уважения к священной службе, ни к священному месту, ни к священному времени, но напали на достойного прелата так, как он стоял на молитве перед святым алтарем, и прямо во время празднования Рождества, эти, воистину подлые христиане, убили его самым бесчеловечным образом. Совершив это деяние, они удалились, словно триумфаторы, ведя себя с нечестивой радостью. Однако, вспоминая о том, что это дело может вызвать недовольство того, ради кого они были столь ревностны, они уехали на север Англии, выжидая, когда смогут узнать намерения своего монарха относительно них.

Последовавшие за этим частые чудеса, показали, сколь драгоценной, в глазах Бога, была смерть благословенного прелата и насколько было ужасным совершенное злодеяние, особенно учитывая время, место и личность убитого. В самом деле, весть о столь ужасном насилии быстро распространилась по всему западному миру и запятнала славного короля Англии, и очень испортила его справедливую славу среди христианских властителей. И поскольку едва ли можно было поверить, что все это было совершено без его позволения, то на него упала почти всеобщая ненависть, и он стал объектом всеобщего отвращения.

Узнав об этом деянии своих приближенных, и разузнав как они забросали грязью его славу, поставив на нем почти несмыываемое клеймо, он был так подавлен, что в течении нескольких дней ничего не ел. Простит ли он убийц, или нет, он чувствовал, что люди будут склонны приписывать злодеяние ему. Более того, если он пощадит этих подлых негодяев, то это будет выглядеть как то, что он дал им смелость и сам был автором этого преступления, но если, с другой стороны, он накажет их, за то, что они сделали это без его приказа, он поступит самым гнусным образом. Поэтому, он решил, что будет лучше простить их, и для того, чтобы добиться равным образом и доверия к себе и их спасения, он приказал им предстать перед святым престолом, чтобы подвергнуться торжественной эпитимии. Так и было сделано, и они, с нечистой совестью, отправились в Рим, и по приказу правящего папы, в качестве эпитимии, отправились в Иерусалим, где, как сообщалось, все они и окончили свои дни, замечательно исполнив назначенную им меру наказания, но об этом - позже.

Пока что почти все приписывали смерть этого святого человека королю, и особенно - французские нобли, которые проявили рвение в том, в чем увидели свой шанс, и они настраивали против него апостолический престол, но бесспорно также и то, что сам автор

этой большой сумятицы, сам король, послал своих представителей в Рим, чтобы смиренной мольбой смягчить поднявшееся против него негодование. Когда они приехали в Рим, то поскольку все люди уже были едины в ненависти к королю Англии, то им было трудно даже добиться приема. Однако, постоянно утверждая, что это ужасное насилие не было совершено по приказы их господина, они все же добились того, чтобы от папы во Францию был послан легат, наделенный всей полнотой власти, который и должен был бы произвести тщательное расследование, установить истину в этом деле и решить, позволяет ли королю очиститься от обвинения, или же надо наложить на него, в соответствии с установленной виной, церковное осуждение, которое и следовало бы наложить. От святого престола были посланы два кардинала - достопочтенный Альберт, который затем и стал старшим в этом деле, и Теодин (Theodinus). Они приехали во Францию, и для их торжественной встречи на землях короля Англии, были созваны прелаты и нобли, которые всячески обеляли этого государя. Там же состоялось скромное явление и его самого, твердо отрицавшего, что имело место что-либо пятнавшее его честь, и что все произошло без его воли и без его приказа, и что он никогда прежде так не сожалел ни о каком деянии. Действительно, он не отрицал, что эти убийцы, вполне возможно, могли получить повод и смелость для проявления своей чрезмерной ярости, исходя также и из некоторых его слов, слишком неосторожно произнесенных, в тот момент, когда он услышал об отрешении прелатов и придя в бешенство говорил необдуманно. "И по этому поводу, - сказал он, - я не отказываюсь от наказания Церкви - я преданно покорюсь всему, что вы решите, и исполню решение вашего суда". Сказав это, и сбросив свои одежды, как было положено для общественного преступника, он голым предоставил себя церковной власти. Кардиналы, возрадовавшись смирению такого великого государя, плакали от радости, а остальные присоединились к их плачу, и вознеся хвалу Богу, они распустили собрание. Совесть короля осталась спокойной, и его характер, до некоторой степени, вернулся к прежнему состоянию. После этого, на престоле Кентерберри блаженному Томасу наследовал Ричард, приор Дувра.

Глава 26.

О покорении ирландцев англичанами.

Примерно в это же время, англичане, под предлогом воинской службы, тайно стали проникать на остров Ирландия, намереваясь туда вторгнуться и, получив доступ к ее крепостям, завладеть ее большей частью. Как мы слышали, Ирландия занимает среди островов следующее место, после Британии, но (как описал ее достопочтенный Беде) далеко превосходит ее по чистоте и здоровью воздуха, Он чудесным образом изобилует пастбищами и рыбой, и имеет достаточно плодородную почву, когда ей помогают правильной обработкой. Но ее обитатели не цивилизованы и имеют поведение варваров. Они почти полностью игнорируют законы и порядок, ленивы в сельском хозяйстве, и поэтому, в основном питаются молоком, а не зерном. Еще. они получили исключительную особенность и природный дар заключающийся в том, что, в отличии от всех других народов, у них нет никаких злобных животных и ядовитых тварей, а если, кто-нибудь и завезет их туда из других стран, то их ждет скорая и верная смерть после первого же вдоха ирландского воздуха. А вот что не было бы принесено оттуда, так то становится средством против яда. И опять, еще одним исключительным обстоятельством, свойственным только этому острову, является то, что хотя Великобритания - тоже остров в океане, и расположен он недалеко - имеет большой опыт по части ведения войн, и так часто становился добычей далеких народов, так часто подвергался иноземному влиянию - был покорен сначала римлянами, затем германцами, затем данами, и наконец, норманами; а вот Ирландия (хотя римляне и владели Оркнейскими островами) была труднодоступна и редко, и лишь только слегка, ее затрагивали какие-нибудь воюющие стороны, она никогда

не подвергалась нападению извне и не была покорена, никогда не переходила под власть иноземцев до тех пор, пока не наступил год 1171 от разрешения Деву, который был 18-м годом правления Генриха II, короля Англии. То что британцы говорят по поводу того, что этот остров находился под властью их Артура, это всего лишь басня, также как и другие анекдоты о нем, придуманные из чистого хвастовства или из лжи, но вот каким образом ирландцы, попав под власть короля Англии, окончили эпоху своей долгой, безмятежной и прирожденной свободы - это легко объяснить, поскольку произошло это совсем недавно.

Причина этого изменения следующая: Ирландия, следуя древнему обычаю Британии была разделена на несколько королевств, и привыкнув к тому, что имела много королей, постоянно расплачивалась за их ссоры. И в насколько они были свободны от иноземных войн, настолько же ее обитатели, временами, оказывались в жалком состоянии из-за того, что их собственные дети стремились к взаимному смертоубийству. Случались так, что на одного из королей этой страны напали соседние принцы, и оказавшись в крайне стесненном положении и растеряв свою власть, он был близок к тому, чтобы на себе самом испытать злобу врагов, и по этой причине, он принял поданный совет и спешно отправил сына в Англию, и там тот собрал для помощи воинов и отряд дерзкой молодежи, которые были соблазнены надеждой на большое вознаграждение. С их помощью, он сначала добился передышки, затем восстановил свои силы и, в конечном счете, одержал победу над своими врагами. При этом, он не понуждал своих помощников оставить страну, но напротив, так благородно вознаградил их, что они забыли свой народ и свои отчие дома и обосновались там. Но когда самые свирепые люди со всей Ирландии стали восставать и нападать на этого принца, за то, что тот привел на остров англичан, то они, опасаясь своей малочисленности, послали в Англию за теми, кто там боролся с бедностью либо жаждал выгоды, и таким способом, значительно увеличили свое могущество. Однако, они все еще оставались без полководца, подобно овцам без пастуха, и поэтому, они пригласили графа Ричарда, могущественного и знатного человека из Англии, чтобы он стал их вождем. Будучи человеком высокого духа и отличаясь сумасбродным поведением, и поскольку он растратил все свое вполне достаточное состояние и почти истощил свой домен, и поскольку его преследовали кредиторы, то он уже созрел для честолюбивых предприятиям и с готовностью дал согласие. Собрав многочисленный и отважный отряд из молодых искателей приключений, он приготовил на своих землях флот для переправки в Ирландию, но когда он был почти готов к отплытию, то получил запрет на плавание от людей, действовавших от имени короля. Однако, его не задержала угроза лишиться какой-либо собственности в Англии и, к радости своих нетерпеливых соратников, которые желали его присутствия, он отплыл.

Объединив свои силы, он посчитал целесообразным рискнуть и попытаться совершить одно громкое предприятие, чтобы на будущее внушить варварам ужас. С дерзкой стремительностью он выступил против Дублина, приморского города и метрополии Ирландии, а по известности своей гавани - соперника нашего Лондона во внутренней и внешней торговле. Храбростью и быстротой напав и взяв город, он, благодаря произведенному впечатлению, заставил людей даже живущих вдали, вступить с ним в союз. Путем строительства крепостей в удобных местах и постепенного расширения своих владений, он настойчиво оказывал давление на пограничные области, которые пытались поддерживать свою древнюю свободу. Более того, он приобрел некоторое небольшое уважение этого варварского народа тем, что стал связан с ним - он взял в жены дочь союзного с ним короля и получил значительную часть королевства в качестве приданного.

Когда об этих успехах стало известно королю Англии, то он разгневался на графа, за то, что тот достиг такого успеха не только не посоветовавшись с королем, но и вопреки ему, и

тем, что он сам себе добыл такую славу и таким благородным способом, который подобает только королю, как его суверену. Вследствие этого, он конфисковал все состояние графа, находившееся в его владениях, и чтобы из Англии в Ирландию не могла больше быть отправлена никакая помощь, он запретил все морские сообщения. Угрожая принять еще более суровые меры, он заставил его, уже почти короля, быстро отказаться от своих приобретений. Постепенно, он заставил его отдать самый славный город - Дублин, и все лучшее из его приобретений, и сохранив за ним остальное и вернув ему все английские владения, и приказал этим и быть довольным. После этих событий, тот же самый граф, который незадолго до того, по расточительности промотал все свое состояние, и имел благородный титул едва ли не на голом теле, теперь наслаждался своим состоянием и в Ирландии и в Англии, и жил в большом достатке. Однако, спустя несколько лет, преждевременная смерть оборвала его карьеру. И это событие ясно выявило всю переменчивость фортуны, которая, в случае этого человека, столь быстро исчезла, равно как и вся ее обманчивость, которая проявилась в том, что когда он уже всем обладал, то внезапно положила конец всем его наслаждениям. Из своих ирландской захватов, ради которых он столько старался, и которые столь страстно желал приобрести с угрозой для себя самого, он с собой не унес ничего, но завещал свое с трудом доставшееся приобретение своим неблагодарным наследникам, и одновременно оставил, на примере своей судьбы полезный урок всем людям. Вскоре после этого, король Англии отправился в Ирландию с многочисленной армией и ужасом своего имени подчинил, без кровопролития, тех королей острова, которые до этого времени еще сопротивлялись, и устроив там дела согласно своим желаниям, он уехал в Англию в добром здравии и довольный собой.

Глава 27.

О том, как король Генрих III восстал против своего отца и призвал против него короля Франции и прочих иных.

В 1173 году от разрешения Девы, который проходился 12-м годом правления короля Генриха II, пока король возвращался из Ирландии в Англию, а из Англии вскоре отправился в Нормандию, между ним и его сыном, Генрихом Третьим, которого он, как говорилось выше, за два года до того он торжественно посвятил в короли, возникли отвратительные и грязные раздоры. Когда принц подрос до возраста возмужания, ему не терпелось получить вместе с присягой верности и титулом, действительную присягу и титул, и по меньшей мере, править совместно со своим отцом, хотя он и имел право править единолично, поскольку был коронован, а царствование его отца находилось на исходе - по крайней мере, так ему нашептывали некоторые люди. Кроме того, он был крайне разгневан, поскольку его отец слишком экономно обеспечил его деньгами, чтобы он мог нести расходы соответствующие его королевскому достоинству.

Таким образом, будучи раздражен и разгневан против него, он тайно бежал к своему тестю, королю Франции, для того, чтобы возбудить раздражение против собственного отца и у него. Будучи любезно принят французским королем, не столько из-за того, что приходился ему зятем, как из-за того, что ушел от своего отца, он во всем доверился его советам, и таким образом, поощряемый и подстрекаемый против своего отца ядовитыми увещеваниями французов, он не усомнился попрать великий закон природы и последовал примеру неразумного Авессалома.

Как только отец узнал о ненависти к себе своего сына и установил, куда тот бежал, он послал к королю Франции достойных людей со словами мира, требуя своего сына по своему праву отца и обещая, что если что-либо в отношении него покажется

нуждающимся в исправлении, то по его совету, он немедленно это исправит. На эти слова король Франции спросил: "Кто есть тот, кто отправил ко мне этих посланников?" Те отвечали: "Король Англии". "Это ложь - ответил он, поскольку король Англии - здесь, и он не отправлял с вами мне никакого послания, но если, даже теперь, вы так титууете его отца, прежнего короля Англии, то знайте, что как король, он теперь мертв, и хотя он еще и может еще поступать как король, то все же, это вскоре должно быть исправлено, поскольку он оставил королевство своему сыну, чьему свидетель - весь мир". Сбитые, таким образом, с толку посланники вернулись к своему господину.

Вскоре после этого, молодой Генрих, исходя злобой на все, что было связано с его отцом, по совету французов, тайно отправился в Аквитанию, где вместе со их матерью, находились его два младших брата, Ричард и Жоффруа, и, как говорили, с ее попустительства, взял их с собой во Францию. А в свое время их отец пожаловал одному Аквитанию, а другому - Бретань. Благодаря этому, молодой Генрих, по советам французов, верил, что благодаря Ричарду, народ Аквитании может очень легко присоединиться к его партии, а бретонцы - благодаря Жоффруа. Еще он заключил союз с графом Фландром, троюродным братом своего отца, человеком, обладавшим большой властью и неумеренными амбициями, что привлекло к его заговору многих воинственных людей, которыми тот управлял, его он также, с согласия короля Франции, привлек на свою сторону благодаря великим обещаниям. Затем, многие могущественные и знатные люди, как в Англии, так и в заморских провинциях, побуждаемые либо просто ненавистью, которую до сих пор скрывали, либо привлеченные щедрыми послами разного рода, стали постепенно перебегать от отца к сыну и делать все для подготовки к войне. Например, граф Лестерский, граф Честерский, Гуго Биго (Bigot), Ральф де Фужер (Fougeres) и многие другие, грозные размером своих владений и силой своих замков. Многие из тех, кто располагал меньшим состоянием и могуществом, также проявили свое враждебное настроение тем, что уехали во Францию, чтобы остаться в бездействии. К этому добавился еще более жестокий враг - король Шотландии, готовый послать на английские границы свой свирепый народ, который не щадил ни пола, ни возраста. Таким образом, пока столь многочисленные и столь могущественные нобли покинули старого короля и повели против него всех своих людей, как если бы от этого зависели их жизни, оставались еще и такие немногие, кто искренне и твердо поддерживал его, в то время как остальные колебались вокруг него в нерешительности и с робостью боялись как бы не быть уничтоженными победой молодого суверена. Тогда, старый король наконец, увидел (как об этом обычно рассказывали), сколь необдуманно, в сущности просто глупо, он поступил, преждевременно создав себе приемника, но он не ожидал, что столько людей поступит так, как поступили - что они, с нетерпением рассчитывая на новое царствование, последуют за его сыном. Поэтому, было ему пришлось нелегко, и при том тревожном состоянии дел в государстве, когда на него давили и внутренние и внешние враги, и лишь немного доверяя тем, кто казался надежным, а на самом деле был нерадивым и симпатизировал его сыну, он послал собрать наемное войско брабантцев, называемых рутой, поскольку королевская казна (которая не экономилась в столь критическом положении) позволяла ему иметь в изобилии наличные деньги.

Глава 28.

О делах в Омале, Шатонефе и Вернене.

В месяце июне, когда короли привыкли отправляться на войну, соседние государи, собрав войска со всех своих владений, выступили с враждебными намерениями против короля Англии, и утверждали при этом, что они лишь ревнуют о сыне против отца - ничто не могло быть нелепее этого, поскольку, в действительности, они приняли участие в этом

деле либо из-за личной ненависти, как король Франции, либо ради выгоды, как граф

Фландрии. Король Англии едва-ли был готов, чтобы отразить нападения столь многочисленных врагов по причине возникших среди его подданных междоусобных раздоров, которыми он был чрезвычайно озабочен. Поэтому, по причине того, что его

войска были слабее, он не мог встретить своих противников открыто, но все же он внимательно изучил возможность укрепления и снабжения гарнизонами крепостей вдоль своих границ. Король Франции, окружив город Верней (Verneuil), который был рассчитан на то, чтобы смог выдержать длительную осаду, решил не идти дальше до тех пор, пока не возьмет его силой или не принудит к сдаче. Но фландрский граф, со своими войсками из Фландрии ринулся вперед и осадил Омаль, который хоть и имел сильный гарнизон, но от того было мало толку, ибо сам граф Омальский, сеньор того города, как и многие другие,

колебался в верности старому королю. Определенно полагали, что он был в сговоре с графом Фландрии, поскольку город, после небольшого сопротивления, был быстро взят, и когда он попал в плен к графу Фландрии, то не только сдал весь гарнизон, который был

прислан туда королем, но и отдал все свои собственные замки. Фламандская армия, воодушевленная этим начальным успехом, предприняла более значительные предприятия и смело осадила королевскую крепость называемую Шатонефом, и со своими машинами штурмовала ее много дней. Наконец, и она была взята, но все же граф Фландрии не

получил от этого радости, поскольку его брат Матье, граф Булони, которого ему было угодно рассматривать как своего будущего приемника, так как у него самого не было и не ожидалось собственного потомства от своей жены, во время осады этого города был ранен стрелой в колено. Рана становилась все хуже, он был прикован к постели, и спустя

несколько дней, во время медицинской операции умер. Его смерть поразила брата до такой степени, что он прекратил свой поход и вскоре в печали вернулся в свое графство, проклиная и виня себя за то, что это несчастье случилось из-за того, что он как враг, ради дурного сына, напал на своего троюродного брата, от которого никогда не испытывал несправедливости, но от которого часто получал подарки.

Когда об этом стало известно королю Генриху, то он посчитал, что теперь избавился на время от половины своих воинских забот и вскоре ощущил в себе большую уверенность в

делах против той половины, что еще оставалась. Собрав войска, которые находились у него на жаловании, а также и многих других, которые, как он рассчитывал, не должны были бросить его в опасности, он отправил посланцев к королю Франции, который уже

потратил большую часть лета на осаду Вернея, и уже надеялся вскоре завладеть ею, с предложением о том, что он должен либо снять осаду, либо приготовиться в назначенный день к сражению в открытом поле. Вначале французы (которые по своей природе жестоки и высокомерны, особенно, когда они видят себя превосходящими в численности и лучше

подготовленными к войне) насмеялись над его посланием, думая, что он не решить выступить против них. Но когда им стало известно, что он бесстрашно приближается

вместе со своими воинами, которых насчитывается великое множество, тогда они, впервые стали подозревать, что он может попытаться совершить что-нибудь решительное. Их король немедленно собрал своих ноблей и совещался с ними о войне, а затем послал

епископа и аббата встретить короля Англии и узнать из его собственных уст, приближается ли он действительно для сражения, а тем временем приготовил к такому

слушаю свои войска. И вот, те, кто был послан, встретили короля полностью

вооруженного, следующим, вместе с несколькими сопровождающими, в нескольких фарлонгах (фарлонг - одна восьмая мили) впереди своей армии. Он казался полностью

уверенным в себе и отдавал какие-то распоряжения, я уж не знаю какие. Когда они сказали ему, что король Франции желал бы получить заверения относительно сражения, он сказал с жестким выражением лица и грозным голосом: "Уходите и скажите своему королю, что, как вы сами можете видеть, я готов". И когда они поспешили вернуться и описали свирепость и решимость государя, который быстро приближался, король

Франции и его нобли держали совет, и было решено, что пока они должны отступить и умерить свои притязания, чтобы в будущем быть способными сражаться за наследие своих отцов. Таким образом, они оставили свой лагерь и вместе со своими огромными силами, отступили во Францию, однако будучи в полном вооружении и в порядке так, чтобы это не могло показаться бегством. И так, те, кто только что перед этим, свирепостью своего духа и неистовой хвастливостью своих слов казались подобными львам, внезапно в своем отступлении и бегстве оказались похожими на нищих.

Однако, король Англии был доволен позорным бегством своих надменных врагов и не желал следовать за ними и преследовать их в их отступлении, но повернул свою армию в сторону, чтобы разграбить вражеский лагерь, и он с радостной торжественностью вступил в город, и поздравил людей, которые там отважно сражались. В лагере было найдено изобилие зерна, вина и припасов, вместе с различным добром, которое враги, будучи неспособными унести с собой, оставили в своем поспешном бегстве.

Глава 29.

О тех, кто был взят в Доле (Dol).

Хотя внешние враги Генриха, такие как король Франции и граф Фландрии, чье могущество было очень велико, были таким образом, с Божьей помощью, отражены, но его враги дома, ни в коем случае не успокоились. Многие из них собрались вместе по предварительному сговору, и захватили город Дол, который по праву принадлежит Бретани, хотя и находится в пределах границ Нормандии. Узнав об этом, брабантцы, находившиеся на королевской службе, быстро пришли под этот город и пошли на штурм, после чего множество мятежников бежало внутрь города, который вскоре также был взят, и они были вынуждены отступить внутрь тесных пределов замка. Когда они были, таким образом, заперты, королю, который находился в Руане, с наивозможной быстротой послали об этом донесение. Он, забыв про еду и сон, все время меняя лошадей, пересек большую часть страны и прибыл так быстро, что казалось, что он летел по воздуху. И когда он приступил к осаде замка, то множество находившихся там людей, не вынося тягости осады, стали умолять его о милосердии. Король согласился даровать им свободу и сохранить их члены, но после сдачи замка приказал взять под стражу всех обнаруженных там знатных пленников, и граф Честерский, и Ральф де Фужер, вместе с еще примерно сотней других ноблей, попали, по Божьему промыслу, в лапы к королю, на которого они нападали со столь ярой ненавистью. Однако, он обошелся с ними с гораздо большим милосердием, чем они того заслуживали. Хотя он некоторое время и продержал их в оковах, но два вышеупомянутых нобля, которые были самыми видными из пленников, дав удовлетворение королю в том, что впредь они будут соблюдать свою верность, получили свободу. В этом деле милосердием столь великого государя по отношению к самым предательским изменникам и к самым заклятым врагам, можно, без сомнения, только восхищаться и одобрять.

Глава 30.

Об осаде Лестера, о войне с шотландцами и о пленении графа Лестера.

Пока все эти вещи происходили в заморских землях либо при личном участии короля, либо около него, такие же события происходили и в Англии. Когда граф Лестер первым покинул короля и своим бесчестным примером испортил многих других, Ричард де Люси, который в это время управлял Англией от имени короля, получив на это королевские полномочия, поспешно собрал армию и осадил Лестер. Город был сдан и сожжен, но он не

стал штурмовать замок, поскольку был отвлечен более важными делами. В это время, король шотландцев, зная, что король Англии занят в Нормандии, вместе с бесчисленными полчищами своих варварских и кровожадных людей пересек английские границы, и осадил Карлайл, заодно опустошив грабежами и убийствами всю окрестную провинцию, но когда он узнал, что из северной Англии приближается большая армия, то он оставил осаду, и после немилосерднейших грабежей в графстве Нортумберленд, отступил в свои собственные владения еще до того, как наши полководцы могли с ним встретиться. Однако, те, со своими войсками, перешли Твид, которая разделяет королевства Англию и Шотландию, и не встречая сопротивления пришли на ту вражескую землю. Правда вскоре вести принесенные спешными гонцами отозвали их обратно в Англию, но все же это случилось уже после того, как они немного ограничили свирепость вражеского короля, заключив с ним необходимое перемирие.

Таким образом, с помощью коварного притворства, наши полководцы скрыли от него события, что стали им известны - о том, что граф Лестер, вместе с вражеским флотом из Фландрии, высадился на побережье Восточной Англии и был там хорошо встречен своим сообщником, Гуго Биго, человеком могущественным и лукавым и на какое-то время остался там со своей армией. Вскоре после этого, при содействии и под руководством этого Гуго, его армия продвинулась до города Норвич, и взяла его после лишь небольшого сопротивления, поскольку он не имел гарнизона и был парализован внезапным ужасом. После его полного разграбления, армия, нагруженная добычей, вернулась в лагерь. С тем же человеком в качестве своего советника и руководителя, он таким же образом подступил к Данвичу, знаменитому приморскому городу, полному разнообразных сокровищ, намереваясь также взять и его штурмом, но он был смущен твердостью его жителей, которые единодушно приготовились встретить нападение врага, и когда он обнаружил, что его усилия против них будут тщетными, он вернулся назад без какого-то ни было успеха. Гуго, который делал для этой армии все, что он желал, позже дал понять графу Лестерскому, что он должен увести в свои собственные земли и замки те иностранные войска, что привел с собой. Однако, граф Лестер много и долго колебался, поскольку не мог пересечь страну, направляясь в Лестер, не подвергнувшись при этом большой опасности, во время перехода через сердце неприятельских земель, которые, как он слышал, уже готовились к его приходу. Наконец, уверившись в численности и доблести своих союзников (он имел уже около 800 отборных всадников и 4 или 5 тысяч храбрых пехотинцев), и рассчитывая, что никто не сможет противостоять ему на его пути, поскольку у него было много друзей среди тех, кто казался находившимся на стороне короля, он смело отправился в свой поход, вместе со всеми своими силами, взяв с собой свою жену и одного знатного француза, Гуго де Кастелло (Castello).

Но nobli королевской партии находились у Сент-Эдмундсбери, уже поджиная его с вполне достаточными силами, и когда армия графа находилась недалеко от этого места, они выпустили против него свои многочисленные отряды. Войска графа не заняли позицию и не могли повернуться ни направо, ни налево, и они обратили стесненность своего положения в храбрость и смело пошли вперед в боевом порядке, и началась отчаянная битва, в которой одна сторона сражалась ради славы, а другая ради своего спасения. Победа, однако, досталась королевской партии. Граф был взят в плен, вместе со своей женой, женщиной мужественной духом, а также с Гуго де Кастелло и почти всеми всадниками, при этом, почти все пехотинцы были убиты. Знатные пленники были отосланы к королю в Нормандию, а с остальными распорядились по его усмотрению.

Глава 31.

Об отступничестве от короля Давида Шотландского и других.

Это несыновье безумие сына против отца бушевало почти два года, и наиболее важные события первого года уже описаны в предыдущем повествовании. Действительно, в течении короткого времени - во время зимы, во владениях по ту сторону моря прекратился шум войны, но не так было в Англии, поскольку в крепостях, принадлежавших графу Лестеру, войска какое-то время остававшиеся спокойными и притихнув, узнав про судьбу, доставшуюся их сеньору, вновь, как это уже бывало, осмелели и воспламенившись духом, вознамерились отомстить за это бедствие. Они собрались в большом количестве под предводительством неких дурных людей и стали наводнить соседние провинции своими набегами. И почувствовав, что они добьются большего, если во главе них будет принц, носящий громкое имя, они выбрали своим полководцем и вождем Давида, графа Хантингтона, брата короля шотландцев, который до этого уже разбийничал с некоторым успехом, и ему сопутствовала удача и в дальнейших беззакониях. Также и граф Феррар (Ferrars), и один знатный человек по имени Рожер де Моубрей (Mowbray) открыто объявили о своих намерениях, которые они долго скрывали, и последовали за остальными мятежниками. Зародившийся в них порыв ярости лишь едва ослаб даже в священное время великого поста, но после празднования Пасхи, они разразились новыми дерзкими предприятиями. А молодой король в это время не отказывался от совращения тех английских ноблей, что внешне казались поддерживающими его отца, посулами, тайными письмами, и даже угрозами, что может причинить им ущерб силами своей партии. По этому поводу говорили, что в это время в Англии осталось лишь несколько знатных людей, которые не колебались в своей верности королю, и были готовы следовать за ним в любое время, если бы была необходимость быстро проверить их намерения.

Глава 32.

О прибытии короля в Англию и о том, что сделали там шотландцы.

Поэтому, на второй год после начала войны, она была с новой силой возобновлена против старого короля Англии его могущественными врагами - королем Франции, графом Фландрии и королем Шотландии, вместе со всеми их войсками. Граф Фландрии (уже забывший о смерти своего брата и притязающий теперь на английское графство Кент, за которое он и в самом деле уже принес оммаж Генриху Молодому) приготовил флот, чтобы переправиться в Англию вместе с молодым королем и его войсками. Король Франции намеревался вторгнуться в Нормандию и также подготовил армию, которую собрал со всех уголков своей страны. Когда об этих приготовлениях стало известно, старый король, предпочитая, чтобы скорее его заморские владения оказались в опасности, нежели, таковая будет угрожать его собственному королевству Англии (и еще он принял тщательные меры, чтобы усилить укрепления в этих владениях), и поскольку он предвидел, что если его не будет, то в его отсутствии, никто в Англии не станет противиться тому, кто, как ожидалось станет его наследником, то упреждая маневры врагов, он с небольшим числом всадников и одним отрядом брабантцев быстро отплыл в Англию.

Тем временем, король шотландцев, с бесчисленным числом варваров из своего собственного народа и с сопровождающей его наемной конницей и пехотой из Фландрии, вторгся в английские пределы и овладел Бургом и Эпплби (Appleby), двумя королевскими крепостями в Уэстморленде, в которых не оказалось гарнизонов. Уйдя оттуда, он намеревался вновь начать осаду города Карлайла, но напуганные горожане заключили с ним соглашение, что сдадут город в назначенный день, если к этому времени король Англии не пришлет им достаточный гарнизон, и он со своей армией отправился осаждать одну крепость на реке Тайн под названием Прадхе (Prudhoe). Тогда к нему туда пришел

Рожер де Моубрей, о котором мы упоминали выше, и потребовал помощи, поскольку две его крепости были смело атакованы и взяты Жоффруа, побочным сыном короля Англии, который позже стал выбранным епископом Линкольна, и он с трудом удерживал третью, под названием Тирск (Thirsk). Этот Роджер, задолго до этого, отдал своего четвертого сына в заложники королю Шотландии, который в то время замышлял вторжение в провинцию Йорка, и он взялся помочь и повиноваться ему во всем, и в свою очередь, получил заверения, что никогда не останется без помощи, если в ней у него когда-нибудь возникнет нужда. Но после того, как шотландский король потратил без результата много дней и сил под Прудхо, что чрезвычайно плохо сказалось на его людях, и услышав о том, что против него поднялась вся военная сила графства Йорк, он пересек Тайн и вторгся в графство Нортумберленд. Шотландцы забирали все, для них никой вид еды не кажется гадким для их жратвы, даже тот, что пригоден в еду одним собакам, и пока они собирали свою добычу, самым большим удовольствием для этого нечеловеческого народа, более дикого, чем дикие животные, было вырезать глотки у старииков, резать маленьких детей и выпускать наружу кишки у женщин и совершать в том же духе такие деяния, о которых ужасно даже упомянуть. Поэтому, пока эта армия наипозорнейших грабителей залила несчастную провинцию, и варвары упивались своей бесчеловечностью, сам шотландский король, сопровождаемый более благородной и цивилизованной частью воинов, которые несли около него караулы, казался ничем не занятым и оставался вблизи от очень сильного замка, называемого Элнвик (Alnwick), для того, чтобы находившейся там отряд воинов не имел возможности выходить из него и тревожить грабителей, что грабили и убивали все вокруг.

Глава 33.

О пленении короля шотландцев.

Пока такие вещи происходили в северных частях Англии, нобли королевской стороны из графства Йорк, справедливо негодуя, что шотландцы кишеть в английский пределах, собирались в Ньюкасле-апон-Тайне с сильным отрядом конницы. Дело было столь срочное, что у них не было времени собрать еще и пехоту, и они отправились в ту сторону в пятницу, в шестой день недели, уставшие от долгого и трудного марша. Когда они совещались между собой о том, что надо делать, более знающие люди говорили, что большая часть дела уже сделана - поскольку король Шотландии, услышав об их приближении, отступит прочь, и что этим и надо удовлетвориться до лучших времен, принимая во внимание малочисленность их сил, и что они не обезопасят сами себя и не принесут пользы королю Англии, если двинутся еще дальше, и что они не должны выставлять напоказ малочисленность их сил такому огромному множеству варваров, которые могут проглотить их как кусок хлеба, и что у них имеется не более 4 сотен лошадей, тогда как вражеская армия насчитывает более 80 тысяч вооруженных людей. На это более нетерпеливые отвечали, что эти наизледшие враги должны быть атакованы любыми средствами, и что они не должны отчаиваться в победе, которая, несомненно, будет на правой стороне.

В конце концов, мнение этих последних возобладало (раз Бог решил так, то это следует скорее приписать Божественной воле, нежели человеческому разуму или человеческой власти), и доблестные мужи, первыми среди которых были Роберт де Стутвилль (Stuteville), Ральф де Гланвилль (Glanville), Бернар де Бальоль и Уилльям де Весей (Vesey), немного освежились после ночного отдыха, рано утром сели в седла и поспешили вперед с такой стремительностью, как будто ими двигала какая-то неведомая сила - ведь они проскакали 24 мили за 5 часов - вещь едва ли возможная для людей отягощенных весом доспехов, и говорили, что пока они скакали, их окутывал такой плотный туман, что они

едва соображали куда едут. Тогда, наиболее благоразумные из них, имея в виду рискованность пути завили, что им будет грозить неведомая опасность, если они не повернут и не вернутся назад. На что Бернар де Бальол, муж благородный и великодушный сказал: "Пусть вернутся те, кто этого хочет, но я пойду вперед, даже если за мной не пойдет никто, ибо я не хочу сам себя заклеймить вечным позором".

Пока они, таким образом, продвигались вперед, туман внезапно рассеялся, и они увидели перед собой замок Элнвик. Они обрадовались, полагая, что у них будет безопасное место для отступления, если они будут вынуждены к этому врагами, и вдруг! король шотландцев, с отрядом примерно в 60 или немного больше рыцарей, остановился для осмотра в открытом поле недалеко от них, чувствуя себя в полной безопасности - он не боялся угрозы наших людей, так как множество его варваров с частью конницы широко рассеялись вокруг для грабежа. Когда он сперва увидел наших людей, он несомненно подумал, что они принадлежат к его людям, возвращающимся с грабежа, но более внимательно разглядев знамя нашего предводителя, он быстро понял, что наши достигли того, чего и не могли и сами ожидать, если бы и попытались. Однако, он не испугался, будучи окруженным огромной, хотя и менее сосредоточенной армией, он полагал, нет - он не изволил даже сомневаться, что наши немногочисленные и скучные войска будут легко сокрушены тем множеством, что находилось вокруг него. Поэтому, свирепо бряцая оружием и воодушевляя своих людей словами и личным примером, он сказал: "Сейчас станет ясно, кто знает, что значит быть воином", и первым бросился на врага, а остальные последовали за ним. И он был немедленно встречен нашими людьми, низвергнут на землю (его лошадь была под ним убита) и взят в плен почти со всем своим отрядом - поскольку те, кто смог бежать, презрели бегство, после того как он попал в плен, и сами, по своей воле, отдали себя в руки врагов, ради того, чтобы быть взятыми в плен вместе с ним. Также, некоторые нобли, которым почему-то там отсутствовали, но были неподалеку, услышав о том, что случилось, вскоре прискакали полным галопом, и даже не попали, а сами отдали себя в руки врагов, полагая, что поступят благородно, если разделят судьбу своего сеньора. Однако, Рождер де Моубрей, который находился там в это время, после пленения короля бежал и нашел убежище в Шотландии.

Наши нобли, радостные, вернулись вечером, вместе с королевским пленником, в Ньюкасл, откуда они вышли утром и определили ему находится под стражей в Ричмонде, намереваясь в удобное время переправить его к своему славному сеньору, королю Англии.

Битва эта была счастливо выиграна, по Божьей милости, в субботу, в 3-и иды июля (13 июля), в 1174 году от того времени, когда Слову надлежало сделаться плотью, и известие об этом вскоре распространялось вширь и вдаль, и с радостью встречалось во всех графствах Англии, и колокола звонили, чтобы выразить радость.

Глава 34.

О том, что случилось с армией и землей Шотландии после пленения короля.

Таким образом, король шотландцев оказался в руках своих врагов, и жажда мести ясно выраженная Господом, не позволила его наиненавистнейшей армии уйти безнаказанной. Когда о пленении короля стало известно, варвары сперва были словно поражены громом и оставили грабеж, но вскоре, будто бы объятые яростью, они обратили друг против друга мечи уже обагренные невинной кровью, но теперь они приняли друг друга за врагов, поскольку в этой армии было большое число англичан, из-за того, что города и бурги Шотландии населены англичанами. По этому случаю, скотты проявили свою скрытую ненависть к ним, которая до этого скрывалась из страха перед королем, и они убили многих из них, а те, кому удалось ускользнуть, нашли убежище в королевских крепостях.

Также, в этой армии было два брата, Гилберт и Актред (Uctred), лорды провинции Гэллоуэй, вместе с многочисленным отрядом своих собственных людей. Они были сыновьями Фергуса, прежнего государя этой провинции, и когда их отец умер, то они наследовали ему, поскольку король Шотландии, который является верховным лордом этой страны, разделил наследство между ними. Но Гилберт, старший, недовольный тем, что его лишили всего отцовского достояния, всегда в своем сердце ненавидел своего брата, однако, некоторое время, боязнь королевского неудовольствия сдерживала пыл его ярости.

Но когда король был взят в плен, то он нашел себя свободным от этого чувства, и он вскоре наложил руки на своего брата, который ничего не подозревал, и чтобы насытить свою отвратительную ненависть, он убил его не простой смертью, но еще и подверг мучительным пыткам. Затем он вторгся во владения Актреда, и варвары обратили свою ненависть на варваров, учинив не малую резню. Однако, был еще сын того брата, что был так подло убит, по имени Роланд, проницательный и энергичный юноша, который, с помощью друзей своего отца, дал отпор беспредельному гневу своего дяди. Таким образом, по наиразумнейшей воле Божьей, который отмерил злодеям той же мерой, которой они отмеряли другим, все королевство Шотландия находилось в состоянии анархии. Как говорили, те, кто незадолго до этого, нарушили мир безмятежных людей и жаждали напиться крови англичан, по наипрекраснейшему Божьему суду, получили возмездие друг от друга.

Глава 35.

О достопамятной эпидемии короля Англии и о ее последствиях.

Король Генрих Второй теперь приехал из Нормандии в Англию, чтобы силу своего личного присутствия обратить против своего сына, который ожидался вместе с войсками фламандцев, то помня о том, насколько сильно он согрешил против церкви Кентерберри, он сразу же после высадки проследовал туда и, проливая обильные слезы, молился у могилы блаженного епископа Томаса. При появлении старшего монаха, он распростерся перед ним на земле и с крайним смирением просил прощения, и обратился к нему с необычайнейшей просьбой – чтобы его, столь великого человека, братья высекли бы по очереди розгами. Следующей ночью одному почтенному старому монаху этой обители во сне были сказаны слова: "Видел ты сегодня изумительное чудо королевского смирения? Знай, что те события, что произойдут и будут касаться его, вскоре покажут сколь приятно его королевское смирение Королю королей". Я узнал об этом от наипочтеннейшего и простоватого человека - аббата Биланда Роджера, который, рассказывая об этом, говорил, что сам слышал об этом от заслуживающего доверия человека, который в то время случайно оказался в Кенте. Тот, кто касается гор и они дымятся (см. Псалмы 143,5), вскоре после этого со всей очевидностью показал, как высоко он оценил преданность этой дымящейся горы, поскольку именно в тот же день, и как говорили, именно в тот же час, в который эта гора задымилась в Кентерберри, божественное правосудие низвергло его самого могущественного врага в английских пределах – короля Шотландии, так что сама награда за это благочестивое деяние едва ли не предшествовала самому деянию, но скорее была дана в одно время с ним, и никто не может сомневаться в этом.

Этот государь, выйдя из Кентерберри, поспешил в Лондон, послал оттуда войска против Гуго Биго, и сделав там короткую остановку, отворил себе кровь. И вдруг, в полночь прибыл очень спешный гонец, посланный Ральфом де Гланвиллем, и стал стучаться в ворота дворца. Его обругали и дворецкий и стража и велели вести себя потише, но он стал стучать еще громче, говоря, что принес на своих губах хорошие вести, и положительно необходимо, чтобы король узнал о них прямо ночью. Его настойчивость, наконец, взяла верх, особенно потому, что все надеялись, что он принес действительно хорошие вести.

Когда его впустили в ворота, он таким же образом убедил королевского камердинера.

Когда его впустили в королевскую палату, он смело подошел к кушетке короля и разбудил его. Очнувшись ото сна, король сказал: "Кто ты?" На что тот ответил: "Я - человек из свиты Ральфа де Гланвилля, Вашего вассала, который послал меня к Вашему высочеству, и я принес хорошие вести". "Ральф, друг наш, с ним все в порядке?" - спросил король". "С ним все в порядке, милорд, ответил тот, - и вот - он держит в плену своего врага, короля Шотландии, который в оковах находится сейчас в Ричмонде". Король, пораженный этой новостью, сказал: "Говори!". Но тот только повторил свои слова. "У тебя нет письма?" - спросил король. На что тот достал запечатанное письмо, в котором содержались детали происшедшего. Король, спрыгнув с кровати, сразу же просмотрел его, и глубоко потрясенный, с увлажненными от благочестивых слез глазами, воздал хвалу тому, Кто только и может совершать такие удивительные дела. Он созвал своих домашних людей и разделил с ними свою радость. Утром прибыли другие гонцы, сообщившие то же самое, но только один - тот, который прибыл первым, получил награду. Хорошие новости немедленно были обнародованы, под радостные крики и под звон колоколов во всех концах Лондона.

Глава 36.

Об осаде Руана и о коварной атаке противника.

Тем временем, король Франции с превосходящими силами вторгся в Нормандию с востока. К слову сказать, с той стороны граница выглядела открытой, из-за того, что тамошние замки были взяты графом Фландрским. Он двинулся вперед и осадил Руан, столицу этой провинции. Руан является одним из самых знаменитых городов Европы и расположен на великой реке Сене, по которой проходит взаимная торговля многих земель, и он так хорошо защищен рекой и холмами вокруг нее, что едва ли третья часть его может быть осаждена одной армией. Молодой король и граф Фландрии, в окружении своих многочисленных войск, выжидали возможности переправиться через море вместе с флотом, который они приготовили в порту Морини (Morini) и из которого открывается самый короткий путь в Англию. Однако, узнав о том, что старый король уже находится в Англии, и несомненно хорошо подготовился встретить их нападение, они решили, что в этом месте переправляться через море небезопасно. Поэтому, они изменили свои намерения и, таким образом, все оснащение для флота, которое они подготовили, оказалось бесполезным. Рассудив, что осада Руана будет великим предприятием, и что было бы очень выгодным делом взять этот город, они стянули к этому месту свои огромные и внушающие страх силы и усилили армию осаждавших до невообразимой степени. Хотя столь огромная армия была невиданна в Европе уже много лет, все же, по причине трудности подступов к городу, они смогли подвергнуть осаде едва лишь его третью часть. По мосту через реку существовал свободный путь в город, а равно и путь из города, поэтому осажденные были снабжены всем необходимым в изобилии, тогда как вражеская армия, находясь поблизости, могла только наблюдать за этим и завидовать им.

Так что, пожалуй, мы могли бы на это заметить, что "Для сицилийских тиранов нет большего мучения, чем испытывать зависть". Когда сильные и бодрые люди созерцали это почти во все дни, не имея возможности помешать этому, они испытывали сильную досаду.

Для нападения на город были подготовлены осадные машины, осада была начата всерьез, и армия была разделена на 3 части, день также разделяется на 8 часов, так что люди могли сменять друг друга таким образом, чтобы свежие сменяли уставших, и таким образом они могли непрерывно сражаться и ни на малое время не оставляли в покое осажденных ни дне, ни ночью, чтобы те не смогли перевести дух. Но достигнуть своей цели им не удалось, поскольку горожане оборонялись с таким же искусством и предосторожностями, и также

разделились на 3 отряда, и при малейшей тревоге встречали врага, который продолжал атаки одну за другой. Так, достойным способом, они обеспечили себя от невыносимых трудов и усталости, которыми их пытались истощить.

После того, как они уже сражались в течении многих дней на пределе сил, и ни одна из сторон ничего не потеряла и не добилась какого-то ни было успеха, в день рождения Св.Лаврентия (10 августа), король Франции, из уважения к столь выдающемуся святому, которого он привык особенно глубоко почитать, приказал торжественно объявить, что на этот день городу даруется отдых. Горожане с благодарностью восприняли эту милость и с удовольствием воспользовались короткой передышкой предавшись самому бурному веселью. Молодые люди и девушки, старики и дети, так радовались этому дню, что врагов раздражили громкие голоса, звучавшие в городе, а в это время отряд воинов развлекал себя тем, что на виду у врага, на берегах реки вне стен города он устроил турнир. Как об этом говорили, граф Фландрии отправился к королю и сказал: “смотрите, город, на который мы уже положили так много трудов, сам собой отдается нам, так как те, кто находятся внутри заняты танцами, а те, кто снаружи предаются воинским упражнениям, чувствуя себя в безопасности. Поэтому, пусть войска, тихо возьмутся за оружие и пусть напротив городских стен быстро принесут осадные лестницы, и мы будем хозяевами города, еще до того, как те, что состязаются, нам в насмешку, вне городских стен смогут вернуться в город”. “Мне чуждо намерение запятнать мою королевскую честь такой грязью, сказал король, - тебе хорошо известно, что я предоставил городу отдых на этот день из уважения к наилегченнейшему Лаврентию”. На это все командиры присутствовавшие там, с фамильярной смелостью порицали его мягкость и сказали: “Кто спрашивает, будет ли это обманом или доблестью если мы обманем врага?”, и постепенно он позволил себя уговорить. Поэтому, ни по звуку трубы, ни по объявлению герольда, но по отдаваемым командирами шепотом приказам, в палатах армия была приведена в готовность атаковать город.

Однако, по воле Божьей, случилось так, что в этот час некие клирики, забавляясь тем или иным образом в высокой башне, находившейся внутри городских стен, с которой, когда враг приближался в стенам, обычно подавался сигнал горожанам, звоном в очень древний, но чудесно звучный колокол. Один из клириков случайно выглянул в окно, и ему в глаза бросилось то, что армия выходит из своих палаток, и сперва он удивился необычной тишине в лагере, который казался окутан какой-то тайной. Вскоре, взглянув попристальнее с этого высокого места, он увидел их тайные сборы, и когда он сообщил об этом своим товарищам, то те, звоня в Рувелль (так назывался этот колокол), сразу же подали хорошо известный сигнал в город.. Когда его услышали, то обе стороны поспешно устремились вперед со всеми своими силами. Войско, которое уже приготовилось, выбежало из лагеря и устремилось к стенам с осадными лестницами, а горожане, подстегиваемые нежданной опасностью, схватили свое оружие и с пылким духом устремились дать отпор противнику. Те, кто были заняты развлечениями вне города, прибыли на место с замечательной скоростью. Враги, добравшись до мест против стены для установки осадных лестниц, преодолели вал и уже слышались их триумфальные крики. Но вот! - они были храбро атакованы и отражены горожанами, и на валах разгорелся самый яростный бой на копьях, оружие и тела встречались друг с другом, и много крови пролилось с обеих сторон, и наконец, те, кто так гордо поднимались, были вновь скинуты головой вниз. Ночь положила конец битве, и армия предателей, понеся намного большие потери, чем нанесли сами, с позором удалилась в лагерь. Король возложил вину на графа Фландрии, но пятно такого позорного предательства впредь лежало в большей степени лично на короле. С этого дня осажденные определенно действовали более уверенно, а осаждающие более слабо и с чувством безнадежности.

Глава 37.

О том, как король восстановил мир в Англии и освободил Руан.

Тем временем, остававшийся в Англии король Генрих Старший, послал сказать комендантом замков, принадлежащих графу Лестеру, которого он в цепях привез с собой из Нормандии, предупредив их, что для блага их господина, они должны оставить свои замки, из которых, совершая вылазки, они наводняли провинции. Они потребовали разрешения спросить совета у своего господина, но в этом им было отказано, после чего

они заявили, что не будут повиноваться королевской воле до тех пор, пока он не освободит их господина. Король ответил: “Я не буду заключать с вами соглашения по этому поводу, но если, вы сделаете то, что угодно мне, то вы поступите хорошо”. И как говорили, что когда были принесены святые мощи, он поклялся, сказав: “Да поможет мне Бог и эти святые останки, но граф Лестер ничего не будет есть до тех пор, пока вы не сделаете с этими замками то, что угодно мне, однако, вам дается возможность оставить их как можно быстрее”. Тогда, видя, что их господину грозит быстрая и неминуемая погибель, если они будут сопротивляться и дальше, они немедленно оставили крепости.

Однако, граф Дэвид, который был у них главным, покинул замок Хантингтон, и тот вскоре сдался королю, а сам граф поспешно уехал в Шотландию. Эти успехи короля устрашили Гуго Биго и графа Феррара, и они также пришли к соглашению на условиях их личной безопасности в обмен на мир и верность.

Таким образом, обустроив, по воле Божьей, дела в Англии согласно своим желаниям, король с многочисленной армией быстро пересек море, захватив с собой короля Шотландии (который был к нему незадолго до этого доставлен), графа Лестера и других знатных пленников. Сопровождаемый ликованием людей по всей Нормандии по поводу его быстрого возвращения, он с большой торжественностью, на виду у врага, вступил в Руан,. За несколько дней до этого, прибыли посланники с известием о пленении короля

Шотландии, чем враги были очень огорчены, но при внезапном и триумфальном возвращении короля из Англии, они были поражены от своего удивления. Полагаясь, однако, на силу своего численного превосходства, они упорствовали в продолжении осады. Король ночью, тайком, выпустил отряд валлийцев, которых взял с собой из Англии, и они, пользуясь темнотой леса, укрылись в удобных местах (поскольку люди этого сорта привороты и опытны в лесах), чтобы наблюдать за тем, откуда обозы будут доставлять припасы для такой большой армии. Валлийцы, использовали эту возможность для собственной выгоды и выскочив из леса, напали на обозы и обратили охранявших их всадников в бегство. И уничтожив всех обозных, с великим смертоубийством людей и выночных животных, они опять ушли в леса. Вскоре распространились вести, что леса полны валлийцев, и армия, из-за того, что ее обозы были перехвачены, испытывала голод в течении 3 дней. При такой нужде, осада была свернута, и принцы распустили свои огромные армии, не унеся никакой другой награды за свои великие труды, кроме позора. Однако, они сохранили свои боевые порядки, чтобы отвратить угрозу удара врага в тыл.

Таким образом, чтобы ни пытались приготовить против короля Англии его многочисленные враги, все обращалось к его славе, поскольку ему благоприятствовал сам Бог.

Глава 38.

О примирении королей и успокоении их королевств.

Пока Бог улыбался этому государю во всем, что делал он, или что делалось около него, его враги были столь испуганы и унижены его многими славными и успешными

действиями, что стали задумываться о мире, и именно те, кто были главными зчинателями смуты, теперь стали посредниками в деле восстановления единства. В соответствии с этим, состоялся большой съезд всех сторон, на котором были успокоены и смертельная вражда государей и смуты в провинциях. Граф Фландрин вернул королю Англии все, что принадлежало тому по праву, но чего он лишился из-за случайностей войны, и он обещал на будущее, в залог безопасности, принести оммаж. Что до наинеблагодарнейшего сына, то он также вернул милость отца, и обещал на будущее повиновение и сыновнюю почтительность, под поручительство многих людей, которые поклялись в его преданности. Но король, принял и новые меры против этих неблагодарных и не внушающих доверия сыновей тем, что благоразумно истребовал от них оммаж, который и был торжественно принесен. И было это желанием его отца, что тот, кто так непочтительно порвал сильнейшую природную связь, связь подобную паутине паука, должен, по крайней мере, быть связанным еще и той связью, которая почетна и принята гражданским или народным правом, и поскольку написано “И нитка в трое скученая, не скоро порвется” (Екклезиаст 4,12), то тот, кто попрал природу и законы природы, которые должен был соблюдать по отношению к отцу, должен быть, с учетом двойных уз и присяги и вассальной верности, по крайней мере, быть честным в соблюдении оммажа. И он должен был на будущее остерегаться своего отца, который был теперь не просто отцом, но и прямым сеньором, и не мог бы по справедливости объявить против него приговор, как было возвещено Господином господ, устами его пророка, против неверного народа: “Если я отец, то где почтение ко Мне? и если я Господь, то где благоговение передо Мной?” (Малахия 1,6). Его юные братья, которых он, по совету французского короля, также увел от отца, он же и вернул к нему, и о них было мало вопросов, поскольку их юность была их оправданием.

Кроме того, по заступничеству короля Франции и других государей, которые там присутствовали, он полностью освободил графа Лестера и остальных пленников, за исключением короля Шотландии, и дав им свободу, он восстановил все их состояние и положение. Он также намеревался, в свое время, на принципах благородства и милосердия, таким же образом поступить и с королем Шотландии. Однако, со временем, когда, вероятно уже казалось, что он уже забыл то, что делали против него неблагодарные и неверные, он внезапно приказал срыть стены Лестера, а также укрепления всех, кто покинул его оставив одного. Таким образом, он обезопасил себя на будущее, обломав у гордых рога, так, чтобы они не смогли сделать ничего подобного при следующем удобном случае. Впоследствии он также освободил и короля шотландцев, обеспечив себя с его стороны тем, что тот должен был выполнить определенные условия. Приехав в Англию, местом осуществления этих обязательств он назначил город Йорк. Придя туда в окружении большого числа ноблей, он встретил короля шотландцев, вместе со всей знатью его королевства, и все они, в церкви благословенного князя апостолов, принесли оммаж и вассальную присягу королю Англии, как своему верховному сеньору, и таким образом, они связали себя торжественным обязательством действовать с ним и рядом с ним против всех, даже против своего собственного сюзерена. Король Шотландии, также перед всем множеством ноблей обоих королевств, обычным способом, признал короля Англии своим сеньором и то, что теперь он сам является его вассалом. Он также передал ему, в качестве залога, три главные крепости своего королевства, а именно - Роксборо, Бервик и Эдинбург. Когда все это свершилось, то люди возрадовались долгожданному миру, и король Англии стал, благодаря своим успехам в столь многих предприятиях, известен во всем мире. Так окончилась эта война, война еще более худшая, чем гражданская, война между отцом и сыном, которая принесла так много трагедий столь многих людям.

Рассказав об этих вещах, мы теперь подвели к концу вторую книгу нашей истории.

Здесь кончается вторая книга.

Текст переведен по изданию: The Church Historians of England, volume IV, part II; translated by Joseph Stevenson (London: Seeley's, 1861). Электронная версия:
<http://www.fordham.edu/halsall/basis/williamofnewburgh-intro.html>

© сетевая версия - Thietmar. 2006

© перевод - Раков. Д. Н. 2006

© дизайн - Войтехович А. 2001

ВИЛЬЯМ НЮБУРГСКИЙ

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

HISTORIA RERUM ANGLICARUM

КНИГА III

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ТРЕТЬЯ КНИГА

Оглавление.

Глава 1. О соборе в Лондоне, об утверждении архиепископов и о наводнении в Голландии.

Глава 2. О примирении владыки папы и императора.

Глава 3. Декреты Латеранского собора.

Глава 4. О смерти короля Франции и о событиях, которые произошли в Константинополе.

Глава 5. О переделе общественных денег и о смерти архиепископа Йоркского.

Глава 6. О Сверрире (Sverre), короле Норвегии.

Глава 7. О смерти короля Генриха III и его брата Жоффруа

Глава 8. О смерти архиепископа кентерберийского и утверждении епископа в Линкольне.

Глава 9. О походе против Роланда и о некоторых событиях в Ирландии.

Глава 10. О приезде патриарха в Англию, о смерти короля Иерусалимского, о правлении его сына и о Саладине.

Глава 11. О том, как Саладин сначала был побежден и о том, как позже возобладал.

Глава 12. О причине приезда патриарха в Англию.

Глава 13. О том каким образом патриарх вернулся назад не добившись успеха.

Глава 14. О раздоре королей и их последующем примирении.

Глава 15. О привилегии земли иерусалимской, по причине которой она столь часто пожирает своих обитателей.

Глава 16. О Гуго, короле Иерусалима.

Глава 17. О битве, в которой погибла христианская армия, и был взят в плен король вместе со Святым Крестом.

Глава 18. О том, каким образом Саладин занял Землю Обетованную и Святой Город.

Глава 19. О том, как маркграф Конрад укрепил Тир и о смерти графа Триполи.

Глава 20. Об осаде Тира и о возвращении короля из плена.

Глава 21. О смерти папы Урбана и о назначении Григория.

Глава 22. О смерти папы Григория.

Глава 23. О том как короли и многие нобли приняли крест.

Глава 24. О сборе десятин и том, как император и его люди приняли крест.

Глава 25. О том, как королем Франции был нарушен договор и о последовавшей затем смерти короля Англии.

Глава 26. О характере короля Генриха.

Глава 27. О трудной и длительной осаде Акры.

Глава 28. О смерти Вильгельма, короля Сицилии, и о тех злодеяниях, что за этим последовали.

Глава 1

О соборе в Лондоне, об утверждении архиепископов и о наводнении в Голландии.

В году 1175 от того времени, когда на земле родилась Истина, который был 22-м годом правления короля Генриха II, в Лондоне торжественно заседал провинциальный собор на котором присутствовали архиепископ кентерберийский Ричард, легат святого престола, и полное собрание его суффрангов и других людей церкви. Однако, на следующий год, уж я не знаю по какой причине, в Англию приехал легат апостолического престола Гуго.

Собираясь, с одобрения и при благосклонности короля, созвать общий собор для всей Англии, он созвал в Лондон духовных особ из обоих провинций - Лондона и Йорка. В день, назначенный для открытия собора, когда он намеревался отправиться с инсигниями к своему месту, между двумя архиепископами возник неистовый спор по поводу председательства на соборе, подтвердив, насколько апостольский закон «в почтительности друг друга предупреждайте» (Римлянам, 12,10) игнорируется епископами нашего времени, - настолько, что они, отложив в сторону свои пастырские заботы и нанося ущерб своему достоинству, стали упрямо бороться друг с другом, и почти целиком весь спор между епископами касался лишь притязаний на почести. Короче, архиепископ йоркский, прияя пораньше, занял председательское кресло, претендуя на него, как на свою собственность и ссылаясь при этом на древний декрет Св. Григория, которым

постановлялось, что тот, кто был посвящен в сан первым, тому и следует быть главой митрополии Англии. Однако, архиепископ кентерберийский, словно человек, которому нанесли ущерб, отказался занять более низкое место и торжественно заявил о своей обиде по поводу того, что председательское кресло оказалось преждевременно занятым, а его приближенные, еще больше ревнуя о его достоинстве, перешли от простого словопрения к шумному скандалу. Так как противная партия оказалась сильнее, то архиепископ йоркский с оскорблениеми был согнан с того места, которое он столь преждевременно занял, и демонстрировал легату свою порванную мантию, как доказательство примененного к нему насилия, и высказал намерение призвать архиепископа кентерберийского вместе с его сторонниками к суду святого престола. Таким образом, пока митрополиты боролись друг с другом, все дела были приведены в беспорядок, и собор не состоялся, но рассеялся, а все, кто был на него созван и явился, чтобы принять участие в совместных заседаниях, вернулись по домам.

В том же году, в котором вышеупомянутый кардинал приехал в Англию, Океан, как будто разгневался на детей человеческих, и поднявшись выше, чем обычно, прорвал дамбы Голландии, которые были в старину воздвигнуты против бурной силы волн, и обрушился на плоскую низменную страну на седьмой день январских ид (7 января), утопив почти всех коров, а вместе с ними и множество людей. Оставшиеся с трудом спаслись, взобравшись на деревья или на крыши своих домов. Спустя примерно 2 дня, когда ярость волн насытилась, море вернулось в свои берега, но это наводнение оказалось сверх всякой меры смертельный для людей и животных, поскольку оно явилось, словно вор, ночью, и не было возможности ни его вовремя заметить, ни от него защититься.

Глава 2.

О примирении владыки папы и императора.

В году 1177 от разрешения Девы и на 18-м году понтификата владыки папы Александра, умиротворился неиссякаемый гнев императора Фридриха на почтенного понтифика. Гнев его был отвратительным, и поскольку он был свирепым, ярость его находила себе выход в жестокости. И благословен будет Господь, который «касается гор и они дымят», поскольку он укротил этот гнев и успокоил эту ярость. Главные схизматики исчезли, благодаря правосудию Божьего суда - то есть Октаавиан, которые первым незаконно захватил папское место, и наследник его опрометчивости - Гвидо из Кремы. И когда Иоанн, аббат Струмы (Strumaе), стал уже третьим, кто продолжал заблуждение, император, которого наконец-то, коснулось раскаяние, через посредничество мудрых и благородных людей начал переговоры о мире.

Таким образом, эти два великих государя, сакральный и императорский, милостью Божьей, торжественно встретились в девятые календы августа (24 июля) и стали друг другу отцом и сыном. Церковь вновь стала единой, после того как все зачинатели и разжигатели схизмы либо покаялись, либо уже были мертвы. Человек, который после кончины Октаавиана и Гвидо стал продолжателем схизматической ярости, теперь, когда истекла прежде окружавшая его благосклонность императора, был наконец, повергнут в смущенное, удрученное и томительное состояние. По поводу этих счастливых событий, наш владыка папа, желая торжественно отметить радость воссоединения, произошедшего после столь долго длившихся раздоров, назначил всеобщий собор, который должен был собраться в Латеране в 5-е иды марта (11 марта), на 20-м году его понтификата, в 1179 году от разрешения Девы. На этот собор он созвал епископов со всего латинского мира и аббатов главных монастырей. Однако, его приглашение приехать на собор было не очень искренним, как выяснилось из ловкого условия, продиктованного римской жадностью -

поскольку многие из приглашенных были повинны в симмонии, и многим путешествие на собор представлялось делом трудным или невыносимым, то они получили послабление при условии уплаты денег, и плата эта была очень оскорбительна и не уплачиваема добровольно, но бесчестно взимаема. Мы думаем, что декреты этого собора должны быть вставлены в нашу историю.

Глава 3.

Декреты Латеранского собора.

Канон I.

Хотя нашими предшественниками были изданы достаточно ясные вердикты о том, как избежать разногласий при выборе римского понтифика, но поскольку часто случалось, что после этих выборов, из-за дерзости дурной гордыни, церковь испытывала серьезную схизму, то также и мы, по совету наших братьев и с одобрения священного собора, во избежания этого зла, должны постановить, что кое-что еще должно быть добавлено в эти предыдущие установления. Поэтому, мы постановляем, что если случиться так, что враг посеет разногласие среди кардиналов, и среди них не будет полного согласия относительно того, кого избрать понтификом, и две части из них придут к согласию, а третья откажется согласиться с ними или будет намерена выдвинуть из своих рядов другого кандидата, то пусть тогда, епископ, который был избран и признан двумя частями, да будет принят вселенской церковью. Но если кто-нибудь, доверившись выбору третьей части, сам собой узурпирует имя епископа, на которое не может в действительности претендовать, то пусть и он, а также и те, кто признает его, будут отлучены от церкви, и пусть они будут наказаны тем, что будут лишены всех священных обрядов, и даже последнего причастия, кроме только самого последнего конца; и до тех пор, пока они не вернутся на путь мудрости, пусть им будет уготована участь Датана и Абирама, которых живьем поглотила земля. Кроме того, если кто-нибудь будет избран на апостолический престол менее, чем двумя частями, то до тех пор, пока на его избрание не согласится большее число и не наступит большее согласие, то пусть он никоим образом не считается избранным, и если он сам не пожелает смиренно отступиться, то пусть подвергнется вышесказанному наказанию. Однако, пусть от этого постановления не возникнет ущерба каноническим институтам и другим церквям, в которых должно возобладать постановление простого большинства более мудрой части. Потому, что если у них могут возникнуть какие-то разногласия, то они могут быть разрешены постановлением суда высшей власти, но Римский двор и Римская церковь – случай особый, поскольку здесь нельзя обратиться за помощью ни к кому более высокому.

Канон II.

Возобновляя то, что было сделано нашим предшественником, счастливой памяти Иннокентием, мы настоящим объявляем, что те назначения, которые были сделаны ересиархами Октаавианом и Гвидо, а также наследовавшему им Иоанном из Струмы, будут недействительны, и также недействительны и те, что были сделаны назначенными ими лицами. Мы также постановляем, что те, кто получил церковные назначения или бенефиции от вышеупомянутых схизматиков, настоящим постановлением лишаются всего, что получили. Отчуждения или посягательство на церковные имущества, которые были сделаны этими же схизматиками или мирянами, равным образом являются лишенными всякой силы и возвращаются церкви без всяких претензий. Если кто собирается противодействовать этому, то ему надлежит знать, что он попадет под отлучение; и тем же самым мы постановляем, что те лица, которые добровольно приняли

обеты ради продолжения схизмы, будут временно лишены своего положения в священных орденах и своего достоинства.

Канон III.

Поскольку, вообще, во всех членах святых орденов и служителях церкви ожидается и желается видеть зрелость возраста, серьезное поведение и знание литературы, но еще больше ожидается видеть эти достоинства в лице епископа, который управляя другими, должен показывать им своим примером, как надлежит вести себя в доме Господнем. По этой причине, и как бы это не задевало некоторых лиц, руководствуясь требованием времени и необходимостью создать прецедент для потомков, мы настоящим декретом постановляем, что никто не будет избран епископом, пока ему не исполнится полных 30 лет, он должен быть рожден в законном браке и при этом, должны быть явными и достойными похвалы и его образ жизни, и его знания. Когда избранный, получив подтверждение своего избрания и получив в свое управление достояние церкви, пусть он, по истечении времени определяемого каноном для посвящения в епископы, получит право свободного распоряжения теми бенефициями, которые ему полагаются и которых он до сих пор был только хранителем. Что до нижестоящих служителей церкви, а именно, деканов, архидиаконов и других, имеющих на попечении вверенные им души, то пусть эти звания не принимает ни один человек, даже от управления церковного округа, до тех пор, пока не достигнет 25-ти летнего возраста и не будет достоин похвалы и за свои знания и свое поведение. Но если тот, кто был назначен архидиаконом, либо деканом, или те, кто был намечены для этих должностей, но еще не были рукоположены в священники в течении установленного каноном времени, то пусть они будут отстранены от этих должностей, и пусть для занятия этих должностей рассмотрят кандидатуру другого человека, который, соответственно, и будет более пригодным и более подготовленным занять ее. И да не поможет никому защититься никакая апелляция, если он пожелает воспользоваться ею при нарушении настоящего декрета. Далее, мы приказываем, чтобы этот декрет соблюдался не только по отношению к тем, кто получит назначение в будущем, но (если этому не противоречат каноны) также и к тем, кто назначения уже получил. Поскольку нам представляется, что строгость церковной дисциплины заставит подчиниться тех, кого от делания зла не останавливает страх перед Богом, то пусть будет известно клирикам, что если они изберут кого-нибудь против этого установления, то будут лишены права избирать, и кроме того, еще будут отстранены от церковных бенефиций сроком на 3 года. И еще, если епископ будет поступать в отношении вышеупомянутых должностей вопреки вышесказанному, или станет известно, что он намеревается так поступить, то пусть он будет лишен своей власти собранием каноников, а если каноники не пожелаюят этого сделать – то властью митрополита.

Канон IV.

Хотя церковная дисциплина, которая основывается на суде священнослужителей, как сказал благословенный папа Лев, избегает наказаний, связанных с пролитием крови, все же, допустимо, чтобы ей сопутствовали законы католических государей, поскольку люди часто могут видеть благодетельное средство, только когда боятся телесного наказания или предвидят то наказание, которое может их постигнуть. По этой причине, поскольку с некоторых пор в Гаскони, в графстве Альбижу, и на землях вокруг Тулузы, и в других местах набрали силу заслуживающие осуждения упрямствующие еретики (которых одни зовут катарами, другие публиканами, иные патаренами, а остальные - другими именами) так, что теперь они проповедуют свое зло между людьми не в тайне, подобно другим подобным еретикам, но объявляют о своем заблуждении открыто и увлекают простых и слабых людей в общению с собой, то мы объявляем, что и они, и те, кто их защищает, и те,

кто их принимает находятся под анафемой. И мы запрещаем под угрозой анафемы кому бы то ни было держать их у себя в доме, или укрывать их на своей земле и предписываем воздерживаться от ведения каких бы то ни было дел с ними. И если им суждено умереть во грехе, то ни под каким предлогом, ни в коем случае, они не должны пользоваться теми дарами, что мы даем всем людям - они должны быть лишены причастия и им не должно быть дозволено погребение среди христиан.

Канон V.

Относительно людей Брабанта и Арагона, Наварры, Басконии и Котрелля (Coterell), которые выказывают такие злодеяния перед христианами, что не различая ни церквей, ни монастырей, не разбирая ни возраста, ни пола, не щадя ни вдов, ни сирот, ни детей, ни стариков, но подобно язычникам разрушают и уничтожают все сущее, мы, подобным же образом, постановляем, что и они и те, кто берет их на службу, или содержит, или поддерживает их - все они да будут отлучены от церкви, о чем всенародно будет объявляться по воскресеньям и в другие праздничные дни во всех церквях во всех землях, которые они наводняют, и что к ним следует относиться с твердостью и подвергать такому же наказанию, как и еретиков, и не принимать их в общение с церковью, пока они не откажутся от этого зловредного сообщества и ереси. Кроме того, пусть они знают, что они освобождены и от уз вассальной верности, и от оммажа, и от обязательств любого рода, так долго, пока они продолжают это беззаконие, и никто с ними не связан никакими узами и не может по отношению к ним ничем сдерживаться. Мы также предписываем всем верным христианам, ради отпущения их грехов, противостоять этим бедствиям и с оружием в руках защищать от них христианский народ. Также, пусть их добро будет конфисковано и пусть государи будут вольны продавать таких вредоносных людей в рабство. Но что касается тех, кто умрет в истинном раскаянии, то пусть они не сомневаются, что получат отпущение, даруемое всем грешникам и смогут воспользоваться плодами вечного блаженства. Полагаясь также на милосердие Господа, и властью благословенных апостолов Петра и Павла, мы смягчаем двухлетний срок эпитетии для тех верных христиан, которые выступят с оружием против этих еретиков, и по совету епископов или других прелатов, будут воевать с ними ради их уничтожения. Если же на них наложена более длительная эпитетия, то мы вверяем рассмотрение этого на суд епископов, к которым должна быть отнесена забота об этом деле, и по их решению, в зависимости от заслуг, им может быть дарована и еще большая индульгенция. Но относительно тех, кто по наблюдению епископов, с презрением относится к повиновению в этом вопросе, мы постановляем, что они должны быть лишены причастия телом и кровью христовой. Кроме того, тех, кто в порыве веры, принял на себя труд воевать с этими людьми, мы принимаем, равно как и тех, кто отправляется к гробу Господню, под защиту церкви, и мы постановляем, что они будут оставаться под защитой, как их имущество, так и они сами. И если со временем, кто-нибудь вознамерится предпринять что-нибудь против них, то пусть епископ данного округа отлучит того от церкви. Пусть это положение соблюдается всеми людьми до тех пор, пока не восстановится нарушенная добродетель и не будут получено соответствующее воздаяние за причиненные бесчинства. Но пусть епископы и священники, которые не оказывают сильного сопротивления таким людям, будут отстранены от своих должностей до тех пор, пока не удостоятся вернуть себе милость святого престола.

Канон VI.

Существует великое зло (и ущерб тех, кто страдает от него, не меньшее, чем грех тех, кто делает его) в правителях и советниках государств в разных частях мира, а также и в тех, кто имея власть, чинит столь много трудностей церквям, и облагает их такими тяжелыми

и частыми поборами, что кажется сан священника пребывает в еще худшем положении, чем мог бы быть при фараоне, который был лишен знания божественного права. В самом деле, тогда, когда все другие были обращены в рабство, он вернул к прежней свободе и самих священников, и их достояние, и еще снабдил их имуществом из государственной казны. Но зато те люди, что сейчас перекладывают на церкви едва ли не все свои собственные трудности, и вовлекают их во многие беспокойства, поступают так, что кажется прямо к ним относится порицание Иеремии: «Государыня между странами, как же она стала данницей!» (Плач Иеремии, 1,1 (русский перевод: «... великий между народами князь над областями сделался данником»)). Всякий раз, то ли для постройки укреплений, то ли для похода, то ли для любых других целей, которых они захотят достичь - всякий раз они хотят, чтобы все это делалось на средства, вверенные церкви и бедным служащим Христа. Они также умаляют суд и авторитет епископов, так что кажется, тем не остается никакой власти над их собственными людьми. Вещи эти для церквей не менее горестны, чем жалость к тем, кто, по-видимому, совершенно отбросил прочь страх перед Богом и почтение к церковному порядку. Отныне мы, под страхом анафемы, строго запрещаем им предпринимать любые попытки так поступать в будущем, если только сам епископ или клирики не признают существование такой необходимости и полезности, и тогда, если средства мирян не будут достаточны для общих нужд, то помочь со стороны церкви можно оказывать без ограничения,. Но если канцлеры, или другие лица и впоследствии будут совершать такие дела, и после предупреждения не откажутся от них, то пусть они, также как и их соучастники, знают, что они попадут под отлучение от церкви, и они не будут воссоединены с миром верных христиан до тех пор, пока не покаятся и не дадут достаточную компенсацию.

Канон VII.

Кроме того, поскольку дерзость некоторых мирян простирается так далеко, что они, пренебрегая властью епископов и институтом клириков в церквях, еще и смешают их, когда им это угодно, и таким же образом, распределяют владения и прочее добро церкви, в большинстве своем, руководствуясь только своим желанием и намереваясь обременить залогами и вымогательствами и сами церкви, и людей церкви. Поэтому, мы постановляем, что те лица, которые уже совершили такие действия, будут покараны анафемой. Однако, священник или клирик, который смог получить церковь от мирянина помимо власти своего собственного епископа, пусть будет отлучен от общения с христианами, а если он продолжит упрямиться, то пусть будет низложен со своей должности, и его достояние будет у него конфисковано.

Канон VIII.

Поскольку некоторые миряне заставляют священнослужителей, и даже самих епископов, подчиняться своему суду, то мы постановляем, что тот, кто впредь вознамериться поступать таким образом, должен будет быть отлучен от общения с христианами. Кроме того, мы запрещаем тем миряням, которые к ущербу для своих душ удерживают у себя десятины, передавать их каким-либо образом другим миряням. Но если те получат их, и не вернут церкви, то пусть они будут лишены христианского погребения.

Канон IX.

В некоторых местах основатели церквей или их наследники злоупотребляют той властью, которой до сих пор они оказывали поддержку церкви. Хотя в Божьей церкви должен быть один председательствующий, но тем не менее, они выбирают многих, никак не соотнося это с иерархией, и хотя одна церковь должна принадлежать одному пастору, но они, ради

того, чтобы расширить свой патронаж, отдают ее многим. Имея это в виду, мы устанавливаем настоящим декретом, что если случится так, что желания основателей разделятся на несколько частей, то пусть в церковь будет назначен тот, кому помогают наибольшие достоинства и тот, кто будет избран и одобрен согласием большинства. Но если, при этом не обойдется без скандала, то пусть епископ, таким же образом, подарит церкви того, кто покажется ему наилучшим исполнителем Божьей воли. Пусть также ему представится возможность сделать это и в том случае, когда между несколькими патронами возникнет спор по поводу прав патронажа, и если они сами в течении 3 месяцев не решат, кто из кандидатов является наиболее подходящим.

Канон X.

Принимая во внимание то, какая жестокая алчность захватила умы некоторых людей, что хотя они и гордятся именем христиан, но передают свое оружие, железо и дерево для галер сарацинам, и они становятся равными им (или даже худшими, чем они) злодеями, снабжая их оружием и необходимыми припасами для борьбы против христиан; и принимая во внимание, что есть также люди, которые ради своей корысти командуют и управляют галерами и пиратскими кораблями сарацин, мы постановляем, что этих людей надо отторгнуть от общения с церковью, и мы накладываем на них отлучение за их беззакония, а католическим государям и правителям государств следует, когда они со временем будут схвачены, наказать их, лишив имущества и обратив в рабство. Мы также приказываем, чтобы против них в приморских городах объявлялись частые и торжественные отлучения. Пусть впредь будет налагаться наказания в виде отлучения от церкви на тех, кто намеревается захватывать или грабить добро тех римлян и прочих христиан, которые по торговым или благородным причинам заняты мореплаванием. Также и те, кто из-за достойной осуждения жадности, намеревается грабить добро тех христиан, что потерпели кораблекрушение, и которым, в соответствии с принципами веры, они обязаны были оказать помощь - пусть такие знают, что до тех пор пока они не вернут то, что взяли, они будут находиться под отлучением.

Канон XI.

Монахи не могут принимать в монастыре деньги, и им не дозволяется владеть частной собственностью. Они не могут назначаться поодиночке в поселки и города, или в какие-либо отдельно стоящие церкви, но пусть они остаются пребывать в составе больших общин. Если же, когда их может ожидать конфликт с их духовными врагами среди светских людей, пусть они будут вместе с кем-нибудь из братьев, ибо Соломон сказал: «Горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его» (Экклезиаст 4,10). Но если кто-нибудь, по выдвинутому требованию, заплатит что-нибудь за свое назначение, то пусть его не допускают к святым таинствам, а тот, кто примет эту плату пусть будет наказан лишением своей должности. И еще, тот, кто владеет частной собственностью, если только это не было поручено ему аббатом для выполнения возложенного на него поручения, то пусть тот будет отстранен от вхождения в алтарь, а тот, кто окажется владеющим собственностью в свой смертный час, пусть не получит ни причастия, ни права погребения среди братьев. Мы также настоящим приказываем, чтобы это соблюдалось в отношении различных духовных орденов, и пусть аббат, который не заботится о соблюдении этих вещей знает, что ему грозит потеря должности. Ни приорства, ни должности подчиненные приорству нельзя отдавать за плату тому, кто платит за них. Более того, пусть платящий и получающий будут изгнаны из рядов служителей церкви. Но приоры, которые уже были назначены в монастырские церкви, не будут смещаться, если только для этого не найдется ясного и основательного повода, например, если они не станут немощными, или если будут вести невоздержанную жизнь,

или сделают что-нибудь, за что могут быть спокойно удалены, за исключением, конечно, тех случаев, когда они, по совету братии, будут переведены на другое место, если в том возникнет такая нужда, или же для занятия более высокой должности.

Канон XII.

Хотя апостол Павел говорит, что большее внимание следует оказывать слабым членам, все же, вопреки этому, некоторые лица, блюя интересы свои, но не христовы, не позволяют, чтобы прокаженным, которым не дозволяется жить вместе со здоровыми, была бы добавлена должность их собственного священника, и это надо рассматривать как дело, самое далекое от христианского милосердия. Поэтому, в нашей апостолической доброте, мы приказываем, что там, где есть их достаточное число, и они собирается вместе в общину, и там, где есть возможность поставить церковь вместе с кладбищем для них, и если их можно обрадовать поставив священника из их собственных рядов, то это и следует допустить, не допуская какого-либо противодействия. Однако, пусть они никоим образом не нарушают приходские права старых церквей, поскольку мы не хотим, чтобы то, что мы предоставляем им из жалости способствовало ущербу для других. Мы также постановляем, что они должны будут платить десятины за свои сады и пастбища для своего скота.

Канон XIII.

Ни евреям, ни сарацинам да не будет дозволено иметь христианских слуг в своих домах, ни под предлогом обучения их детей, ни в качестве рабов, ни для каких бы то ни было других целей. Более того, пусть будут отлучены те, кто намеревается жить вместе с ними. Далее, мы объявляем, что свидетельство христиан против евреев должно рассматриваться во всех случаях, когда евреи выдвигают своих собственных свидетелей против христиан; и мы постановляем, что все лица, кто бы они не были, которые в этом отношении предпочтут евреев христианам, будут преданы анафеме, потому, что евреи обязаны быть подчинены христианам, а не только из соображений простой гуманности поддерживаться ими. Однако, если какие-нибудь евреи, вдохновленные Богом, обратятся к христианской вере, то у них в коем случае нельзя урезать их имущество, поскольку они должны радоваться своей лучшей доле, по сравнению с той, что несли до тех пор. Но если произойдет обратное, то мы предписываем государям или правителям тех мест, под страхом отлучения, возвратить им в полном объеме все их наследственное достояние и добро.

Канон XIV.

Поскольку некоторые люди, не имея пределов своей жадности и вопреки установлениям святых канонов, стремятся заполучить по несколько церковных должностей и множество приходских церквей, так, что хотя они едва ли способные исполнять одну должность, но при этом урывают для себя доходы от многих, то мы самым строгим образом предписываем, чтобы в будущем этого не происходило. Поэтому, когда ожидается, что церковь, или должность при церкви должна к кому-нибудь перейти, то следует отыскать такого человека, который смог бы жить на одном месте и самолично исполнять положенные обязанности. Но если это было сделано иначе, то пусть тот, кто это получил, потеряет то, что было получено вопреки священным канонам, и пусть тот, кто дал ему это, будет лишен власти давать. И поскольку честолюбие некоторых людей простирается так далеко, что (как об этом докладывают) они удерживают и не два, и не три, но шесть или более мест, в то время как сами неспособны служить должным образом и на двух, то мы приказываем, чтобы это было исправлено нашими собратьями - нашими верными

епископами, а с того множества людей, которые поступали противно канонам, что служило причиной распущенной жизни и пренебрежения своими обязанностями, да еще несло некоторую для душ, должно взыскать рельеф в помощь тех бедных, которые окажутся способными служить в церквях.

Канон XV.

Поскольку почти повсюду преступление ростовщичества получило такую силу, что люди откладывают в сторону другие виды деятельности и занимаются ростовщичеством, как будто оно является законным, и не никак не принимают во внимание то, с каким осуждением о нем написано в обоих Заветах, то мы приказываем, чтобы явные ростовщики никогда не допускались к алтарю, не имели бы христианских похорон, в том случае, если умерли в этом грехе, и чтобы никто не принимал от них пожертвований. А тот, кто примет его, или даст им христианское погребение, должен будет не только возвратить все, что получил, но его еще следует временно отстранить от должности, до тех пор, пока он не сделает за это достаточного возмещения, размер которого определяется волей его епископа.

Канон XVI.

Хотя в обителях милосердия мы должны быть благодарны в первую очередь тому, благодаря кому мы, как это осознаем, и получили данный бенефиций, все же, в противоположность этому, некоторые клирики, хоть и получили многие привилегии от своих церквей, предпочитают те богатства, что приобрели благодаря этим церквям, передавать другим людям. Теперь, хотя это уже и было достаточно определенно запрещено древними канонами, мы также, еще раз, это запрещаем. Также, желая обеспечить целостность церквей, в случаях, когда кто-нибудь умер без завещания, или желал бы отдать церковную собственность другим, мы приказываем, чтобы его добро оставалось в распоряжении церкви.

Канон XVII.

Кроме того, поскольку некоторые лица были назначены за деньги в различные места под именем деканов, и за некоторую сумму денег осуществляют епископскую юрисдикцию, настоящим декретом мы приказываем, что те кто будущем вознамерится так поступить, будут отстранены от должности, а епископ потеряет право назначения на такую должность.

Канон XVIII.

Хотя во всех церквях должно выполняться беспрекословно то, что представляются добрым старшей и более многочисленной части братьев, но существует прискорбное зло, которое само по себе достойно осуждения - когда в некоторых церквях несколько человек препятствуют решениям многих и не позволяют идти своим чередом церковному распорядку, и не по какой-нибудь достойной причине, а лишь из-за своего хотения. По этой причине мы принимаем настоящий декрет, что если меньшая и худшая часть не покажет разумность [своего мнения], то пусть на совете возобладает решение большей и более мудрой части, и это решение должно осуществляться беспрекословно. И при этом не должно быть препятствий, если кто-нибудь, согласно обычаю своей церкви, вдруг скажет, что он де связан клятвой - для таких это будет скорее не клятвой, а лжесвидетельством, которое было дано без какого-либо согласия со стороны церкви, и без согласия с установлениями святых отцов. Но если кто-нибудь захочет поклясться в

соответствии с таким обычаем, который не имеет разумного основания и не согласуется со священными установлениями, то пусть тот будет лишен причастия Тела Господня до тех пор, пока не исполнит наложенную на него эпитимию.

Канон XIX.

Кроме того, таким же образом, мы приказываем, что священники, клирики, монахи, чужестранцы, новообращенные, купцы и землепашцы, и отправляющиеся в путь, и возвращающиеся, и занятые земледелием, и занятые разведением скота, который они или впрягают в плуг, или которым они засевают семенами поле - все они должны наслаждаться полной безопасностью; никто и нигде не должен иметь намерения издавать новые статуты, требовать новых пошлин, или каким-либо образом увеличивать старые.

Если кто-нибудь будет поступать противно этому декрету, и не успокоится после предупреждения, то пусть тот будут лишен христианского общения до тех пор, пока не заплатит за это полного возмещения.

Канон XX.

Поскольку апостол решил, что он и его последователи должны поддерживать себя трудом рук своих, для того, чтобы лишить лже-апостолов возможности проповедовать, и еще для того, чтобы не быть бременем для тех, кому он проповедовал, то представляется очень прискорбным, и подлежащим исправлению, то, что некоторая часть нашей братии и собратьев-епископов столь тягостны своим подчиненным при ведении своих дел, что подчас заставляют их продавать церковные украшения, и в короткое время истребляют те продукты, что накапливались долгое время. Посему мы постановляем, что архиепископы, при посещении своих диоцезов (принимая во внимание различие между их провинциями и доходность их церквей) никоим образом не должны передвигаться с обозом более 40 или 50 лошадей; епископы - 30 или 20, кардиналы - 9 или 15, архидиаконы - 5 или 7, а назначенные им в подчинение деканы должны довольствоваться двумя лошадьми. И при этом они не должны отправляться в свои поездки с охотничими собаками или птицами; но пусть они едут с такими вещами, о которых никто не подумает, что они могут принадлежать им самим, но которые принадлежат Иисусу Христу. Мы также запрещаем епископам угнетать тех, кто ниже их налогами и вымогательствами, но мы поддерживаем их, в том случае, если для этого есть ясная и разумная причина, как, например, когда среди многих нужд, которые возникают время от времени, они требуют от них умеренной помощи ради дела милосердия. Поскольку, как говорил апостол, не дети должны запасать средства для родителей, но родители для детей, то представляется весьма далеким от отческих обязанностей, то, когда главы церкви угнетают тех, кто стоит ниже их, тех которых они обязаны, в случае необходимости, лелеять, подобно пастырю. Однако, пусть архидиаконы или деканы не требуют никаких выплат и налогов от священников или клириков. Более того, пусть то, что было решено относительно ограничения числа лошадей соблюдается в тех местах, где доходы и средства духовенства вполне достаточны; однако, мы желаем, чтобы в более бедных местах были приняты такие меры, чтобы нижестоящие могли не испытывать нужды при прибытии вышестоящих, и чтобы те, кто привык использовать меньшее количество лошадей, не подумал бы, что настоящим декретом ему дозволяется пользоваться большей властью.

Канон XXI.

Также, никакая церковная бенефиция, или должность, или церковь не могут быть отданы или обещаны кому бы то ни было, пока не станут вакантными - чтобы они не достались такому человеку, у которого проявится желание смерти ближнего своего, чье место он

рассчитывал бы унаследовать. Ведь даже законы самих закоренелых язычников воспрещают это, ведь это есть основа основ, и такое желание заслуживает всяческого порицания на божественном суде, а именно то, что нам не пристало рассчитывать занять место в церкви Господа, дожидаясь ее наследования его в будущем, хотеть то, что осуждают даже язычники. Поэтому, когда где-нибудь случится, что вышеупомянутые церкви, или какие-нибудь церковные должности станут вакантными, или являются вакантными уже сейчас, то пусть они не долго остаются в ожидании, но пусть будут в течении 6 месяцев отданы тем, кто может быть пригодным для несения этой должности.

Но если епископ, на котором лежит это дело, без достаточного основания отложит назначение, то пусть назначение будет сделано собранием каноников. Но если назначение находится в ведении капитула, и таким же образом будет не сделано в назначенный срок, то пусть епископ исполнит свой долг, ради Господа и по совету благочестивых людей. Или, если быть может, случится так, что все они пренебрегут этим, то пусть митрополит, безусловно распорядится этим, в соответствии с волей Господней.

Канон XXII.

Кроме того, если епископ назначит либо диакона, либо священника не владеющего определенной собственностью, посредством которой тот мог бы обеспечивать себя всем необходимым, и если человек получивший назначение находится в таких обстоятельствах, что не имеет достаточных средств, из семейного ли наследства, или из каких-нибудь еще других честных источников, то епископ должен обеспечить его пропитание прежде чем назначить на соответствующую должность в церкви.

Канон XXIII.

Поскольку все в среде духовенства должно осуществляться с милосердием, и поскольку то, что свободнодается, столь же свободно может быть и отнято, то представляется наиотвратительнейшим то, что, в ряде мест, как говорят, в церкви существует продажность, доходящая до такой степени, что запрашивают за поставления на должности епископов или аббатов, или других церковные лица; и за введение священника в храм, и за похороны, и за отпевание, и за свадебные благословения, и за прочие церковные обряды. В соответствии с этим, человек, в котором нуждаются эти должности, не может получить их до тех пор, пока он не удовлетворит требование того, кто, по своей власти, имеет право наделить его. Многие люди полагают, что имеют право так поступать, поскольку они воображают себе, что это, выросши из обычая, стало уже законом, и из-за своего ослепления жадностью, они не хотят знать, что степень вины за совершенные преступления только возрастает с течением времени, начиная с того момента, когда душа впервые угодила в ловушку. Чтобы это не имело места в будущем, мы запрещаем какие-либо требования и за поставление духовной особы, и за рукоположение в священники, и за погребение умерших, и за благословение брака, и за проведение любого другого священного обряда. И если какой-нибудь человек, намеревается нарушить этот запрет, то пусть он знает, что разделит свою участь с Гиезией, чьи вымогательства были наказаны проказой (4 Царств, 5).

Канон XXIV.

Мы запрещаем наложение любого нового налога на церкви со стороны и епископов, и аббатов, и других прелатов. Пусть они увеличивают лишь старые и пусть они не стараются использовать часть этих доходов для своих собственных нужд. Но пусть такая же свобода, какую старшие требуют допустить по отношению к ним самим, будут

предоставлена и их подчиненным. Если кто-нибудь поступит противно этому, то его действия будут недействительными.

Канон XXV.

Каноники в святых орденах, которые держат в своих домах, в качестве прислуги женщин, упрекаются в невоздержанности, и должны отказаться от них и жить в целомудрии, или же лишиться своих церковных бенефиций.

Канон XXVI.

Если кто-нибудь будет найден виновным в той невоздержанности, что противна природе, и из-за которой гнев Господень обрушился на детей неповиновения и уничтожил огнем 5 городов, то если они будут принадлежать к духовенству, то должны быть изгнаны из церкви или заключены в монастыре для отбывания эпитимии, а если они будут мирянами, то пусть будут отлучены от церкви и отделены от сообщества верных христиан.

Канон XXVII.

Кроме того, если какой-нибудь клирик, без явной причины или без необходимости, будет часто посещать женские монастыри, то это должно быть воспрещено ему епископом, и если он не воздержится от этого, то его следует признать недостойным занимать церковную бенефицию.

Канон XXVIII.

Поскольку церковь Господа, подобно нежной матери, должна заботиться о бедных, как в вещах, касающихся их плоти, так в тех, что способствуют спасению их душ, поэтому, для того, чтобы беднякам, которым не могут помочь в этом средства их родителей, была доступна возможность научиться читать и совершенствоваться в этом знании, мы приказываем, чтобы в каждой кафедральной церкви был бы выделен достаточный бенефиций для магистра, который мог бы бесплатно преподавать как клирикам этой же церкви, так и нищим ученикам, чтобы таким образом, была обеспечена потребность в учителе, а для учеников открылся бы путь к знаниям. Также и в других церквях - если уже это существовало в прежние времена, то пусть это и будет восстановлено. Пусть никто ничего не требует за право преподавать и не просит ничего у преподавателя, под предлогом какого-нибудь обычая, и пусть не запрещает заниматься преподаванием никакому компетентному человеку, который имеет на это право. Кроме того, тот, кто вознамерится поступать вопреки этому постановлению, будет оштрафован лишением всего церковного бенефиция; поскольку представляется справедливым, чтобы человек, который по жадности своего ума торгует свободой обучения, и тем самым препятствует духовному совершенствованию, не получал бы никаких средств в церкви Господа.

Канон XXIX.

Клирики находящиеся на должностях субдиакона, а также и на более высоких и на более низких, не должны выступать в качестве адвокатов по светским вопросам перед светскими судьями, если только не разбирается дело их самих, или их церкви, или быть может, если не разбирается дело таких несчастных людей, которые не могут отвечать за себя сами. Пусть ни один клирик не имеет намерения управлять делами имений или чегонибудь еще, находящегося под светской юрисдикцией, под властью какого-нибудь благородного или светского лица, ибо тогда он становится им подсуден. Пусть никто не

пытается противиться этому, поскольку в светских делах он будет поступать противно учению апостола, который сказал: «Никакой человек сражающийся, да не впутает себя в дела этой жизни» (2 *Послание Тимофею*, 2,4. *Русский канонический перевод* «*Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтоб угодить военачальнику*»), и пусть он будет отставлен от служения церкви по причине отказа от своей церковной должности и пренебрежения ею, и пусть окунется самостоительно в суету мира, добиваясь расположение знатных людей. Кроме того, мы приговариваем к сугубому наказанию любого монаха, который попытается нарушить любое из вышеуказанных постановлений.

Канон XXX.

Следуя по стопам наших предшественников, благословенной памяти пап Иннокентия и Евгения, мы запрещаем эти отвратительные состязания, что зовутся турнирами, на которых рыцари, в назначенное время, гордо показывают свою силу и участвуют в стремительных схватках, отчего часто случаются смерти людей и исходит опасность для их душ. Если кто-нибудь умрет на этом месте, то поскольку на него уже нельзя будет наложить эпитетии, хоть бы он о ней и просил, то пусть ему будет отказано в церковном погребении.

Канон XXXI.

Мы приказываем, чтобы нерушимо соблюдалось перемирие во все дни с заката солнца в пятый день недели до восхода на второй день недели, от Богоявления (4 недели до Рождества (прим.пер.)) до 8-го дня после Крещения, и от Септуагесимы (2.5 недели до Великого поста) до Октав (8-го дня (прим. перев.)) Пасхи. И если кто-нибудь будет нарушать это перемирие, и если он, после третьего предупреждения, не сделает возмещения за это, то пусть его епископ произнесет над ним положение об отлучении и письменно ознакомит об этом соседних епископов. Ни один епископ не может принять отлученного в церковное общение, напротив, он должен будет при получении этого положения подтвердить его своей собственной подписью. Однако, если кто-нибудь нарушит эти постановления, то тем самым он подвергнет свой сан опасности. И подобно тому, как нелегко порвать втрое скрученную веревку, так и мы приказываем, чтобы епископы, служа одному только Богу и делу спасения людей, отложили в сторону всю свою жадность, и советовались бы друг с другом, и помогали бы друг другу в деле твердого поддержания мира, и не пренебрегали бы этим делом по причине как любви, так и ненависти. Если кто-нибудь будет уличен в равнодушии к этому делу, то должен будет лишиться своего сана.

Канон XXXII.

Весьма предрассудительный обычай получил распространение в некоторых местах, когда наши братья, епископы или архидиаконы, полагая, что определенные люди подадут аппеляцию по своему делу, швыряют в них постановлениями о временном или постоянном отлучении, без какого-либо предварительного уведомления. Также и другие, будучи подчиненными вышестоящих и находясь под страхом отлучения и под властью дисциплины, не теряя никакой обиды, подают свои аппеляции еще прежде, чем на них будет наложено наказание и, таким образом, изврашают ради своей защиты ту привилегию, что была, по всеобщему мнению, дана ради защиты невинных. По этой причине, чтобы ни эти самые прелаты не могли без особой причины принести огорчения своим подчиненным, ни сами подчиненные не могли бы из-за простого каприза, под предлогом подачи аппеляции, уклониться от наказания со стороны прелатов, настоящим мы постановляем, что ни прелаты не могут разбрасываться против своих подчиненных

временными или постоянными отлучениями, без предварительного канонического предупреждения и без того, чтобы преступление их было такого рода, которое предусматривает наказание в виде временного или постоянного отлучение, ни их подчиненные не могут, вопреки церковной дисциплине, подавать предварительные апелляции, еще до того, как их дело будет расследовано. Но если кто-нибудь, из-за безотлагательности его дела, решит, что следует подать апелляцию, то пусть для такой апелляции будет установлено необходимое время, и если за это время он не обратиться к суду, то в таком случае, пусть епископ свободно осуществит над ним свою власть. Но если кто-нибудь, подаст по какому-нибудь поводу апелляцию, и в суд явится тот, на кого подана жалоба, а сам жалобщик пренебрежет сделать это, то если он владеет какой-нибудь собственностью, то должен дать пришедшему достаточную компенсацию за его ожидание, так чтобы, по крайней мере, этим внушить страх, и чтобы никто не мог с легкостью подавать апелляции на беззакония другого. Особенно мы приказываем, чтобы это соблюдалось относительно церковных домов, чтобы монахи или другие духовные лица, когда им, по их прегрешениям, будет грозить поправка со стороны их прелатов или главы капитула, не вознамерились бы подавать апелляцию, но пусть они смиренно и искренне подвергнутся тому наказанию, которое послужит для их же пользы.

Канон XXXIII.

Поскольку мы обязаны лелеять нашу святую религию, когда она уже выросла, и растить ее, чтобы она питалась всеми средствами, мы никогда лучше не выполним эту нашу обязанность, если, по данной нам Богом властью, мы не будем способствовать росту того, что является правым и не останавливают того, что может препятствовать росту добродетели. Однако, из тяжелый упреков наших братьев и верных епископов, мы находим, что тамплиеры и госпитальеры, и прочие люди такого же монашеского достоинства, превышают привилегии данные им апостолическим престолом и поступают во многих вещах против епископской власти, что становится камнем преткновения для людей Господа и порождает серьезную опасность для людских душ. Поскольку они взяли себе за правило, что могут получать церкви из рук мирян, допускать отлученных и находящихся под интердиктом к церковным обрядам и допускать их погребение, назначать и смещать священников в своих церквях без законных полномочий и с явным пренебрежением к лучшей осведомленности в этих делах вышестоящих лиц. И поскольку их братствам было пожаловано, что когда они идут собирать милостыню, то, при их прибытии, церкви раз в год должны открываться, и в них должна проходить церковная служба, то очень многие из братии, съехавшись в местность, находящуюся под интердиктом, переезжают от одного дома к другому, и злоупотребляя этой индульгенцией, данной им нами в привилегию совершать службы и хоронить умерших; хоронят умерших в церквях, находящихся под интердиктом. И таким же образом, на основании привилегий их общин, которые они образуют во многих местах, они ослабляют силу епископальной власти, когда, вопреки приказам епископов, под предлогом неких своих привилегий, решаются поддерживать всех тех людей, что хотят стать членами их братств.

По этой причине, во всех вещах, в которых они виновны в превышении власти, и не столько из-за замыслов и намерений своих руководителей, сколько из-за суждений некоторых дурных людей, мы решили устраниить то, в чем они наносят оскорблениие другим, а также определить вещи, представляющиеся нам сомнительными. Мы запрещаем им, также как и всем другим лицам монашеского звания, получать церкви или десятины из рук мирян без согласия епископов, и приказываем им оставить даже те, что они получили в последнее время, вопреки этому постановлению. И мы приказываем, что все отлученные от церкви, а также и те, на кого наложен именной интердикт, отвергались бы и ими и всеми другими, в соответствии с приговором епископов. Они должны

предоставить возможность епископальным священникам быть назначенными в такие церкви, которые не полностью, полноправно принадлежат им, и на которых они и должны возложить заботу о людях, и которые должны отплатить тамплиерам строгой отчетностью в мирских делах. И они не смеют смещать назначенных туда священников без совета с епископами. Но если тамплиеры или госпитальеры все же придут в церковь, находящуюся под интердиктом, то они только раз в году должны допустить там проведение церковной службы, и они не должны хоронить там никаких мертвых тел. Более того, мы делаем это постановление относительно общин, если только они живут отдельно от вышеупомянутых братьев, предпочитая пребывать в своих собственных владениях, и они вовсе не должны на этом основании освобождаться от власти со стороны епископов, которую те имеют над ними такую же, как и над другими своими подчиненными, и также могут, в случае необходимости, поправлять их в случае нарушений. Такое же, как относительно вышеупомянутых братств, мы делаем постановление и для других духовных особ, которые самонадеянно присваивают себе право епископов и, вопреки истинному значению наших привилегий, противостоят их каноническим приговорам, но если они все же нарушают эти постановления, то на церкви, в которых они намереваются действовать, будет наложен интердикт, и все их акты будут считаться не имеющими законной силы.

(Прим. переводчика. На самом деле, канонов Латеранского собора было всего 27 и их содержание далеко не всегда совпадает с текстом данной хроники, а именно (согласно Catholic Encyclopedia):

описание I, II, и III канонов совпадают,

IV (о еретиках) и V (о бандах наемников) настоящей хроники соответствуют XXVII,

XII (о прокаженных) = XXIII,

XIII (о евреях) = XXVI,

XV (о ростовщиках) = XXV,

XX (о свите епископов при объезде епархий) = IV

XXI (о 6-ти месячном сроке замещения вакансий) = VIII,

XXII (об обеспечении священников) = V,

XXIII (о запрете плат священникам) = IV,

XXV и XXVII (о запрете служанок-женщин для священников и об ограничении посещения женских монастырей) = XI

XXVIII (о школах и преподавателях) = XVIII,

XXIX (о запрете заниматься светскими делами) = XII,

XXX (против турниров) = XX,

XXXI (о Божьем мире) = XXI,

XXXII (о порядке наложения церковных наказаний) = VI,

XXXIII (о злоупотреблениях госпитальеров и тамплиеров) = IX.

(Согласно книге М.Балдуина "Александр III и двенадцатый век", СПб 2003, стр.178-192, при описании Латеранского собора также говорится о 27 канонах, но их описание и порядок следования несколько отличаются от данных Catholic Encyclopedia)

Глава 4

О смерти короля Франции и о событиях, которые произошли в Константинополе.

В году 1180 от разрешения Девы, который приходился 27-м годом царствования Генриха, короля Англии и 44-м годом Людовика, короля Франции, этот король Франции ушел из этой жизни. Он был человеком пылко преданным Богу и отличался исключительным милосердием к своим подданным, а также глубоко благоговел перед членами священных орденов. Однако, его было легче сбить с пути, чем это подобало бы государю, и в некоторых своих поступках он оправдывал слова апостола, что «худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Послание Коринфянам, 15,33), поскольку слишком часто, следуя советам некоторых ноблей, которые мало помнили о том, что было правым и благородным, он в немалой степени пятнал свою репутацию, которая отличалась чувством справедливости в других отношениях. Такой случай произошел, когда он поддержал негодного сына против его благочестивого отца и поддерживал всеми силами королевства этого преступника против природы. Ему наследовал его сын Филипп, его отпрыск от дочери наиславнейшего графа Теобальда, которая стала его третьей женой.

Поскольку, после Элеоноры (которая, как было подробно рассказано в своем месте, оставила ему двух дочерей и после развода с ним стала супругой короля Англии) он взял в супруги носительницу королевской крови Испании, которая подверглась участии всех людей, оставив ему также двух дочерей. Старшая из них была хорошо известна как жена Генриха Молодого, короля Англии, но не оставила наследника. Третья его королева также принесла ему дочь невероятной красоты, о чьей судьбе стоит кратко упомянуть.

Умирая, император Константинополя оставил наследником своего трона сына, пребывавшего еще в нежном возрасте, и вверил его попечению дяди. За этим государем наблюдали со всей осторожностью подобающей его возрасту, в то время как его опекун, Андроник, управлял царством. Греческой знати показалось подходящим, чтобы дочь короля Франции соединилась бы в браке с этим видным юношей, и так и было сделано. Послы соответствующего ранга были отправлены во Францию, и получив из рук отца принцессу, которая еще не достигла брачного возраста, с большой торжественностью препроводили ее в Константинополь. Но когда он достиг возраста мужественности, а она - возраста, пригодного для брака, и этот имперский союз уже мог состояться, этот негодный и могущественный человек, Андроник, в качестве регента царства, соблазнив и подкупив дворцовых слуг, убил юного императора, который приходился ему племянником – как говорили, он тайно удалил его из дворца на какой-то остров так, чтобы об этом не узнали люди, и там тайно предал смерти с помощью своих приближенных. Сразу же после этого, надев императорский пурпур, он захватил власть над империей, и чтобы уж больше ни в чем нельзя было превзойти нечестие его замыслов, он, очарованный красотой нареченной невесты своего племянника, взял ее в жены. После того, как самым наглым образом он стал злоупотреблять узурпированной властью, он возбудил против себя заговор тех людей, которые ненавидели его злодеяния или же презирали его правительство. Этот заговор, наконец, принял достаточный размах, и внезапно заговорщики в большом числе яростно ворвались во дворец и низвергнув жестокого узурпатора с трона, они наисправедливейшим образом наложили на него цепи, а чтобы империя не пострадала от междуцарствия, они немедленно выбрали нового государя, по чьему приказу этот негодяй

Андроник и был замучен до смерти. Из-за этого дочь короля Франции была обманута в своих долгих ожиданиях и надеждах на брак в Греции и осквернена связью с позорным негодяем, так и не получив ожидавшего ее императорского достоинства.

Глава 5

О переделе общественных денег и о смерти архиепископа Йоркского.

На 27-м году правления короля Генриха II была изменена форма общественных денег за счет ухудшения пробы. Мера эта была в то время весьма необходима для государственных нужд, хотя и чрезвычайно жестока для бедняков и землепашцев.

В следующем году, который был 1181-м от разрешения Девы и 23-м годом понтификата папы Александра, этот почтенный понтифик отдал дань природе. Ему наследовал Луций.

В том же году умер еще и Роджер, архиепископ йоркский, муж ученый и красноречивый, и в светских делах аккуратный, даже исключительно аккуратный. Действительно, исполнявшиеся им обязанности епископа, вообще, заключаются в заботе о духовном и лишь в малой степени в делании чего-либо, но он самым тщательным образом заботился о сохранении и приумножении таких вещах, которые Бог прямо ему не поручал, но которые соединяли этот мир с Богом. Например, в своей светской деятельности он так обогатил архиепископство йоркское, что едва ли его приемники могли испытывать огорчения как по поводу увеличенных доходов, так и по поводу великолепия его зданий. Он так использовал свои возможности в денежных делах, и столь превосходил других в распоряжении ими, что едва ли когда-нибудь упустил или плохо использовал какую-либо возможность для их увеличения. Вместо того, чтобы выбирать людей выдающихся, которыми, подобно драгоценным камням, церковь Йорка блестала прежде, он раздавал бенефиции подросткам или даже мальчикам, находящимся под властью своих учителей, рассудив, что по их возрасту для них лучше строить детские домики, собирая мышей в маленькие загончики, где они бы возились бы все вместе и катались бы на соломе, чем содержать их в соответствии с их саном в церкви. И это дело он довел до конца, так что до тех пор, пока они не входили в возраст, он мог осуществлять опекунство над их бенефициями и таким образом, мог забирать себе все их доходы. Христианских философов, к которым относятся люди из церковных орденов, он ненавидел до такой степени, что, как передавали, один раз он сказал, что блаженной памяти прежний архиепископ йоркский Тарстэн никогда не делал большего преступления, чем когда построил это уникальное зеркало христианской философии - аббатство Фаунтинс, и когда он понял, что присутствовавшие при этом покороблены таким выражением, то сказал: «вы - миряне и не можете понять смысла этого высказывания». Он имел обыкновение говорить, что церковные бенефиции надо присуждать людям, имеющим свои слабости, а не монахам, и этому правилу он неукоснительно следовал всю свою жизнь и сделал жизнь монахов почти во всем хуже, чем жизнь светских каноников. Кроме того, пребывая в этом исключительном заблуждении (поскольку в других отношениях он был чрезвычайно проницательным) он полагал, что именно таким образом он и служит Богу, что подтверждается таким случаем:

Когда он лежал в постели во время своей последней болезни, будучи уже накануне кончины, то к нему пришел старший одного церковных домов, которого я хорошо знал, и который был человеком уважаемым и искренним, и смиренно просил его, чтобы он соизволил подтвердить, с приложением своей собственной печати, благочестивый дар святых людей, как делали его преподобные предшественники, которые ради любви к Богу, подтверждали дарения этому дому заверяя их в подлинности. На эту просьбу он ответил:

«Смотри, я умираю, и поскольку я боюсь Бога, то я не хочу делать то, о чем ты просишь», и он столь твердо упорствовал в своем решении, что такой дар мог быть дан кому угодно, но только не философам такого рода. Но то, что его намерением во время жизни было в большей степени стричь, а не пасти агнцов Господних, ясно проявилось при его уходе –

поскольку уже лежа при смерти, этот престарелый прелат продолжал хранить в сокровищнице многие тысячи марок серебра, тогда как так много христовых бедняков страдали от нужды. Когда он больше не мог восседать на своих богатствах, он запоздало завещал раздать часть из них бедным, часть отдать церквям, а часть - своим друзьям и родственникам. Но после его смерти король, посредством своих чиновников, захватил все, что было найдено, и изъял то, что не нашел у тех, кому это было дадено, говоря, что богатства накопленные любым человеком, после его смерти являются единоличной собственностью короля. По воле Божьей, это случилось именно так, чтобы и другие могли устрашиться этим примером и понять, что следует копить свои сокровища на небесах, куда никакой вор не проползет тайком, и не прорвется никакой грабитель.

Сразу же после этого, на примере архиdiакона Иоанна, всем ясно было явлено правосудие Божие. Этот человек, лукавый и жадный, который был советником и помощником архиепископа во всех вещах, последовал за своим хозяином на следующий день, также оставив все свое добро королю. Таким образом, эти два человека, неразлучные при жизни, были и в смерти разделены самым коротким из возможных промежутков. Описанный архиепископ умер на 28-м году после своего посвящения, и сразу же архиепископство йоркское попало в руки короля, и престол Йорка оставался вакантным в течении 10 лет.

Глава 6

О Сверрире (Sverre), короле Норвегии.

Именно в эти времена весьма печально известный священник Сверрир, по прозвищу Биркбейн (Sverre Birckebein) захватил власть в той части Германии, что именуется Норвегией, и долгое время свирепствовал там имея титул короля. Наконец, после кончины lastителя этой страны, он получил управление над ней как бы законным образом, быть может ради того, чтобы по Божьему промыслу испытать тот же конец, что и прочие короли этой земли. Поскольку, как говорят, в течении более чем 100 лет, хотя много королей сменило друг друга, но ни один из них не окончил свои дни по старости или от болезни, но все они погибли от меча, оставляя царское достоинство своим убийцам, которые становились при этом как бы законными наследниками, так что, воистину, восклицание «Ты убил, и еще вступаешь в наследство?» (3 кн. Царств, 21, 19), очевидно, приложимо ко всем, кто правил там в течении столь долгого времени. Знать этой страны, незадолго до этой узурпации власти этим священником, возгорелась благочестивым рвением найти средство, чтобы устраниТЬ это позорное зло - которое из-за давности обычая стало уже законом, - и постановила, чтобы новый король был торжественно посвящен в короли путем священного помазания и коронован, так чтобы в будущем никто не посмел поднимать руку на помазанника Божьего. Поскольку до этих пор, никто в этой стране не был посвящен в короли на церковной церемонии, а просто тот, кто жестоко убивал короля, с этого же момента и принимал королевское достоинство и власть, чтобы вскоре после того и самому испытать ту же судьбу от рук своего убийцы, в соответствии с законом неискоренимого обычая. По некоему роду христианской простоты, то чтобы это постановление и самом деле осуществилось, поддержало множество людей, поскольку до сих пор никто из прежних королей не озабочился о том чтобы в торжественной церемонии не излить на себя королевское помазание.

По этой причине, после смерти Хокона, наследника короля Инга (которого он же и убил) (прим.пер.: *Инг - король Норвегии 1142-1161, Хокон II, его племянник, сын его брата Сигурда, король 1157-1162*), когда оказалось, что право на наследование принадлежит некоему юноше по имени Магнус, племяннику этого Инга (точнее двоюродному племяннику - прим.пер.), то наиболее мудрая и благородная часть королевства, по общему согласию, решила, чтобы этот юноша и был бы торжественно посвящен в короли в качестве помазанника Господа и был бы удостоен диадемы. Так и было сделано. Теперь они полагали, что этот государь стал для них священным и позор прежнего порядка будет устранен. Но когда этот Магнус, который теперь повзрослел, процарствовал в течении нескольких лет, равно с энергией и с успехом, и все полагали, что сделано уже достаточно для предотвращения бурь узурпации, злой умысел дьявола, в качестве своего орудие, породил вышеупомянутого священника с тем, чтобы тревожить мир этого христианского народа.

Прослужив некоторое время в полученной им церкви и исполняя богослужения, этот действительно смелый и лукавый человек, умеющий внушить к себе необычайное доверие, начал стремиться к королевской власти. Вскоре он обратил свой взор на целый округ, и стремительно продвинулся в осуществлении задуманного плана, хитростью собрав вокруг себя банду смелых и отчаянных людей, привлеченных надеждой на грабеж, и укрываясь в непроходимых пустынях как в крепостях, он раздражал короля своими бесконечными набегами. И когда суворен преследовал его с многочисленной армией, он хитростью обратился в ложное бегство, остановился в неких известных ему узких проходах, и там так разбил королевские силы, так несчастливо попавшие в окружение и в ловушки, что сам король, вынужденный прятаться среди мертвых тел, лишь с трудом смог бежать от врага. Возликовав от этого успеха, и ежедневно получая пополнение, он еще заполучил и флот, который дал ему возможность захватить несколько провинций этого королевства. Однако, король собрав свои силы и снарядив флот, выступил на врага. Сверрир был об этом осведомлен, и еще раз хитро устроил ложное бегство, отступив далеко в море. Когда об этом стало известно королю, то он поверил, что уход этих грабителей был настоящим, и вернулся с флотом в один порт. Здесь, когда армия радовалась победе над врагом, и дала себе волю, устроив с роковой беспечностью пир, этот мерзкий священник вместе со своими сторонниками, на следующую ночь, вошел в гавань и напал на королевские войска, которые были одолены вином и сном, и без большого труда уничтожил почти всю вражескую армию, вместе с отцом короля (*ярлом Эрлингом, мужем Кристины, дочери короля Сигурда I - прим. пер.*) и прочими знатными людьми. Однако, когда прочие пали, король бежал и укрылся (как говорили) на несколько дней в находившемся там женском монастыре, и безуспешно разыскиваемый врагами, по воле Божьей, сумел от них скрыться.

Тиран, возликовав при этом бедствии и опустошении, которое он причинил своему врагу, с жестокостью равной его дерзости проходил повсюду с триумфом, выказывая себя подавленным обывателям в качестве беспощадного хозяина. Но король, скрывшись на некоторое время, вернулся в безопасное место к своим друзьям и начал постепенно увеличивать свои силы и собирать со всех сторон союзные войска. Теперь, защищаясь от хитостей своего врага он был осторожен, и наконец, с огромным множеством войска выступил против него. Оценив теперь обстановку, Сверрир увидел, что после своих прошлых неудач юноша стал действовать более осторожно и сдержанно, и что он имеет превосходство в числе кораблей и войск. Тогда он обратился к колдовству. У него в свите была одна дочь дьявола, могущественная в колдовстве, и достойная того, чтобы ее сравнили с ее предшественницами старых времен, о которых благородный поэт заметил, что:

Ведьма желает, чтоб ее заклинаньем могучим
Души одних становились свободны, а других ощущали проклятье.
И нравится ей, что силой владеет
Течение рек повернуть иль останавливать звезды,
Призраков ночи рождать, а коль ей угодно -
Хоочет земля и деревья нисходят по склонам.
(Виргилий, Энеада, 4,487)

*(В переводе «Энеады» С. Ошерова:
Жрица сулит от любви заклинаньями душу избавить
Иль, коль захочет, вселить заботы тяжкие в сердце;
Рек теченье она остановит, и звезд обращенье
Вспять повернет, и в ночи из Орка вызовет тени,
Землю заставит стонать и вязы спускаться по склонам.)*

Наконец, как говорили, эта ведьма, поразительно полагавшееся на свое искусство спросила у защищаемого ею узурпатора – какой бы погибели он желал для врагов, что стояли перед ним. И как только он выбрал, что они должны быть утоплены, так сразу же, посредством дьявола (который, когда это ему разрешено высшей властью, вследствие могущества своей природы ангела имеет наибольшее влияние на земные элементы) спокойное море разверзло свои уста, и на виду у врага, поглотило большую часть королевского флота. Видя это, этот негодяй священник сказал: «Смотрите, соратники мои, сколь действительно стихии воюют за нас. Будьте внимательны, чтобы бы тот, кто спасся от ярости моря не ускользнул бы от вашей доблести, ибо тогда может оказаться, что еще не все закончено». Затем остаток королевской армии, пришедшей в смятение из-за гибели своих товарищей, был легко разбит, а сам король - убит.

После его смерти испуганное королевство покорилось тиранической узурпации. Сверрир отказался от своего священнического звания и женившись на дочери короля готов (шведского короля - прим.пер.), стремился быть торжественно коронованным архиепископом этой страны, но тот, был человеком твердого характера, и поскольку ни просьбами, ни угрозами его не удавалось заставить окропить эту мерзкую голову священным елеем, то он был изгнан из страны. Спустя несколько лет, подрос очень храбрый юноша, из рода старых королей, по имени Иоанн, и к нему многие обратились и стали поддерживать. Хотя его первые попытки были столь успешными, что он уже стал страшным тираном, все же, в конце концов, бросившись из-за юношеского пыла в жар битвы, он, к несчастью, преждевременно погиб. После него появился другой юноша из королевской фамилии, подававший большие ожидания, и поддержаный многими сторонниками, но даже и он, спустя много лет, был побежден в битве этим тираном, в священный день Вербного Воскресенья, и полностью уничтожен вместе со своими сторонниками. Таким образом, розой Божьего гнева, почти все королевское семя, также как и все внутренние враги - все они были казнены или изгнаны. И наконец, этот великий и ужасный человек, руками некого епископа, принужденного к тому угрозой смерти, получил диадему королевства вместе со священным помазанием. Его тирании, исход которой был неясен, долго везло, и постоянными успехами ему удалось обезопасить ее будущее. Говорят, что на его печати было начертано следующее: «Сверрир, великий король, свирепый как лев, смиренный, как ягненок» – так он выказал милосердие к своим подданным и уважение церквям и монастырям.

Глава 7.

О смерти короля Генриха III и его брата Жоффруа.

В году 1183 от разрешения Девы, который был 30-м годом правления Генриха II, короля Англии, преждевременно умер молодой король Генрих III, преждевременно, если судить по возрасту, но очень зрелым, если судить по его делам – поскольку, как об этом

говорилось выше, он запяtnал свои молодые годы позорным пятном, подобно наираспутнейшему Ассессалому. Когда же он подошел к возрасту зрелости, то решил, что его поведение должно повторить его мальчишеские дни, и он восстал второй раз против своего отца.

Причина восстания была такая: его отец передал управление Аквитанией своему сыну Ричарду, другого своего сына, Жоффруа, который теперь вступил в возраст зрелости, он также наделил всем доменом его жены - Бретанью, тогда как Генрих, его старший сын, находясь в ожидании законного наследства, либо ждал, либо путешествовал по империи своего отца. Но при случае между братьями возникла какая-то ссора, и Генрих вознедовав на то, что его отец возвысил его брата Ричарда до ранга правителя Аквитании и, войдя в союз со своим братом Жоффруа, графом Бретани, и другими ноболями

Аквитании, напал на него, как будто бы он был врагом,. Их отец тщетно попытавшись успокоить своих непослушных сыновей миролюбивыми предложениями, вторгся со своей армией в пределы Аквитании, чтобы силой разрушить их злобные планы. Вскоре после этого, Генрих Молодой, по воле Божьей заболел лихорадкой (в отмщение за оба его вероломных поступка), и все те, кто был связан с ним в заговоре, пали духом. Когда, из-за серьезности болезни, его врачи отчаялись, то он, охваченный раскаянием, послал за своим отцом, смиренно признавая свои прегрешения и прося, чтобы тот проявил напоследок родительскую привязанность и снизошел посетить своего умирающего сына. Получив это сообщение, внутренне отец затосковал, но его друзья напомнили ему, что для него небезопасно будет довериться тем заговорщикам, что окружали его сына. Однако, любя своего доставившего ему огорчения сына, но не идя к нему из-за опасения ареста, он все же, как символ прощения и своих отцовских чувств, послал ему известное кольцо. Получив подарок, тот поцеловал его и испустил дух на руках архиепископа бордосского.

Его тело с великолепной многочисленной процессией, было привезено к отцу, который с нежностью встретил его и приказал, чтобы оно было отвезено в Нормандию, где и было похоронено в Руане. Такой конец достался этому беспокойному юноше, рожденному для гибели многих, но бывшему так любимым и приятным своим сторонникам (ибо сказано, «число немудрых - бесконечно»), что даже когда он был мертв, с ним связывалось много необычных вещей. Наконец, после его кончины, некоторые люди, побуждаемые любовью к неправде и самым бесстыдным тщеславием, широко и до такой степени распространили слух, что на его могиле происходили исцеления больных, что им стали верить в том, что либо он имел достаточно оснований выступать против своего отца, либо что благодаря своему предсмертному раскаянию, он стал чрезвычайно угоден Вседержителю.

Однако, Генрих, горе которого от потери сына смягчалась сознанием того, что он лишился врага, энергично надавил на заговорщиков, смущенных бедственной судьбой своего вождя, в короткое время покорил их всех и взял своего сына Жоффруа под свое покровительство. Но Жоффруа не сделал ничего для отплаты всех полученных им доказательств родительской любви, и как позже выяснилось, не оставил свои враждебные замыслы. Ведь вскоре после этого, колеблясь и сомневаясь относительно своего отца, он стал использовать каждую возможность для поиска расположения и для дружбы с французами, которые, как он знал, ревновали к славе его отца. И когда он не получил от отца окруж Анжу, поскольку Ричард, старший брат, ни в коем случае не хотел передавать его ему (хотя сам король Франции хлопотал об этом, но безрезультатно), то Жоффруа прибегнул к помощи французской партии, как будто бы с помощью их силы он мог заполучить от отца и брата то, что не смог получить в результате спокойной просьбы.

Таким образом, когда он стал активно служить французскому королю, то сделал много того, что раздражило отца. В разгар этих дел он был поражен суповой местью Господа и окончил свои планы и свою жизнь в Париже, где и был похоронен, оставив лишь малое сожаление своему родителю, по отношению к которому он вел себя столь неподобающее, но к гораздо большему огорчению французского короля, который возлагал на него большие надежды. От единственной дочери графа Бретани у него был сын, родившийся после его смерти. И когда король, его дед, распорядился назвать его своим именем, то это встретило возражение бретонцев и в торжественной церемонии, при святом крещении он получил имя Артура. Таким способом бретонцы, которые как говорилось выше, долго ожидали сказочного Артура, теперь лелеют реального, и с большими надеждами, выразившимися, согласно мнению некоторых пророков, в их великих и знаменитых легендах об Артуре.

Глава 8.

О смерти архиепископа кентерберийского и утверждении епископа в Линкольне.

В то же году, в котором Генрих III испытал покорность судьбе, также ушел из жизни и Ричард, архиепископ кентерберийский и наследник достопочтенного Томаса. На самом деле, он был человеком лишь посредственной учености, но отличался похвальной безобидностью, и если он что-то не понимал в вопросах, слишком высоких для него, то благородно оставался в сфере своей компетенции. Ему наследовал Балдуин, человек религиозный и ученый, который до этого из должности аббата Форда был сделан епископом Уорчестера. Кроме того, в том же году, Уолтер Котенский (Coutances) был сделан епископом Линкольна, после того как престол оставался вакантным в течении почти 17 лет. Благодаря этому было аннулировано пророчество, или скорее предсказание, некого брата Тама (Thame), который больше вдохновлялся своим собственным духом, а не духом Божиим, о том, что церковь Линкольна никогда больше не будет иметь епископа. Это предсказание, по причине долговременной вакантности этой церкви, так влияло на многих людей, что вышеупомянутый Уолтер, отправившийся в свою епархию после обряда посвящения в сан, сопровождался не малыми мрачными предчувствиями. Однако, его пребывание здесь было лишь кратковременным, поскольку вскоре, после своего избрания архиепископом Руанским, он сказал прощай, и променял недавно обретенную невесту, польстившись на более красивую. Здесь можно говорить о большом влиянии тщеславия, и о том, насколько сильно оно превосходит любовь к деньгам, даже в самом жадном человеке. В самом деле, достаточно известно, что насколько церковь Руана превосходит по своему рангу церковь Линкольна, настолько же она уступает ей в мирских богатствах. Тем не менее, человек, который столь сильно полюбил епископство Линкольна по причине его вполне приличных доходов, предпочел оставить его и занять более высокое место, но с меньшими доходами. Действительно, говорили, что он колебался в течении долгого времени, тщательно взвешивая, что же предпочесть - больший почет или большее богатство, но наконец, блеск более высокого престола одержал верх на любовью к большой выгоде. После его перевода церковь Линкольна вновь несколько лет оставалась вакантной.

Глава 9.

О походе против Роланда и о некоторых событиях в Ирландии.

После смерти Генриха III, славный король Англии Генрих II приехал в Англию и выступил со своей армией против Роланда, принца Гэллоуэя. Поскольку этот Роланд, после смерти Гилберта, который (как об этом говорилось выше) бесчестно убил своего

брата Актреда (кн.2, гл.34) и благодаря военному счастью одолел его сыновей (это было в то время, когда король Шотландии находился в плену у наших войск), завоевал для себя все провинцию Гэллоуэй. Король Англии, к которому обратились сыновья Актреда, приказал Роланду вернуть свои двоюродным братьям их отцовское наследство, и поскольку тот оставил этот приказ без внимания, то король, разгневавшись на это, выступил в поход на эту провинцию вместе с большой армией как конных, так и пеших воинов. Здесь, получив некоторые очень приятные сведения из Ирландии, он так обрадовался от них, что его стало легко умиротворить. Вследствие этого, получив возмездие от Роланда, он вскоре увел свою армию назад.

Но чтобы значимость этих вестей была бы лучше объяснена, и поскольку предоставляется удобный случай, то пожалуй, надо упомянуть о некоторых обстоятельствах касающихся ирландского государства. Выше рассказывалось о том, как граф Ричард был вынужден оставить свои ирландские приобретения королю, а последний, своевременно приехав в Ирландию, уладил тамошние дела к своему собственному удовольствию. Но после его возвращения в Англию, полководцы, оставленные им там для управления покоренной провинцией, желая то ли богатства, то ли славы, постепенно расширили вверенные им границы. Один из них по имени Жан де Курси (John de Curci), вместе с сильной армией пеших и конных, подумал, что надо сделать вражеский набег на ту провинцию Ирландии, что зовется Ольстером и которая отделена от королевства Шотландии лишь узким проливом. Случилось так, что в это место из Шотландии приехал наикрасноречивейший человек по имени Вивиан (Vivian), легат святого престола, и будучи с почетом встречен королем и епископами этой провинции, он устроил свою временную резиденцию в приморском городе Доуне (Down). Однако, когда стало известно о приближении врага, ирландцы совещались с легатом о том что должно делать в такой критической ситуации, и он ответил, что они должны сражаться за свою страну и накануне военных действий он дал им свое благословение и отслужил торжественный молебен. Вдохновленные таким образом, они ринулись в битву, но их легко одолели лучники и воины, одетые в кольчуги, и они перед ними бежали. После этого город Доун был взят. Римский легат со своей свитой нашел убежище в церкви, славной мощами своих святых. На такой случай этот благородный человек для себя предусмотрел и имел наготове письма от короля Англии, адресованные его ирландским полководцам с приказом, чтобы те защищали его и помогали ему, чтобы он мог осуществлять свои миссии легата среди нецивилизованного народа. Благодаря этому, обеспечив для себя мир и личную безопасность, он отправился в Дублин и пользуясь доверием, действуя то от имени правящего папы, то от имени короля Англии, он собрал прелатов и аббатов Ирландии и стал держать общий собор. Однако, он желал, чтобы Рим играл главенствующую роль над нецивилизованными церквями, но королевские чиновники объявили ему, что он должен либо оставить страну, либо действовать в согласии с ними, и он вернулся в Шотландию, не тяжело нагруженный тем ирландским золотом, что он так сильно жаждал.

Жан де Курси со своими людьми, которые взяли Доун и его окрестности позже подвергся безрезультатному нападению королей Ирландии. Покорив Армагх (Armagh), который в честь Св. Патрика и других местных святых, чьи священные мощи лежат в этом месте, зовется главным престолом Ирландии, он привел к покорности и всю эту провинцию. Как говорили, люди этой местности до этого времени, при праздновании Пасхи, выделялись особым суеверием среди других ирландцев. Ведь как я узнал из сообщения одного почтенного епископа этого народа, они полагали, что служат Богу, накопляя в течении года воровством и грабежом то, что затем они могли бы расточать во время празднования Пасхи на самых дорогостоящий пирах, как бы во славу воскресения Господа нашего, и среди них существовало большое соперничество, чтобы один превзошел другого в самых сумасбродных приготовлениях и показе блюд. Завоевание Ирландии, однако, положило

конец этому наисуевернейшему обычаю, так же как и конец пришел их состоянию свободы.

Среди ноблей короля Англии находящихся в Ирландии, самым главным и самым могучим считался Гуго де Ласци (Hugh de Lasci). После кончины наидеятельнейшего графа Ричарда, король присудил ему самые обширные владения в этой стране и вверил ему управление своими владениями, но этот Гуго в короткое время так расширил свои границы и увеличил свои богатства, а его состояние и могущество выросли до такой степени, что он стал грозным не только для врагов, но даже для своих соратников - других людей короля и ноблей, поскольку, если они не были ему достаточно послушны, то он обращался с ними как с врагами, и теперь казалось, что в королевстве Ирландия он действует скорее ради себя самого, а не ради короля Англии, и это дошло до такой степени, что (как утверждало известие) он примеряет к себе королевскую диадему. Узнав об этих обстоятельствах, король послал за ним. Но тот отнесся к этому приказу с презрением, и этим отказом дал доказательство истинности того, о чем уже верили в народе. Однако, спустя короткое время, поскольку фортуна ревностно пеклась о короле Англии, он пал от рук одного предателя, одного дружественного ирландца, который был пажом в его доме - когда он покинул свою крепость и отправился вглубь страны для воинских учений, и удалившись от своей охраны на расстояние броска камня, случайно наклонился, заметив что-то на земле, то вероломный негодяй, обрадовавшись, что заполучил такую долгожданную возможность, с яростью ударили его топором по голове и отелил ее от тулowiща. Напрасно бежали стражники, чтобы отомстить за своего господина - убийца, воспользовавшись близлежащим лесом и быстротой своих ног, бежал от погони. Новости об этом деянии доставили радость королю Англии, который находился в это время (как я говорил) на самой границе своего королевства, а спустя недолгое время ирландские дела были им урегулированы с большей осторожностью.

Глава 10.

О приезде патриарха в Англию, о смерти короля Иерусалимского, о правлении его сына и о Саладине.

В году 1184 от разрешения Девы, который был 31-м годом короля Генриха II, в Англию приехал патриарх Иерусалимский, посланный со срочными делами Восточной Церковью. Чтобы эти обстоятельства стали более понятными, мы должны кратко осмотреть дела Иерусалима начиная со времени короля Амальрика, о котором наша история уже не умолчала.

После многих лет великого и удачного правления, Амальрик умер и оставил королевство своему сыну Балдуину, который еще не достиг возраста зрелости. Он был многообещающим юношем, но по неисповедимым путям Господним, был поражен проказой, и пока оставался жив, он правил королевством силой своего ума, но не своего тела. Чтобы ни у кого не возникло желания стать наследником, так как из этого могли произойти угрожавшие государству опасности, он решил, что королевский род должен продолжиться от брака его сестры. Около этого времени умер король Сирии и Месопотамии Норадин, который, после своего кровожадного отца, был бичом Божьего гнева на христиан. Вместо него появился Саладин, который был больше не бичом, но молотом. Он был племянником Сарако, который (как об этом говорилось выше) был главнокомандующим в армии Норадина, и он наследовал должность дяди после его кончины. Был он человеком исключительной хитрости и владел тысячью вредоносных искусств. Кроме того, после кончины Норадина, он попросил о браке его вдову, а после ее согласия попросил Дамаск и его окрестности, и захватил также и их. Чрезвычайно любя

турецкое воинство, и строя свою власть с помощью хитростей, а хитрости - с помощью своей власти, он лишил наследства сына Норадина и заполучил его весьма обширную империю. Затем, обратив свою армию на Египет и избавившись от государей этой страны, он захватил богатейшее королевство Вавилон. Захватив также Ливию и Аравию, он добился великой славы, превзойдя прочих земных властителей. Наконец, подчинив (как говорили) более восьми самых богатых королевств, он подумал, что им сделано лишь немного, раз христиане, отделенные великим заливом, которым является Средиземное море, все еще владеют Иерусалимом, Антиохией и приморскими городами Сирии. Посему, направив против них все силы своих наибширнейших владений, этот человек, несравненный в мирской власти и в хитрости, попытался всеми возможными способами проглотить людей Господа подобно кусочку хлеба и сокрушить крест Христа на всем Востоке, где бы он до сих пор не был воздвигнут.

Глава 11.

О том, как Саладин сначала был побежден и о том, как позже возобладал.

Около этого времени, Филипп, славный граф Фландрии, охваченный благочестивым пылом, пришел с многочисленной армией в землю Иерусалима, желая что-нибудь сделать против Саладина и расширить христианские земли. Однако, будучи оскорблен тамплиерами, он, по приглашению тамошнего князя, увел христианскую армию в Антиохию, и при его содействии, начал осаду сильно укрепленного города, называемого Харенгом (Hareng). Однако, он ничего против него не сделал и уехал с позором. Услышав, что земля Господня, вследствие ухода его войск, более, чем обычно лишена своей защиты, Саладин во главе бесчисленных войск сделал внезапное вторжение, и не останавливаясь на границах, сразу же проник в сердце страны, так как если бы он был ее властителем. Христианский государь, украшая проказу своего тела силой своего ума, собрал, за время, которое ему оставалось, большую армию, и он не тревожился по поводу численности своих врагов, поскольку был готов сражаться в бою за своего Бога, а не за себя самого. Поэтому, выступив вместе с крестом Господним, он подошел к городу Рама (Rama), который осадили его противники, и положась на Божественную помощь, разбил эти грозные армии этой распутной расы. Обратившись в бегство, Саладин с трудом бежал, тогда как тысячи его воинов были убиты. Эта битва была успешно выиграна христианами, с помощью Христа, в седьмые календы декабря (25 ноября).

Но в следующем году, за грехи, которые в этой жизни Божественное провидение спускает своему народу в меньшей степени, чем другим, гнев Небес обрушился на тех христиан, что обитали в Святой Земле, поскольку сами они вели себя отнюдь не святым образом. Будучи лучше экипированным и более грозным, Саладин вторгся на христианские земли жаждя смыть позор предыдущего года, а наши люди, также будучи лучше собраны и более многочисленны, чем прежде, и поэтому меньше полагающиеся на Бога, были самонадеяны и дали сражение на границе. И Бог, который прежде явил милость к смиренному, теперь отказал гордому, произошло огромное смертоубийство христиан, было убито большое число рыцарей вместе с магистром тамплиеров и большим числом знатных людей, но это было только началом горестей.

Гнев Божий не прошел, но напротив, десница его простерлась еще дальше. После того, как Цезарея Филиппа (которая нынче зовется Белинасом (Belinas) и является ключом к христианским землям, лежащим против Дамаска) попала в руки врагов, тамплиеры, как своими собственными силами, так и с теми, что они выпросили со всех сторон, построили важную крепость на месте, называемом Бродом Иакова, для того, чтобы препятствовать противнику совершать неожиданные набеги вглубь христианской территории со стороны

Цезареи. Стены росли с каждым днем, и чтобы работе не воспрепятствовало никакое вражеское вторжение там нес охрану большой отряд вооруженных людей. Долгое время турки смотрели на это сквозь пальцы и терпели, но с завистью и с горем в сердце, до тех пор, пока христианское войско не уменьшилось. Но когда они увидели, что оно ослаблено недавним поражением, то найдя в этом свой шанс, они осадили вышеупомянутую крепость, и будучи теперь оснащены людьми и оружием, и применяя свои машины, они с воодушевлением начали свой штурм. Чтобы снять осаду, христианская армия собралась в Тиверии, но не со своей обычной готовностью. Там наши полководцы, совещаясь о том, что следует делать, ни в коем случае не считали безопасным для себя столкнуться со столь многочисленным врагом, тогда, когда отсутствовал Святой Крест. В Иерусалим были посланы люди, чтобы немедленно доставить его. В этот промежуток времени крепость и была взята. Она была быстро уничтожена, и турки удалились с обильными трофеями, поскольку там было захвачено большое количество вооружений, и щедро была пролита христианская кровь.

Вскоре после этого, Саладин неожиданно напал на христианскую землю, захватил и разрушил Неаполис (прежде называемый Сихемом (Sychem)) и не преминув устроить значительную резню, и вновь ушел в свое королевство, пока наши войска еще только собирались.

Глава 12.

О причине приезда патриарха в Англию.

В это время, король Иерусалима, избавленный от проказы любезной рукой смерти, оставил свое королевство своему племяннику со стороны сестры, мальчику девятилетнего возраста. Тот был помазан королем и затем, как требовал его возраст, был отдан под опекунство графа Триполи, при котором, казалось, было полностью брошено управление всеми делами. Поэтому, когда дела Иерусалима каждый день приходили в упадок, и умные из людей постоянно размышляли о словах Соломона «Горе тебе, земля, когда твой правитель отрок, и когда князья твои едят рано» (Экклезиаст, 10,16), было постановлено общим решением, что славный муж, чей авторитет, также как и серьезность его дела, могли бы иметь вес, а именно, патриарх Святого Вознесения, должен быть направлен в Европу с целью потребовать помощи от христианских государей против наижесточайшего врага - Саладина, и особенно, у благородного короля Англии, от которого ожидали более сильную и быструю поддержку, чем от других. Столкнувшись в пути с опасностями моря, этот самый патриарх приехал в Рим, и объединив свое патриаршество с апостолическим авторитетом, в начале своей миссии от получил такое послание от папы Луция к королю Англии:

Послание суверенного папы королю Англии.

Епископ Луций, раб рабов Божьих, желает здравствовать и передает апостольское благословение своему наидражайшему сыну во Христе, славному королю Англии Генриху.

Поскольку предшественники твои процветали с давних пор, в славе оружия и в благородстве ума по сравнению с остальными земными государями, и верность их была испытана тем, что на них можно было положиться в бедственной ситуации, то тебе, когда угроза едва-ли не полного уничтожения висит над людьми Христа, оказывается особое доверие, поскольку ты являешься не только наследником королевства, но и доблестей твоих предшественников. Наши ожидания основаны на том, что по твоему королевскому

достоинству, помочь твоя может укрыть людей Христовых, поскольку Он, Своей милостью, позволил тебе добиться столь высокой славы и известности и поставил тебя барьером против тех, кто со злобой нападает на Его имя.

Поскольку твое превосходительство уже беспокоили на этот счет частыми и тревожными призывами, то ты уже знаешь каким образом земля Иерусалима (особая наследница креста, в которой, изъявлением самой Истины, были предсказаны и осуществлены таинства нашего спасения, земля, которую Тот, кто создал все, особой привилегией предназначил быть Своим наследством) была опустошена и захвачена нападением вероломной и наиотвратительнейшей расы, и если она быстро не получит помощь, то должна будет обратиться в руины, и посему, Христианская вера (что запрещает Бог) должна будет испытать непоправимую утрату. Поскольку Саладин, наижестьчайший гонитель Его святого и грозного имени, так воспламенился духом безумия, и так обратил силу всего своего злодейства на уничтожение правоверных людей, что если только неистовый приступ его свирепости не будет подавлен вмешательством какого-нибудь могущественного сдерживателя, то он, по-видимому, обретет твердую надежду и уверенность в том, что сможет даже проглотить Иордан, и земля, освященная пролитием животворящей крови, будет осквернена заразой его ядовитейшего суеверия, та земля, которую твои славные и благородные предшественники, ценой бесчисленных опасностей и трудов, спасли от господства безбожной расы, должна вновь будет стать предметом главного владения отвратительнейшего тирана.

Поэтому, по рассмотрении тяжести этой угрозы и надвигающегося бедствия, мы решили, что подобает призвать твое высочество апостолическим письмом, нет, даже просить тебя самым торжественным обращением, чтобы оказывая уважение Тому, кто вознес тебя на высоту и наделил славой такого имени, которая простирается столь же далеко, насколько простирается человеческое величие, ты обратил бы внимание на опустошение вышеупомянутой земли, и чтобы ты проявил деятельное усердие ради прекращения Его бесчестия, бесчестия Того кто ради твоей же пользы пожелал подвергнуться осмейнию в той земле, и чтобы, наконец, следуя примеру твоих предшественников, которые освободили эту землю из челюстей принцев тьмы, может быть тебе еще удастся, своими стараниями и с Божьей помощью, сослужить службу Всевышнему. Действительно, по этой причине, в столь великих стеснительных бедствиях, твоему высочеству надлежит проявить большую заботу, поскольку ты знаешь, что эта земля лишена защиты короля, и что ее вожди решили, что все их надежды на ее защиту связаны с покровительством твоего высочества, и об этом твое превосходительство знает лучше, поскольку они уже послали к твоему высочеству таких великих и благородных защитников этой земли, как наш достопочтенный брат патриарх Ираклий (Eraclius) и его возлюбленный сын, магистр госпитальеров, так, что от самого факта их пребывания у тебя (принимая во внимание их ранг), ты должны взвесить сколь велика должна быть нужда, что они столь надолго оставили эти области, нуждающиеся в них, только ради того, чтобы смыть лично обратить твое внимание на их просьбы. Поэтому, тепло прими вышеупомянутых персон, как если бы они были посланы от Самого Господа, отнесись к ним с соответствующим уважением, выдели на их содержание столько и с такой готовностью, насколько будет велика твоя к ним благосклонность и любезность, принимая во внимание их положение и ранг. Пусть твоя мудрость вспомнит и тщательно обдумает обещание, которым ты связал свое высочество относительно оказания помощи этой земле, и пусть ты будешь в этом деле столь благоразумен и ревносен, что в тревоге о дне Страшного Суда, ты не мог бы быть ни обвинен своей собственной совестью, ни осужден приговором сурогатного Судьи, которого нельзя обмануть.

Прощай.

Глава 13.

О том каким образом патриарх вернулся назад не добившись успеха.

Вследствие этого, почтенный патриарх, по приезде в Англию старательно посвятил себя делу, которое привело его сюда. Будучи принят королем со всем подобающим уважением,

он объяснил причины своего трудного путешествия, и обратил все влияние своего авторитета ради того, чтобы Генрих мог бы сослужить эту святую службу, как будто бы предназначенную ему Богом, и ревностно поспособствовал бы тому, чтобы опрокинуть гордость наиотвратительнейшего Саладина. Когда король самодовольно принял его целительный совет и обещал дать свой ответ через некоторое время, необходимое для обдумывания, патриарх еще некоторое время продолжал оставаться в Англии, но король, сославшись на определенные и чрезвычайные опасности, которые должны последовать после его отъезда из королевства, пообещал достаточную сумму денег в помощь Восточной церкви, вместо своего личного присутствия. И патриарх, с надеждами гораздо менее жизнерадостными, чем те, с которыми он прибыл сюда, уехал во Францию. Король также уехал за море, чтобы уладить свои дела на континенте, и именно тогда, проросли семена смертельного раздора между ним и королем Франции, что случилось по наущению дьявола, который использовал любую возможность для воспрепятствования христианским государям, взаимно ослаблявшим силу христианства, от оказания любой помощи этой земле и тому городу, из которого истекает всеобщее спасение, и который теперь вновь стал уязвим для всевозможных угроз, а почтенный патриарх вернулся в свою страну не добившись выполнения своей цели.

Текст переведен по изданию: The Church Historians of England, volume IV, part II; translated by Joseph Stevenson (London: Seeley's, 1861). Электронная версия:
<http://www.fordham.edu/halsall/basis/williamofnewburgh-intro.html>

© сетевая версия - Thietmar. 2006

© перевод - Раков. Д. Н. 2006

© дизайн - Войтехович А. 2001

ВИЛЬЯМ НЮБУРГСКИЙ

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

HISTORIA RERUM ANGLICARUM

КНИГА III

Глава 14.

О раздоре королей и их последующем примирении.

Зло этого, возникшего между королями раздора, затронуло многих людей. Поскольку каждый народ был предан своему монарху, то они стали столь враждебны друг другу и решительны в своих намерениях, как будто бы лично радели о своем собственном имуществе и добром имени, или как будто бы собирались отомстить за свои собственные обиды. Множество вооруженных людей, воспламенившихся яростнейшим духом, собралось со всех сторон, из различных провинций к замку Шатору (Chateauroux), намереваясь в своем странном рвении пролить свою кровь ради славы, или вернее - ради гордости своих королей. Что может быть более нелепым, чем жажда тщеславия, и не для

себя, а для кого-то другого? И что может быть более несправедливым и более жалким, чем то, что столь многие тысячи христиан бросались в опасности ради блага или ради гордости какого-то одного человека? После того, как эти две великие армии простояли несколько дней, злобно изучая друг друга со своих противостоящих позиций, а люди с миролюбивым характером в это время трудились либо ради мира, либо ради какого-то соглашения - но тщетно. И наконец наступил роковой и грозный день расплаты. Войска были выстроены для битвы и стояли уже приготовившись к схватке, когда вдруг, больше благодаря (как говорили) секретным перешептыванием, чем открытым переговорам, голоса герольдов в каждой из армий объявили о перемирии на несколько дней. Объявление об этом прозвучало для ушей всех, кто там был, намного более приятно, чем звук труб, зовущих в бой. Народы, в которых только что перед этим бушевала ярость, и люди, которые столь поздно, благодаря милостивой воле Господа, осознали тщетность своих целей, с радостью повернули по домам так и не пролив крови. Но король Англии, распустив свою армию, оставался на континенте, больше для того, чтобы заниматься налаживанием мира, чем для того, чтобы вызвать новое столкновение, поскольку его сердце уже давно устало от войн, и теперь, по причине своих лет он обращался к военным действиям не по своему желанию, а только по необходимости.

Глава 15.

О привилегии земли иерусалимской, по причине которой она столь часто пожирает своих обитателей.

В году 1187 от того времени, когда Слово стало плотью, во время правления Фридриха в Германии, Филиппа во Франции и Генриха II в Англии, когда на святом престоле восседал Урбан, наследовавший Луцию, десница Господа со всей тяжестью обрушилась на землю Иерусалима, и говоря словами Иеремии, удар врага поразил ее суворой карой. Святой город, в котором имя Бога произносилось с древнейших времен, в котором изобиловали священные пророчества, в котором были явлены знаки человеческого искупления, и из которого к самым дальним уголкам земли текли воды спасения, и город и - даже страшно подумать об этом, - вся святая земля попали в руки нечестивого и грязного народа. Земля, говорю я, святых пророков, живших от начала мира, земля апостолов, нет! - земля нашего Господа и Спасителя, которую он удостоил таинством Своего воплощения и рождения, земля прославленная и Его жизнью, и проповедями, и чудесами, земля освященная Его страстями, погребением и воскресением, освященная триумфом Его вознесения и пришествия Утешителя; землю эту захватил этот скотский Саладин, очистил ее от правоверных и уничтожил символы христианской веры, осквернил ее гнусностями своей отвратительной секты, и ему был дан не только рот, чтобы говорить о великих вещах, но даже и рука, столь много сотворившая против Господа и против народа Его Христа. Для этого народа исполнились слова Иеремии, или вернее, слова Господа, говорившего его устами: «Отгони их от меня, и пусть они идут прочь, кто обречен на смерть - иди на смерть, и кто под меч - под меч, и кто на голод - на голод, и кто на плен - тот в плен» (Иеремия, 15,2).

В самом деле, никто не должен сомневаться, что причина этого жалкого и знаменательного ниспровержения проистекает из подавляющей тяжести грехов, и совершенно определенно, с самого начала, в любой стране под небесами, Бог относился к грехам с большим терпением, чем в этой земле, которая от милости столь многих великих и знаменательных Божественных деяний, либо уже чудесным образом совершившихся там, либо готовых свершиться, обязана (если мне позволят такое выражение) иметь своего рода привилегию в необходимости обладать святостью, и еще не было того, чтобы она долгое время оставалась безнаказанной. Действительно, Бог с самого начала избрал эту

землю, для того, чтобы в добре время облагородить ее Своим чудом Своего исключительнейшего снисхождения, которое воистину, далеко превосходит все прочие Божественные деяния - я имею в виду чудеса Его воскресения и искупления человечества. В самом деле, благодаря таким вещам, в свое время совершенным в этой земле, она всегда имела выдающуюся привилегию перед прочими странами, привилегию, которая воистину известна всем и которая проистекает из того, что свершилось в этой земле. Потому, что именно в святом Писании, во многих местах, столь ясно сформулирована эта привилегия.

Если же обратить внимание, либо на славу ее богатств, либо на изобилие ее плодов, то можно допустить, что вещах этого рода, с ней могут соперничать и многие другие народы, а может быть и превосходить ее, если только мы будем доверять описаниям Индии,

поэтому, общепризнано, что она и была и сейчас выделяется среди других земель исключительно тем обстоятельством, что в ней было предначертано свершиться, и что действительно свершилось - великое и чудесное таинство человеческого искупления.

Поскольку, если бы Бог был склонен даровать Своему избранному народу, тому, что происходит от семени Авраама, земное наследие в виде всевозможного изобилия, то Он бы предписал им поселиться в Индии, а не в Сирии. Но ведь народу, избранному Его Божественным провидением, для того, чтобы из него, во время Его, произошла Жертва ради человеческого искупления, он дал во владение именно ту землю, что Он избрал с самого начала, чтобы именно там была предложена Жертва искупления.

По этому поводу Он называл эту землю нечто большим, чем Свою собственной, когда говорил: «Землю эту не должно продавать вновь, ибо она Моя, поскольку вы здесь странники и временно проживаете у Меня» (Левит, 25, 23). Действительно, первыми жителями этой земли после Потопа были ханааниты и аморейцы, и народы им родственные, но Бог воистину предвидел, что они должны быть в будущем рассеяны, по причине их гнусных обычаев, и из города Ура, что в стране халдеев, привел туда Авраама, будущего отца благородной расы, сказав: «Потомству твоему отдам я землю сию» (Бытие, 12,7). Кроме того, самому Аврааму он дал там, как говорит апостол, «не на стопу ноги» (Деяния Апостолов, 7,5) и поскольку, согласно Слову Божьему, грехи аморейцев были еще не завершены, то есть еще не приобрели такой законченности и силы, чтобы побудить

Господа, который смотрит на прегрешения скорее с милосердием, чем со строгостью, полностью истребить этих грешников. Поэтому, все предвидящий и снисходительный Бог терпеливо ждет, когда преисполнится мера вины, и уничтожение виновных откладывается до того момента, как они полностью совершают грехи свои. Тогда Авраам не был сделан владельцем этой земли, но был лишь странником, но потомство его, после того как преисполнились грехи аморитян, взяло эту землю себе во владение, и поскольку они взяли эту землю в качестве дара Божьего, то, по Его приказу, они также и истребляли злодеев.

Должны ли мы предположить, что тот греховный народ совершил еще большие жестокости, чем другие народы вселенной, так что если прочие могли спастись бегством, то только один этот должен был быть полностью уничтожен? Несомненно, тьма заблуждения затронула мир, и никому не запрещалось делать то, что было угодно Божественному правосудию, о существовании которого никто просто не знал.

Народ этот подвергся суровости Божественного суда, не просто потому, что был хуже всех остальных народов, но потому, что было необходимо, чтобы земля вокруг впредь служила знаком наиярчайшего символа небесного искупления. В то же время, надо было уменьшить число ее обитателей, и она должна была быть очищена их путем их истребления и отдана в наследственное владение избранному народу, то есть потомством Авраама, который владел образцом святой веры, по причине чего об этом народе сказано

Моисеем в книге Второзаконие: «Не за справедливость твою вступишь ты и будешь владеть землей народов сих, но погибнут они при приходе твоем по причине собственных нечестий, и для того, чтобы Бог мог сдержать слово данное клятвенно твоим отцам

Аврааму, и Исааку, и Иакову» (Второзаконие, 9,4-5, Русский синоидальный перевод: «Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие народов сих, Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову»). Кроме того, в книге Левит сказано словом Божиим сыновьям Авраама: «Не оскверняйте себя всеми вещами, которыми запятнаны народы, что я изгоню при вашем появлении - я смотрю на нечестие тех, кто оскверняет землю эту только для того, чтобы мог бы изгнать ее обитателей» (Левит, 18,3. Русский синоидальный перевод: «... и по делам земли Ханаанской, в которую Я веду вас, не поступайте и по установлениям их не ходите»).

Поэтому учтите, что подобным же образом изгонят и вас, как изгоняли другой народ перед вами, если и вы будете поступать подобным же образом. Другие же земли, однако, не обладают такой привилегией и не пожирают и не изгоняют своих обитателей, хотя они и глубже погрязают в грехах, чем в этой земле, из которой позже было изгнано даже и потомство самого Авраама, которому она была дана в наследственное владение - когда потомство это было осквернено многочисленностью своих преступлений. И действительно, в Вавилон была изгнана большая часть его, а именно 10 колен, которые пропали безвозвратно, но 2 колена на некоторое время остались, а именно, колено Иуды, из которого был рожден в плоти Сам Господь, и колено Вениамина, которое должно было произвести избранный сосуд, чтобы прежний был бы в надлежащее время отозван. Но поскольку они не знали времени их явления и своим отвратительным безумием убили своего собственного Спасителя, то эта же самая земля, славная исполнением свершающихся в ней небесных таинств, своим принятым с болью приговором, изгнала их, чтобы они туда никогда не возвращаться, и при этом, римские императоры Веспасиан и Тит были лишь исполнителями Божественного мщения.

Таким образом, плотское семя Авраама было изгнано, поскольку оно настолько выродилось, что Сам Бог сказал: «отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (от Матфея, 10, 15); по святилищу Господа ступала нога язычника, и так было до времени благочестивого императора Константина Великого.

Благодаря благочестивым замыслам этого государя, в его время Святая Земля была очищена от следов языческих обрядов и была отдана в наследственное владение истинному семени Авраама, а именно - христианам, при которых в течении многих лет радовалась жизни, до тех пор, пока наконец, вскоре после времени Святого Григория, даже эти ее обитатели вызвали на себя Божественный гнев из-за возросшего числа своих прегрешений. И Святая Земля, оскверненная ими, либо пожрала, либо изгнала их, и тогда, ее своим самым скотским пребыванием запятнали агаряне, и было так до 1099 года с того времени, когда Слово стало плотью. Как говорилось выше, в это время святой город, благодаря пришедшей из Европы христианской армии, был очищен от своих жителей, и здесь в точности исполнилось пророчество Ноя: «Да распространит Господь Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых» (Бытие, 9, 27), потому, что от Сима произошли народы Азии, а народа Европы - от Иафета. Таким образом, когда люди из Европы, изгнав агарян, сами стали обосновываться в Палестине, провинции Азии, он [Иафет] получил места в шатрах Сима.

Пребывание сынов Иафетовых в Святой Земле продлилось почти 87 лет, а именно от года 1099 от разрешения Девы и до года 1187. Поскольку, в это время Святая Земля, по своему обыкновению, изгнала даже и этих людей, потому, что (мы не можем повторить это без стона) насколько росли прегрешения их, то пропорционально этим прегрешениям роста и сила агарян, поскольку теперь жили в Иерусалиме и его земле, не набожные люди из всех обитающих под небесами народов, как это было прежде, но из всех христианских стран туда съехались распутные, расточительные и невоздержанные люди, всякого рода мими и актеры - все они обосновались в Святой Земле, как будто в обыкновенном месте, и

осквернили ее непристойными обычаями и поступками. Более того, предыдущие уроженцы этой страны, которых они называли пулленами, будучи зараженными из-за близости с сарацинами, лишь немного отличались от них как в вере, так и характере, и казалось, были нейтральными между христианским и сарацинским населением. Таким образом, земля Господа нашего равно теряла достоинство как от пришельцев, так и от аборигенов, и наконец, по Божественному суду, из нее были изгнаны они все, и теперь она терпит этот наираспутнейший народ агарян - несомненно, лишь временно, до тех пока Богу не будет угодно сожрать и их. Действительно, она была отвоевана христианами во времена папства Урбана II и вновь попала в руки агарян в понтификат Урбана III, по истечении, как уже говорилось, 87 лет. О том, как это случилось надо объяснить более подробно, не ради современников, так как об этом деле еще сохраняются свежие и всем известные воспоминания, но ради сохранения знания о знаменательных делах, произошедших в наше время, которые, быть может, благодаря моему перу, станут известны потомкам.

Глава 16.

О Гуго, короле Иерусалима.

Этот юноша 9 лет от роду [Балдуин V], что был помазан королем Иерусалима после своего дяди, вскоре после этого был похищен из этого мира, будучи, как подозревали, отравлен своим собственным опекуном, графом Триполи, который был человеком великим и могущественным, приходился родственником прежним королям и стремился к верховной власти, которая, как он надеялся, легко попадет в его руки после устранения его юного подопечного. Однако, патриарх и часть вождей той страны, вместе с тамплиерами и госпитальерами, отдали королевство матери почившего мальчика, дочери весьма славного короля Амальрика, как самой близкой и самой законной наследнице, хотя они и обвиняли ее в недостойном браке, поскольку во времена ее брата короля, во исполнение своей собственной прихоти, она связала себя вторым браком с иностранцем, Гуго из Пуатье, который бежал из Аквитании от короля Генриха II и заслужил большое доверие у короля Иерусалима. Заполучив власть над крепостями и городами при помощи тамплиеров и патриарха, она отдала королевскую диадему своему мужу. По этому поводу, знать была рассержена сверх меры, они не могли стерпеть ни того, что человек, который был пришельцем и не принадлежал к королевской крови, должен будет вознестись над их головами, в то время как еще оставался отпрыск из королевской семьи, которому (как они верили) королевство достоинство было бы более подходяще, и который мог бы царствовать с большей честью. Правда, многие из них скрыли свой гнев, либо из-за страха, либо старались притвориться немыми на лишь время, и пока не предоставлялось явной возможности, повиновались этому пришлому принцу, ожидая шанса сбросить с себя его ярмо. Но граф Триполи, который был охвачен более яростным негодованием и полагался на свое собственное могущество и умение, восстал открыто и вместе с другими отказался подчиняться его власти. И когда он подвергся серьезному нападению королевских войск, и был вынужден сдаться из-за недостатка своих средств, то попросил и легко получил помощь от Саладина, который прилагал усилия, чтобы подорвать христианскую власть тем, что хитростью разжигал раздоры между партиями.

Вскоре после того, в месяце мае, он послал на землю христиан турецкие войска, со стороны Тиверии, которой в это время владел. Они столкнулись с каким-то отрядом тамплиеров и устроили немалую побоище среди наших людей, и нагруженные добром, отправились с победой назад. Но вскоре после этого, этот самый граф, по советам своих друзей заключил мир с королем, как потом выяснилось - притворный, поскольку и он сам и почти все вожди его земли, из-за своего чрезмерного негодования, заключили тайное

соглашение с Саладином, в чьи руки (как говорили) они, в соответствии с этой договоренностью, собирались предать христианского короля, а сам он, в свою очередь, получил заверения, что если таковое случится, то ему не будут мешать свободно распоряжаться королевством Иерусалима. И они заключили союз со смертью, и их договор был с адом. Они полагали, что когда бич коснется других, их самих он минует, но случившееся показало им, что святое пророчество полностью применимо именно к ним: «И ваш союз со смертью рушится, и договор ваш с преисподней не устоит. Когда пойдет всепоражающий бич, вы будете попраны, (Исаия, 28, 18) и лишь в нищете вы все поймете» (последних слов в русском переводе Библии нет – прим. перев.)

Глава 17.

О битве, в которой погибла христианская армия, и был взят в плен король вместе со Святым Крестом.

Саладин, вместе с 80 тысячами (и даже, говорят, больше) всадников, вторгся в пределы христиан с большей уверенностью, чем прежде, быстро продвинулся до города Тивериада и атаковал замок, в котором укрылась местная сеньора вместе с несколькими солдатами. Получив об этом известия, король с наивозможной быстротой собрал отовсюду армию христиан. Однако, прежние короли, когда собирались идти в бой, всегда оставляли в городах и замках достаточные гарнизоны, чтобы не подвергать королевство двойной опасности, и чтобы не лишать скелет, который состоит из городов и замков с необходимыми гарнизонами, его же собственных костей. Таким образом, хотя враги и часто одолевали их в бою, все же никогда королевство не оказывалось под угрозой уничтожения. Но этот король, что был назначен женщиной к погибели христианского королевства, приказал (пусть сама женщина будет невиновна в столь великом злодействии как это) самым настоятельным приказом, чтобы все население выступило бы на битву как один человек, будто бы он мог их числом устрашить Саладина. Таким образом, когда все выступили на бой, словно жертвы, а не воины, и лишь несколько человек осталось в городах вместе с женщинами и детьми, то все королевство иерусалимское оказалось в зависимости от исхода одной битвы.

Граф Триполи, который командовал христианской армией, хорошо зная местность, завел ее, надо думать, преднамеренно в скалистую область и в такие ущелья, где она оказалась под угрозой. Когда, таким образом, армия попала в затруднительное положение, враги начали угрожать ей со всех сторон. Тогда король, по совету своих ноблей, решил презреть все опасности и дать сражение. Он разрешил рыцарям тамплиеров начать атаку, а сам выстроил свое войска, готовые к ринуться в рукопашную схватку, как только для этого представится благоприятная возможность. Тамплиеры самым доблестным образом обрушились на врага, сломали плотный порядок вражеских войск и либо обратили их в бегство, либо зарубили мечом, и затем, случилось так, что стали явью позорнейшая измена наших собственных людей и их неправедный сговор с врагом. А именно, граф Триполи и другие нобли со своими отрядами, позабыв последовать за рыцарями Храма, обратили в ничто все сделанные королем построения, и тем самым, бросили их в опасности, пока те храбро бились с врагами. А те тесно перемещались с рядами своих противников, и были либо пленены, либо убиты. Теперь наша армия осталась на одном месте без воды и страдала от жары и жажды, и в это время шесть самых бесчестных солдат дезертировали из лагеря к Саладину, и после отречения от христианской веры, раскрыли ему бедственное положение наших людей. Получив эти сведения, Саладин приказал атаковать наши войска каждый день, и после того они были уже близки к полному истреблению, король обратился в бегство. Токедин (Tokedin), племянник Саладина преследовал его и взял в плен вместе с древом креста Господа нашего. Таким

образом, почти вся христианская армия были либо перебита, либо взята в плен, бежать удалось лишь немногим.

Рыцари Храма и Госпиталя, коих меч не сразил на поле брани, были отделены от остальных пленников, и Саладин приказал обезглавить их в своем присутствии и услаждал свои глаза этим долгожданным удовольствием.

Тиран испытывал личную ненависть к наихристианнейшему мужу, Реджинальду де Шатильону, славного как своим искусством в бою, так благородством своего ума. Прежде он энергично управлял княжеством Антиохии и отличался в то время среди всех христиан на границах Аравии. Его он со злобой допросил и получив твердый ответ, достойный столь великого мужа, собственоручно убил, полагая, что лишится большого удовольствия, если кто-нибудь другой, а не он, прольет такую драгоценную кровь. Граф Триполи, однако, бежал с поля битвы вместе со своими приближенными, а турки (как говорили) и не пытались их преследовать.

Глава 18.

О том, каким образом Саладин занял Землю Обетованную и Святой Город.

Таким образом, победоносная армия уже пресытившаяся резней, обратилась к грабежу, и захватив после битвы громаднейшую добычу и множество людей, которые были либо убиты, либо взяты в плен, этот кровожаднейший тиран отправился со всеми своими силами к цветущему городу Птолемаиде, который ныне зовется Акрой, и сразу же взял его, так как (как мы упоминали выше) он был оставлен без гарнизона и был глупо вверен тем, кто либо по причине своего пола, либо по причине своего возраста был не пригоден для войны. Уже пресытившийся резней и испытывая новое для себя чувство милосердия, он позволил уйти без вреда множеству людей, которых он там нашел. Затем, обратившись к другим городам и поселкам, которые после короткой кампании были заняты без кровопролития, Саладин подчинил своей власти всю силу земли иерусалимской, кроме самого города, а также Тира и Аскалона. Поскольку судьба в одном сражении уничтожила все гарнизоны городов и замков, этот наиудачливейший тиран не встретил трудностей в овладении сильнейшими крепостями христиан, которые иначе могли быть взяты только голодом. Теперь этот бич Божий яростно двинулся к святому городу. Он заставил сдаться охваченных страхом патриарха и народ и даровал им жизнь и свободу - что может быть отнесено к его милосердию, - но он изгнал их после того, как они оставили все свое оружие и деньги. Вступив с большим великолепием в город, он осквернил церкви, которые были разграблены, и уничтожил крест - символ нашего Господа, после того, как поиздевался и высек его. Храм Господень, который когда-то уважался даже самими сарацинами, он приказал торжественно очистить розовой водой, как будто он был загрязнен христианами, а затем освятил его кощунственными обрядами. Но он выказал некоторое небольшое уважение гробу Господню, поскольку, взяв все золотые и серебряные украшения, он приказал сирийским христианам, которые происходили из его земли принять его себе на сохранение, и он издал указ «что никакой чужеземец не должен приближаться к нему с непочтительностью».

То ли ради человеколюбия, толи ради собственной славы, он проявил милость к больным людям, что лежали в прославленном Госпитале Св. Иоанна, и он приказал, что за ними должен продолжаться уход до тех пор, пока они или не умрут, или не выздоровеют, и он возложил эту обязанность на нескольких братьев госпитальеров, которые остались на свободе и в безопасности. Эти события произошли в Иерусалиме спустя примерно 3 месяца после ужасной битвы, в которой погибло христианское население - резня христиан

произошла на 8-й день после праздника Святых Апостолов Петра и Павла (6 июля), сдача города состоялась около времени торжеств по случаю дня Св. Михаила Архангела (29 сентября). Аскalon, тоже благородный город, в который многие после битвы бежали по причине его исключительно сильных укреплений, и который тщетно был наполнен запасами оружия и продовольствия, не избежал власти тирана, поскольку этот разнесчастный король Иерусалима, что был во время битвы взят в плен, отдал город в обмен на свое собственное освобождение. Знаменитый город Тир, который с древности имел обычай сопротивляться самым большим нападениям, теперь был единственным, кто отвергал власть врага. Действительно, как пишут историки, впервые он был занят Навуходоносором, а позже потребовал великих трудов от Александра Великого. Он таким же образом попал бы в руки врагов, как и другие города до него, но каким-то провидением Небес намерения тирана были разрушены. Как написано в строках из Исаии: «Когда в виноградной кисти находится сок, тогда говорят: не повреди ее, ибо в ней благословение; тоже сделаю Я и ради рабов Моих, чтобы не всех погубить» (Исаия, 65,8). Ради спасения рабов Своих, Господь, очевидно, не желал изгнания и уничтожения их всех, с тем, чтобы беженцы могли бы дождаться в подходящем месте прибытия христиан, которые должны были прийти в эту страну, поскольку этого просто требовали возросшие преступлений нашего века, и поэтому Господь сохранил этот город подобно виноградине церкви, как не малое благословение Своему народу. Хотя о том, как это произошло, благодаря милости Христа, достаточно хорошо известно ныне живущим, все же, ради потомков, нельзя, не рассказав, пройти мимо этого.

Глава 19.

О том, как маркграф Конрад укрепил Тир и о смерти графа Триполи.

Маркграф Монферратский, муж великий и могучий, один из первых ноблей римской империи, отправился с благочестивыми целями в Иерусалим, оставил свои собственные земли на попечение своего сына Конрада. Когда он провел здесь несколько дней в благочестивых заботах, а также за свой собственный счет мужественно служа Богу в деле защиты Святой Земли, он был, вместе с остальными знатными людьми, взят в плен агарянами в той битве, что всю эту землю предала в руки неверных. В это же самое время, молодой маркграф, о котором я упомянул, спешил к Иерусалиму с отрядом отважных людей, намереваясь помолиться там и помочь своему отцу. И случилось так, что на третий день после взятия Птолемаиды, маркграф, приблизившись к берегу на своих судах, в том месте, где христианские корабли привыкли видеть порт, зорко присмотрелся к городу со стороны моря и увидел произошедшие в нем изменения. Христианские штандарты больше не развевались на вершинах башен и храмов, являя свое великолепие наблюдателям, поскольку отвращение к ним врагов быстро удалило их, не было слышно звона колоколов, как это было обычно, когда путешественники прибывали в порт. Таким образом, этот мудрый муж понял, что город попал в руки врагов и повернулся назад, в Тир, где высадился и нашел всех жителей города столь потрясенным горем и ужасом, что они помышляли о сдаче города, по примеру Птолемаиды, поскольку дух их был подавлен, а появление тирана ожидалось уже вскоре. Но по прибытии столь благородного гостя, они немного вернули себе смелость, и рассказав ему о несчастной резне христиан, положились на его благодетельный совет, как на человека, посланного Богом для утешения тех немногих, что еще оставались. Однако, он будучи благородным и очень храбрым человеком, связал их всех, от мала до велика, клятвой повиноваться ему во всем, тогда как он, со своей стороны, обязался честно взять на себя заботу о них всех, мудро пояснив им, что ничего нельзя поделать, если они не будут действовать единодушно, под руководством единого вождя и предводителя.

Когда это было сделано, он тщательно укрепил город, а все жители ему помогали. На следующий день приехали граф Триполи и Реджинальд Сидонский, будто бы, либо для того, чтобы найти убежище, либо для защиты города. И когда они вместе с несколькими спутниками были впущены внутрь городских стен, то тщетно пытались подкупить народ и захватить цитадель, но их замыслы вскоре были раскрыты, и им с трудом удалось бежать, бросив, однако, нескольких своих людей в городе, которых маркграф, из-за своей ревности, приказал повесить как явных изменников имени Христа. Но когда граф Триполи (о котором я упоминал) и его спутники увидели, что при их стесненном положении, Саладин нарушил обещание и захватывает Иерусалимское королевство для себя, изгоняя оттуда всех жителей, и делит его между своими собственными людьми, тогда, наконец, их несчастье дало им осознание того, что они наделали, и они смогли постичь, что договор, который они заключили со смертью и погибелью, аннулирован Божиим судом, и связь, которую они установили с адом, уничтожена все тем же судом, и что по ним самим, по заслугам их, ударили бич, что пронесся над ними и низверг их. Поэтому этот граф, хотя и слишком поздно, раскаялся и вернулся в свой собственный город. Острота его горя ввергла его в безумие, и умер он ужасной смертью. Еще говорили, что ни болезнь, ни возраст, но лишь невыносимое бедствие и позор, в короткое время погубили его сообщников из той земли, которую они предали. Кроме того, жители Триполи, после зрелого размышления, и поскольку дни были тревожные, выбрали своим государем сына князя Антиохии, Бозмунда, юношу, одаренного доблестью и благородством, при правлении которого область Триполи лишь изредка подвергалась турецким набегам, и говорили и считали, что хотя Саладин и опустошил всю страну вокруг, но щадил Триполи и его границы по причине клятвы, которая была между ним и графом Триполи.

Глава 20.

Об осаде Тира и о возвращении короля из плена.

И таким образом, Иерусалим и все другие города, кроме Тира, были захвачены и сразу же перешли под власть Саладина, который осадил также и тот город, что преданно сражался под руководством маркграфа Конрада. Хотя, согласно писаниям древних историков, Тир прежде стоял на острове, но благодаря искусству и труду Александра Великого, он был соединен с материком, и таким образом, весь город, почти окруженный морем, представлял из себя исключительно безопасный порт. Соответственно, тиран расположил вокруг города свой флот так, чтобы море не было открыто для осажденных, а с той стороны, где он не был защищен морем, начал штурмовать его всеми возможными средствами. Однако, маркграф и его полководцы, предвидя, что продовольствие, которое могло бы доставляться в город итальянскими кораблями из Сицилии и Апулии, может быть перехвачено, решили атаковать вражеский флот в море. Так и было сделано, и Бог был благосклонен к ним, и множество врагов было либо убито, либо утонуло, несколько кораблей было захвачено, тогда как остальной флот, пытаясь бежать, разбрзлся на берегу, на глазах у Саладина. Тот был так поражен страхом при этом событии, что сжег свои осадные машины, снял осаду и ушел, не пытаясь больше ничего предпринимать против города.

Вскоре после этого, обратив ярость своего тиранства на приграничных жителей Антиохии, он ослабил христианского князя этого города и умалил его власть до такой степени, что, после того, как Лаодикея и другие находившиеся под его управлением города были взяты, у него едва ли что оставалось вне пределов стен самой Антиохии. Он также так стеснил и сам великий город, и смог так устрашить его жителей, что вошел с ними в соглашение, что они сдадут ему город к определенному дню, если до этого не случится так, что из Европы явится более могущественная армия и не помешает этому. Кроме того, наша

армия в Тире под руководством маркграфа преуспевала и усиливала с каждым днем, поскольку из христианских стран, через море, в нее вливалось большое количество людей. Король Сицилии также послал им ценные припасы. После чего, они прошлись по стране вдаль и вширь в поисках добычи, и преуспев в своих отважных предприятиях, вернулись назад нагруженные награбленным добром. Случилось так, что среди прочего, в руки маркграфа попал пленник необычного достоинства, и по достойному похвалы решению, он обменял его на своего отца, который, как я упоминал выше, был взят в плен в великой битве и жил в нищете, находясь во власти врага. Однако, король Иерусалима, о чьем возвращении из плена я едва упомянул, был скорее помехой, чем утешением нашим людям, поскольку он претендовал на то, чтобы в силу своего королевского права забрать Тир у маркграфа, а маркграф отказался уступить ему город, поскольку именно он один противостоял врагу до конца, и именно он, с большим трудом, сохранил его. Король удалился в Триполи, и собрав вокруг себя многих людей действовал против маркграфа, как будто бы тот был его врагом. Пока они были таким образом, в раздоре, и некоторые приняли сторону одного, а другие - другого, дела христиан в Сирии едва ли улучшались. В этом деле мы можем видеть тонкую хитрость, с которой Саладин, или вернее дьявол в Саладине, освободил из плена короля Иерусалимского, который с самого начала и был причиной смут и гибели - несомненно, он освободил его при появлении другого, правого мужа, в ущерб интересам христиан. Хотя это уже частично проявилось в этом раздоре, все же, гораздо больше это сказалось в тех событиях, которые произошли позднее.

Глава 21.

О смерти папы Урбана и о назначении Григория.

Пока на Востоке происходили такие события касающиеся христианского народа, римский понтифик Урбан, отправился по последнему пути всех людей, и ему наследовал его канцлер, почтенный Альберт, который был назван Григорием. Он был мужем воистину замечательной мудрости и отличался простотой жизни. Будучи ревностным во всех делах перед Богом, в соответствии со своей мудростью, он резко порицал практику тех суеверий, к которым многие обратились, благодаря чрезвычайной простоте некоторых людей церкви, не опирающихся на авторитет Священного писания. По этому поводу, некоторые скудоумные люди полагали, что он стар, а его разум поврежден чрезмерным воздержанием. Надо признать, что хотя истребление христиан на Востоке и нашествие на Святую Землю произошли при понтификате этого Урбана, тем не менее, о нем говорили, что об этих событиях он был обеспокоен так мало, насколько это вообще было возможным при получении известий о подобных бедствиях. Когда, около праздника Св. Луки Евангелиста (18 октября) гонцы прибыли к апостолическому престолу, принеся новости о тех событиях, которые, к сожалению, случились в октавы апостолов Петра и Павла ((6 июля)), Урбан только что ушел из этой жизни, и его место занял Григорий. Этот почтенный понтифик, глубоко обеспокоенный печальными известиями, был глубоко тронут, и тяжело переживал степень своего горя, безутешно сожалея о том огромном ударе, что был нанесен по репутации христиан. Однако, заботясь о том, чтобы принять какие-то меры и встретить столь великое зло с благочестивой предусмотрительностью, чтобы оно не пошло еще дальше, он вслед за этим направил свое послание христианскому миру.

Послание папы Григория.

Григорий, раб рабов Божьих, - всем верным во Христе, до которых дойдет мое письмо, передаю свое приветствие и апостолическое благословение.

Услышав об громадной суровости того приговора, который Божественная десница обрушила на землю Иерусалимскую, мы и наши братья охвачены таким ужасом и сокрушены таким горем, что нам нелегко понять, что мы должны говорить или делать, кроме как носить траур, петь псалмы и восклицать: «О Господи, язычники пришли в наследие твое» (Псалтырь, 78, 1). Ведь по причине порожденного дьяволом раздора, недавно произошедшего в этой земле, туда явился Саладин со множеством воинов, и когда король и епископы, тамплиеры и госпитальеры, бароны и рыцари, со всем народом земли выступили на битву, неся крест Господень (благодаря которому, обычно они были уверены в защите от бесчинств язычников, в память и защиту страстей Христовых, который был распят на нем и который этим искупил все грехи человеческие), то в произошедшей битве одна часть нашей армии была отделена от другой, и крест Господень был захвачен, епископы убиты, король попал в плен, и почти все остальные либо убиты мечом, либо попали в руки врага, так что, как говорят, лишь немногим удалось бежать.

Тамплиеры, также как и госпитальеры, были обезглавлены на глазах Саладина.

Хотя мы можем воскликнуть вместе с пророком: «Кто даст глазам моим источник слез! я плакал бы день и ночь о погибели народа моего!» (Иеремия, 9,1), но все же, мы не должны так сильно кручиниться, чтобы не впасть в неверие. Поэтому, пусть мы будем верить, что Бог прогневался на Свой народ, и в гневе Своем позволил случиться тому, что случилось,

поскольку народ был одним множеством грешников, и что все же, как только Он умилосердится раскаянием, Он быстро утешит нас Своим милосердием, и что после наших слез, Он вернет нам радость. Тот, кто не носит траура, когда для этого есть такая причина, выглядит не только забывшим христианскую веру, но даже и саму гуманность -

пока так велика угроза и так свирепы варвары, жаждущие христианской крови, и ставящие себе целью осквернение святых предметов и изгнание с земли поклонения Богу,

каждый человек, по своему усмотрению, будет способен взвесить то, о чем мы воздержимся говорить. Воистину, когда сперва пророки, а затем апостолы трудились ради того, чтобы на земле существовало поклонение Богу, и проиская отсюда дошло бы до всех стран мира - воистину, это было бы невыразимо величественно! - Бог, чьей волей было то, чтобы мы трудились над своим спасением здесь, и который замыслил Своим собственным телом довести этот труд до конца, все же, теперь язык не может говорить и

не может выразить словами то, сколь горестно нам и всем христианам, что эта земля должна перенести все, что перенесла, то, о чем мы читали у древних людей. И все же, мы не должны верить, что эти события случились от несправедливости Судии, который нанес удар, но скорее это произошло от несправедливости грешных людей, поскольку эта земля

пожирает своих обитателей, и не способна наслаждаться долгое время покоем, и не оставляет в покое тех людей, что нарушили Божественный закон. Кроме того, среди нашего великого горя по поводу этой земли, мы должны смотреть не только на грехи ее жителей, но также и на наши собственные, и на грех всего христианского народа, и страшиться, чтобы не погиб и остаток той земли, и чтобы неверные не дошли бы и до других земель - поскольку каких только известий мы не получаем со всех сторон о

раздорах и скандалах между королями и между принцами, между городами и государствами? И мы можем справедливо сказать вслед за пророком: «Нет ни правды, ни знания Бога на земле, они проявляют себя в воровстве и во лжи, в убийствах и прелюбодеяниях, и кровь вызывает кровь» (Осия, 4, 1-2. *Русский синоидальный перевод*: «... потому что нет ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле. Клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием»).

Думаю, поэтому, дети мои, что как проходит все, и как уйдете и вы - то дайте ваше добро, дайте вас самих, не для гибели, но для сохранности, дайте Тому, от кого вы получили как самих себя, так и все, чем владеете. И при этом, мы не просим, чтобы вы рассеяли ваше

богатство, но напротив, что бы вы его отложили в той сокровищнице, что есть у вас на небе, и где хранятся сокровища ваши, и не трогает их ни моль, ни ржавчина, и они не портятся, и до них не дотягиваются и их не похищают воры. Также просим мы и труд ваш ради спасения той страны, на землю которой, ради нашего спасения, сошла Истина, и ради нашей пользы не презрела того, чтобы вынести страдания распятия на кресте. Еще ваш пример призовет других, чтобы и они смогли укрепиться в том, чтобы положить свои жизни ради своих братьев, и смогли бы узнать от вас, как отдавать себя самого и свое добро на служение Создателю. Вспомните также, что этой земле не вновь испытывать удары Божественного правосудия, и не неразумно полагать, что после преходящей кары и наказания, она вновь не обретет милость. Правда ведь, Господь может сохранить ее лишь одной Свою волей, но не нам спрашивать, почему Он не делает так - ведь возможно, желание его и состоит в том, чтобы сделать ту страну примером для других, и доказать, что где-то найдется понимающее сердце, которое будет искать себя в Боге, и с радостью примет наложенное на него бремя покаяния, и посвятив свою жизнь своим братьям, и прекратив ее течении на короткое время, спасет тем самым множество жизней.

Кроме того, тем лицам, что сокрушенным сердцем и с твердостью духа примут на себя труд этого путешествия, и умрут в раскаянии и в истинной вере, мы обещаем вечную жизнь и полное отпущение грехов, но останутся ли они живы, или умрут, то пусть знают, что благодаря милосердию Всемогущего Бога, властью апостолов Петра и Павла и нашей собственной, они будут освобождены от той эпитимии, что была на них наложена за все их грехи, в которых они правдиво исповедуются. Также, их добро и их семьи, с того времени, как они примут крест, должны оставаться под защитой святого римского престола, и архиепископов, епископов и других прелатов церкви, и ничто из того, чем они мирно владели на момент принятия креста не может быть ни взято, ни оспорено до их возвращения или до того, как об их смерти не станет точно известно, но их добро все это время должно оставаться в целости и сохранности. Если они связаны обязательством делать платежи ростовщикам, то их нельзя заставить платить. Пусть они не ходят в драгоценных одеждах, и с собаками или птицами, ни с другими вещами, которые, видимо, служат только для показной роскоши и удовольствия, но не для необходимых целей, но пусть они ходят с умеренным сопровождением и в таких одеждах, которые способны скорее вызывать раскаяние, чем вести к тщеславию.

Дано в Ферентино, в четвертые календы ноября (29 октября) 1187 года.

Глава 22.

О смерти папы Григория.

Это послание было разослано по всему миру, а сам преподобный понтифик, под влиянием благочестивых забот, отправился в Пизу с намерением то ли, с Божьей помощью, примирить людей этого города с жителями Генуи (поскольку их разделяла долгая вражда и непримиримые разногласия), то ли побудить их приостановить свою смертельную вражду договором о продолжительном перемирии, так чтобы по прекращении или временном приостановлении этой вражды, каждая из сторон (богатство которых было огромно, так же как и могущество на земле и на море), ради своих собственных интересов, могла бы действовать сообща в христианском походе. Приехав в город Пиза и постав за главными людьми Генуи, он сам занялся тем, чтобы смягчить ярость их умов, в соответствии с данной ему мудростью, которая подкреплялась еще и их уважением к понтифику. И пока, благодаря его благочестивым трудам, миротворческая деятельность продвигалась, и непримиримые возвретия этих воинственных людей стихали благодаря посредничеству и тому, что они уже вступили на этот превосходнейший путь, он заболел

в Пизе лихорадкой и через несколько дней распрошавшись с этим миром, он соединился (как мы полагаем, поскольку он был таким добрым человеком) с добрыми пастырями на небесах. Ему наследовал Климент, который был избран, посвящен в папы, и с благочестивой заботой лелеял семена мира, которые были уже брошены, и выращивал их, чтобы пожать плоды.

Глава 23.

О том, как короли и многие нобли приняли крест.

Этот прискорбный слух о том, как плохо обстоят наши дела на Востоке в короткое время распостились по всему миру, и принес смятение и ужас в сердца всех христиан. Все же он и пробудил дух многих к соперничеству, благодаря представившейся великолепной возможности проявить свою доблесть. Ричард, граф Пуату, сын короля Англии и его будущий наследник, имел счастье встретить гонца с этим посланием в конце дня. Без дальнейших раздумий, его сердце сразу же охватило похвальное желание, и рано утром следующего дня (как передавали) он торжественно принял знак креста, как символ своего будущего пилигримства и похода. Узнав об этом, его отец хранил молчание до прибытия сына, и когда тот приехал несколькими днями позже, он сказал: «Ты ни в коем случае не должен был предпринимать такое трудное дело без совета со мной, тем не менее, я все же не хочу выдвигать возражений против твоего благочестивого замысла, но я буду ускорять его, так чтобы он мог быть благородно тобой исполнен». После этого, в зимнее время, больше ни один из великих государей все же не принял знака креста, все колебались в сомнениях на этот счет, но и постоянно испытывали опасения насчет Божественного гнева. Наконец, архиепископ Тира, приехавший с Востока, принес еще более плохие известия - он публично плакал о бедствиях уже постигших Восточную церковь, а еще о тех, которые представлялись уже неизбежными. Тогда два могучих короля - Англии и Франции, вместе с епископами и большим собранием ноблей встретились вместе на границе своих земель на торжественный съезд, чтобы обсудить те шаги, которые они должны предпринять для освобождения земли Иерусалимской от врага, и хотя у них незадолго до этого произошла размолвка (как я описывал выше), и их взаимная вражда еще не прошла, все же они на время приостановили ее перемирием. Однако, на этом съезде, созванном с благочестивыми намерениями, они искали не собственной выгоды, но обсуждали вещи, касающиеся Христа, и не было никакого, даже легчайшего намека на их прежнюю вражду. Но ради Христа, вся их прежняя враждебность и прежний спор были забыты, уснули и были похоронены, так что вы могли бы подумать, что они с равным пылом поглощены служением Христу.

Так, проникнувшись высоким рвением служения, они приняли знак Короля королей из рук вышеупомянутого епископа, намереваясь вскоре опоясаться мечами на службе Ему, и посвятить не только все свое достояние, но даже и самих себя цели этого благородного военного похода. Герцог Бургундский, граф Фландрский и много других ноблей их королевств, Англии и Франции, и огромное число воинов с радостной преданностью Господу последовали их примеру. И они тоже сочли за славу украсить свои плечи знаком Господа и подвергнуть себя трудам и опасностям на службе Ему. Немедленно определив время начала похода, они, по общему согласию, утвердили следующий договор, необходимый для приготовления к столь великому предприятию и путешествию, который, будучи подписан епископами, был разослан по всем провинциям обоих королевств.

Статут королей принявших Крест.

Поскольку прискорбные известия о гибели иерусалимской земли и о захвате креста Господня дошли до церкви Рима и всего христианского мира, наш владыка папа и римская церковь, желая смягчить эту горечь своим обыкновенным милосердием апостолического престола, нашли наилучшее средство для тех, кому следует принять крест - а именно, что с того дня, как кто-нибудь примет крест, тот будет свободен от любой эпитимии, наложенной на него за его грехи, если он покается и исповедуется в них, также даже и в тех, о которых он мог забыть.

Короли Франции и Англии с огромным множеством архиепископов, епископов и баронов обоих стран, по Божьему предначертанию, своим совместным советом принял крест

Господень, отныне постановляют, что любой человек, клирик или мирянин, для освобождения земли иерусалимской, должен заплатить десятину со всех своих годовых доходов и движимого имущества, которым он владеет, за исключением урожая этого года; но с урожая следующего года, он также должен заплатить десятину. Из этого исключаются книги и одеяния, а также церковные облачения, все капитулы клириков и их слуг, церковные украшения, а также облачения лошадей и оружие рыцарей, а также драгоценные камни, принадлежащие этим обоим классам. Но тот, кто принял крест, клирик или мирянин, платить ничего не должен, но он должен получить десятину со своих владений от арендаторов (за исключением горожан и землепашцев), кроме тех, кто с согласия своего сеньора также принял крест.

Поэтому, мы, полагаясь на милосердие Бога, отпускаем всем лицам, которые свободно отдадут свои десятины, половину наложенных на них эпитимий. Кроме того, мы прощаем им те десятины, которые они не платили в соответствии с законом, и еще те грехи, о которых они могли забыть. Но если будут сомнения, относительно того, уплатил ли кто-то свою законную десятину, то пусть истина будет установлена опросом семи надежных людей из его соседей, и пусть будет предписано, чтобы это совершилось по закону, под страхом осуждения или анафемы. Также предписано сеньорами королями и подтверждено архиепископами и епископами и всеми баронами, относительно любого клирика или мирянина, который примет крест - что если он перед этим заложил свои ренты, то пусть полностью получит их за этот год, а в конце года кредитор должен еще раз получить ренты, причем дополнительные доходы, которые он должен от них получить должны быть учтены при уплате долга, поскольку проценты на долги не должны начисляться с момента принятия креста и все время, пока должник находится в крестовом походе. Все люди, как клирики, так и миряне, должны быть правомочны законным образом заложить свои доходы церкви или кому угодно, на срок три года, так что, если что-нибудь случится с должником, то кредиторы будут этим обеспечены. Еще относительно тех людей, которые могут умереть в крестовом походе - пусть деньги, которые они будут нести с собой для содержания своих слуг, для помощи земле Иерусалима и для подаяния беднякам, будут распределены в соответствии с советом доверенных людей, которые будут назначены для этой цели.

Также постановляется, что никто впредь не должен клясться великими клятвами, и никто не должен играть в азартные игры или в кости, и никто не должен носить мех горностая, и одежду черную, или алую, и что все люди, клирики и миряне должны довольствоваться двумя мясными блюдами из того, что они купят, и что никакой мужчина не должен брать с собой в крестовый поход женщину, за исключением прачек, которые пойдут пешком, и по поводу которых не может возникнуть никакого подозрения, и что никто не должен иметь одежды с разрезами и с кружевами.

Глава 24.

О соборе десятин и том, как император и его люди приняли крест.

Съезд, на котором короли приняли знак Господень и издали эти ордонансы с согласия всех присутствовавших там епископов и ноблей, был распущен. Славный король Англии быстро вернулся в свое королевство, созвал там в пригодном месте великий собор, и с одобрения прелатов и ноблей Англии он выставил на обозрение эти ордонансы, которые уже были приняты во всех его заморских владениях. Тогда архиепископ Кентерберри, епископы Дархэма и Норвича, и много ноблей его королевства, воспламенившись королевским примером, торжественно приняли священный знак - многие действительно из-за своей великой преданности Богу, но другие с меньшей искренностью, а так сказать, либо по приказу короля, либо для того, чтобы заранее заслужить благосклонность своего сюзерена, предчувствуя его приказ. Великое множество клириков, рыцарей, горожан и землепашцев со всех концов Англии позаботились о том, чтобы последовать примеру короля и знати, то же происходило и во французских провинциях. Также, в соответствии с королевским предписанием были затребованы десятины, и с самой большой тщательностью были сделаны приготовления всего необходимого для столь долгого похода.

И римский император Фридрих не долго чувствовал в этом отношении себя менее набожным или менее активным, чем вышеупомянутые короли. Созвав главных людей своей империи, он обнародовал намерение своего великолушного духа, и торжественным образом, украшенный диадемой своего императорского достоинства с символами смирения перед Господом, он показал своим принцам и подданным какой герб есть самый величественный. Столь великий пыл веры и преданности затем воссиял и дальше, в могучих вождях и воинственном народе Германии, предпринявшим этот наиriskованнейший поход во имя Христа, так что воистину можно сказать, что это есть «перст Божий», и таким образом, почти все народы, носящие имя христиан, с пылом занялись громадными приготовлениями для начала задуманного ими похода.

Глава 25.

О том, как королем Франции был нарушен договор и о последовавшей затем смерти короля Англии.

В то время как верность правоверных государей и народов была столь пылкой, злобные козни древнейшего врага не прекращались, и он желал любыми средствами испортить то дело, что начиналось так хорошо. Как только славный король Англии, едва приехав в свое королевство, стал делать разного рода приготовления для будущего похода, столь великий монарх, как король Франции, спровоцированный не знаю чем, разорвал верность этому договору, что был торжественно заключен между ними так, чтобы продлиться до их возвращения с Востока, и ни во что не ставя знак креста, который они оба приняли как союзники, вспыхнул в конвульсии внезапной ярости и, как говорили, он помог в измене неким неправедным людям. Он внезапно, подобно узурпатору, вступил в благородный замок, называемый Шатору, которым владел король Англии. Возликовав от этого успеха и поменяв, или вернее удушив, план похода в Иерусалим, он стал думать, как бы добиться еще большего успеха.

Об этих печальных событиях скоро стало известно, и король Англии думал о том, как бы ради их благочестивого предприятия действовать помягче, и перед тем, как пересечь море, он вперед себя послал к этому лживому дельцу, весьма уважаемых людей со словами мира, но тот был не только тверд и несгибаем ко всем справедливым предложениям, но даже с еще более необузданной гордостью выражал готовность к осуществлении своих

опасных замыслов. Как только король Англии пересек море, то благодаря посредничеству добрых людей, они встретились друг с другом. Король Англии намеревался предъявить жалобы на нарушение их договора и об ущербе нанесенном ему самому, а король Франции, как будто бы он был полностью прав в этом дурном деле, притворялся честным в своей прямоте, но тем не менее, как показало дальнейшее, он скрывал тайну своей неправды. Это проявилось, когда сын короля Англии Ричард, тогда еще граф Пуату, который, как говорилось выше, был первым, кто принял знак креста, был, по-видимому, хитростью короля Франции соблазнен и сбит с пути, и на этой торжественной встрече королей покинул своего отца и примкнул к враждебной партии. Когда семена зла разрослись, и все стало так серьезно, потрясенный этим бедствием отец, бесполезно потративший слова в мирных предложениях тем, кто ненавидел мир, вернулся домой, едва ли зная теперь, кому еще можно доверять, после того как испытал неблагодарность от собственного сына. Поэтому, война была начата обеими сторонами, но с неравными силами и уверенностью, поскольку граф Ричард, которому его отец доверил герцогство Аквитанию, перешел с войском на сторону короля Франции, и многие могущественные и пустые люди в Нормандии, Анжу и Бретани открыто покинули отца ради сына, и ради него увеличили армию французов. И так пошло это дело, что за исключением наемников, лишь очень немногие помогали королю Англии, но даже и их верность колебалась.

Таким образом, король Франции, вместе с графом Пуату и бесчисленными войсками, не встречая сопротивления, вторглись на земли короля Англии и продвинулись до города Ле Манс (Le Mans), где со своей армией стоял король. Узнав об этом и осмотрев свои войска, он увидел что слишком слаб, чтобы рискнуть на битву, и испугавшись того, что будет осажден врагом, он сжег город и бросив многое из своего обоза, отошел в более безопасное место. После этого, армия, которая, казалось, последовала за ним, постепенно растаяла. Тогда Джон, младший из его сыновей, которого он любил наименее нежно, чтобы не отличаться от остальных своих братьев и сотворить не меньше, чем его брат, бросил своего отца. Враги, заполучив город Ле Манс и его замок, продвигались стремительно, штурмом взяли город Тур и его замок и следовали дальше, чтобы осадить город Анжер. Король Англии, оказался смущенным столь многими неудачами, и глубоко переживал по поводу бегства своего младшего сына - поскольку он чувствовал, что раздражал старшего сына именно тем, что с особым вниманием относился к возвышению младшего. Но все же, его горе дало ему понимание, и он увидел руку Господа простирающуюся против него, и понял, что именно Он сотворил такие великие изменения в его судьбе как наказание за все то зло, что он совершил. Наконец, от великого горя, он заболел лихорадкой, которая подорвала его силы, и через несколько дней окончил свои дни в Шиноне.

Так умер этот знаменитый король Генрих, самый известный среди земных королей, и не было другого среди них равного ему как по величине своих богатств, так и, до последнего времени, по такой счастливой удачливости. Услышав о его болезни, враги стали продвигаться более медленно, и торопливо заключив перемирие, приостановили войну, ожидая когда будет объявлено, что погасла звезда, которая прежде сияла столь ярко. Узнав об этом, граф Пуату забеспокоился, стал сожалеть о своей потере и во искупление того, что он мало служил отцу, когда тот был жив, он, хотя и с запозданием, своим поведением на похоронах показал себя как сын. Также и его враги, которые всегда завидовали его доблести и непреходящей славе, посчитали нужным хвалить и оплакивать его теперь, когда он умер, и для умов всех людей было очевидно, насколько велико тщеславие и обманчивость мирского владычества, когда столь несчастливо зла судьба внезапно поразила того, кто незадолго до этого столь блестательно сиял над землей. Его тело (как он сам, с благочестивой преданностью Богу, распорядился перед смертью) было отнесено в тот знаменитый и благородный монастырь, что зовется Фонтевро, и там, в

присутствии его сыновей и в сопровождении множества ноблей, оно было похоронено с королевским великолепием. Поскольку это монастырь (знаменитый именем прославленного духовного ордена) он особенно любил при жизни и обеспечил его многими привилегиями, поэтому всех удовлетворило то, что взамен, в ожидании последнего воскресения, он должен был получить место для своего тела. Это было справедливым, как по причине той благосклонности, что он ему оказывал, так и потому, что это было согласно его последней воле.

Я думаю, что не должен обойти молчанием следующий эпизод, который я, помнится, услышал от одного почтенного человека, который, в свою очередь, утверждал, что слышал это от брата этого самого монастыря. Некий почтенный человек из нашей конгрегации, известный своей чрезмерной привязанностью к королю Англии, как главному покровителю своего монастыря, еще до того времени, как король принял знак креста, вознес Всемогущему Богу искреннюю мольбу о его здоровье, и когда он возжаждал узнать, что уготовано этому королю – то ли милость, то ли приговор Верховного Судии, то получил во сне такое предсказание от Господа, по поводу его возлюбленного короля: «Он поднимет знамя мое выше себя, но среди его мук будет и такая: чрево его жены восстанет против него, и в конце концов, он должен будет укрыться среди тех, кто носит покрывало». Истинность этого пророчества стала ясна, когда из-за своей преданности Богу он принял знак Господа, и в тех событиях, что последовали за этим, даже в том, что его гробница оказалась среди тех, кто носит покрывало, как ясно видно из предшествующего рассказа.

Глава 26.

О характере короля Генриха.

По правде, как хорошо известно, этот король обладал многими достоинствами, которые украшали личность короля, и все же ему были присущи и некоторые недостатки, неподобающие христианскому государю. Он был склонен к похоти и превысил супружеские ограничения, придерживаясь в этом обычая своих предшественников, хотя, все же, пальму первенства в этой невоздержанности удерживает его дед. Он жил с королевой достаточное время, чтобы произвести потомство, но когда она стала неспособна заинять детей, он впал в распущенность и имел незаконнорожденных отпрысков. Так же как и его дед, и намного большее, чем следовало, он находил удовольствие в охоте, но он был и более умеренным, чем дед, при наказаниях нарушителей лесного закона, поскольку, как говорили, его дед видел мало разницы при наказании, или совсем не видел ее, для того, кто убил человека и для того, кто убил зверя, но король Генрих наказывал нарушителей такого рода тюремным заключением или временной ссылкой. Он поощрял больше, чем следовало, вероломный и враждебный христианам народ, а именно евреев, по причине тех великих выгод, которые он получали от их ростовщичества, и до такой степени, что они стали наглы и упрямые по отношению к христианам и причинили им много затруднений. Он был несколько неумерен в стремлении добывать деньги, но его оправданием в этом отношении может служить чрезмерно дурное время, и были доказательства, что он соблюдал в этом некоторые ограничения. С этим исключением, он допускал, чтобы вакантные епископства долгое время оставались свободными, что позволяло ему получать их накопленные доходы, которые он пересыпал в свою казну, вместо того, чтобы использовать их для церковных нужд. Все же он, как говорят, пытался защитить эту практику, оправданием, которое было не очень королевским. «Не будет ли лучшим потратить эти деньги для нужд королевства, чем использовать их для удовольствия епископов? Ведь по сравнению с древностью, прелаты нашего времени слишком мало строги к себе, но будучи небрежными и слабыми

в выполнении своего долга, они держат мир в своих руках». Говоря так, хотя он и заклеймил позором наших прелатов, все же защита к которой он прибег в свое оправдание выглядит целиком несостоятельной. Конечно, он полностью провалился при выполнении своего долга по отношению к церкви Линкольна, которая, как известно оставалась вакантной долгое время, а он получал с нее вполне достаточные доходы. Все же, для того, чтобы исправить это нарушение, он за несколько лет до смерти думал над тем, кому вверить пастырские заботы об этой церкви.

От королевы Элеоноры у него родились самые известные сыновья, но как было показано в предшествующем повествовании, имея этих наиславнейших сыновей, он был самым несчастным отцом. Полагают, что так случилось по воле Божьей, по двум причинам. Во-первых, эта же королева прежде была в браке с королем Франции, и когда она устала от того брака, то устремилась к союзу с ним и нашла предлог для развода. Когда она, вопреки церковному порядку, законно развелась со своим первым мужем, по какому-то беззаконному праву, если мне позволят так выразиться, он вскоре после этого женился на ней. Но когда пришло свое время, то Всемогущий тайно уравновесил все - он породил от нее благородных отпрысков, но только на свою собственную погибель. Он любил своих сыновей с такой чрезвычайной нежностью, что известно, как он причинял ущерб многим людям только из своего желания ставить их интересы, впереди даже права. И поэтому, он был справедливо наказан их злобным мятежом и тем, что именно из-за них он преждевременно умер. Все же ясно, что все это случилось по прекрасному приговору Того, кто наблюдает за всем этим свыше.

Кроме того, во-вторых, как я полагаю, он недостаточно сожалел о суровости того несчастного упрямства, что было проявлено им по отношению к почтенному архиепископу Томасу. Потому, как я думаю, конец столь великого государя и был столь печален. И поскольку Господь, со своей святой суровостью, не пощадил его в этом мире, то наш долг - верить, что Он проявит милосердие к нему в жизни другой, поскольку, по своему высокому положению в королевстве, он был самым прилежным при охране и соблюдении общественного спокойствия, самым достойным меченосным орудием Господа при наказании злодеев и при защите спокойствия добрых людей, и поскольку он особенно рьяно защищал и сохранял достояние и свободы церкви, что ясно стало видно после его смерти. В своих законах он проявлял большую заботу о сиротах, вдовах и бедняках, и во многих местах он открытой рукой раздавал благородную милостыню. Он особенно уважал благочестивых людей и распоряжался так, чтобы их собственность защищалась законом, с такой же действенностью, как и его собственные земли. В самом начале своего царствования, он, с исключительным благочестием, исправил древний и жестокий обычай в отношении потерпевших кораблекрушение и постановил, что в отношении людей, пострадавших от опасностей моря, должен проявляться долг человеколюбия, и он предписал, чтобы на тех, кто рискнет их любым образом обидеть, или на тех, кто вздумает разграбить что-либо из их добра, накладывалось бы тяжкое наказание. Он никогда не накладывал тяжелых налогов ни на английское королевство, ни на свои заморские владения, вплоть до того последнего налога в виде десятины, предназначенного для похода в Иерусалим, но ведь и этот налог десятины был наложен также и в других странах. Он никогда не накладывал, под предлогом разного рода отговорок, податей на церкви или монастыри, как это делали другие государи, но с благочестивой заботливостью он даже обеспечивал их иммунитет от несправедливых вымогательств и государственных налогов.

Внушая ужас к кровопролитию и человекоубийству, он стремился установить мир, когда не мог действовать иначе - то вооруженной рукой, но если у него была такая возможность, то более охотно - с помощью денег. Обладая этими и другими хорошими качествами,

украшавшими его королевское достоинство, тем не менее, он был противен многим людям, глаза которых видели в нем лишь дурное. Люди, которые были так неблагодарны и ненадежны в своей лживой покорности, без конца порицают неудачи этого государя, и не могут слушать о его достоинствах. Таким понимание смогли дать лишь невзгоды последовавшего времени, когда опыт сегодняшнего зла вернул воспоминание о его добрых временах, и хотя при жизни он был нелюбим почти всеми людьми, но тем не менее теперь стало ясно, что он был выдающимся и достойным государем. Еще и Соломон, миролюбивый царь, который возвысил народ Израиля на высоту высочайшей славы и превосходного благосостояния, все же лишь не сильно удовлетворял своих подданных, о чем свидетельствуют эти сокровенные слова, обращенные ими к сыну: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, но ты облегчи жестокую работу отца своего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и мы будем служить тебе» (Паралипоменон, 10, 4). Кроме того, этот сын ответил жаловавшемуся народу, с ребячым легкомыслием угрожая ему: «мизинец мой толще чресл отца моего. Отец мой наложил тяжкое иго, а я увеличил иго ваше, отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (Паралипоменон, 10, 10-11). Это, как я заметил, было сказано им по легкомыслию, но это же, по здравому размышлению, можно сказать и применительно к нашим временам, и самым подходящим образом подходит ко времени, в котором мы живем, хотя теперь глупцы, жалимые скорпионами, жалуются меньше, чем несколько лет назад, когда их наказывали только бичами.

Генрих II, славный король Англии, герцог Нормандии и Аквитании, граф Анжу, умер на 35-м году своего царствования и на второй год после того, как принял крест Господень, и когда прошло 2 года христианской войны на Востоке.

Глава 27.

О трудной и длительной осаде Акры.

Согласно предыдущему повествованию, вышеупомянутые короли боролись друг с другом и лишь немного внимания уделяли договору, который они незадолго до этого заключили вместе с Христом, хотя, пожалуй, это было еще простительно тому, кто был сбит с пути своих благочестивых намерений не собственной волей, а внешней силой. Тогда римский император Фридрих, справедливо негодяя на подобный разлад, решил их не ждать, и вверив заботу об империи своему старшему сыну, которого он поставил королем Ломбардии, решил выступить в поход вместе с другим своим сыном, герцогом Швабии, через Паннонию и Фракию, и выбрав для похода время года, вышел с большой армией самых доблестных воинов, выбранных из всех народов Германии. Еще и Жак де Авенис (James de Aveniis), муж отважный и благородный, вместе с людьми из французского королевства и с не малыми силами из других королевств христианского мира коротким путем, через море, приехал в Тир, тогда как император латинян, продвигался, но из-за вероломства императора греческого, очень медленно, через подвластные тому страны. С разрешения маркграфа, который в это время действовал как правитель Тира, французы присоединились к тамплиерам и госпитальерам и двинулись осаждать Птолемаиду (ныне называемую Акрой), которую удерживал сильный гарнизон. Имея перед собой город, они окружили себя крепким валом, чтобы обезопаситься от нападения вражеской армии с тыла, но вскоре с неисчислимым войском подошел Саладин и расположил свои палатки вокруг валов, и всякий раз, когда наши люди штурмовали город, турки нападали на валы. Отсюда можно понять, что осада длилась долгое время, с предельным напряжением сил и крайней опасностью для наших людей. Пока наши люди получали подкрепления через море, то так же и турки, пользуясь благоприятными ветрами, в изобилии снабжали город людьми, оружием и продовольствием. Таким образом, этот город, который попал в руки

врагов с очень малыми хлопотами, был наконец, взят только после того как христианская армия в течении долгого времени затратила на это много трудов, как об этом и будет рассказано в надлежащем месте.

Глава 28.

О смерти Вильгельма, короля Сицилии, и о тех злодеяниях, что за этим последовали.

В это время десница Господа нашего тяжко обрушивалась на наших людей, который оказался в крайне стесненном положении, и особенно это проявилось, когда она забрала их покровителя, славного Вильгельма, короля Сицилии и герцога Апулии, благодаря благочестивой и могущественной поддержке которого еще сохранялись бедные и слабые остатки христиан в Сирии. Действительно, с самого начала их бедствий, когда они ничего не могли получить из более отдаленных королевств, и когда ярость Саладина пытала наиболее ярко вследствие его недавней победы, он заботился о том, чтобы им поступала помощь в виде необходимыми припасов,. Однако, эту потерю еще можно было бы снести, если бы после его смерти не поднялись гибельные раздоры по поводу наследства королевства, и из-за этого, этот прекраснейший уголок мира был ввергнут в такую смуту и так опустошен, что никакая помощь, до этого предоставившаяся сражающимся христианам в Сирии, больше не могла поступать из этого источника. Как хорошо известно, причина этой смуты была следующей: король женился на дочери короля Англии и умер не оставив от нее наследника, кроме того, его двоюродная сестра, которая, казалось, должна была унаследовать королевство по его смерти, была замужем за королем Ломбардии, сыном императора Германии, но сицилийцы и апулийцы, питая отвращение к немецкому господству и при благосклонной поддержке святого престола избрали своим королем знатного человека по имени Танкред, происходившего из рода предыдущих королей. Разгневанный этим, король Ломбардии объявил им войну, а вскоре после этого ушел из жизни его отец (как будет рассказано в надлежащем месте). Его ярость была непримирима, он послал против них армию итальянцев и немцев, но об итогах этого императорского похода будет также рассказано в также другом месте. Столь великая смута в делах сицилийцев и апулийцев отрезала оставшихся в живых христиан на Востоке от поступления необходимой помощи, которую они привыкли получать. И здесь мы прерываем третью книгу нашей истории, что бы четвертая могла бы начаться с царствования славного короля Ричарда.

ЗДЕСЬ КОНЧАЕТСЯ ТРЕТЬЯ КНИГА.

Текст переведен по изданию: The Church Historians of England, volume IV, part II; translated by Joseph Stevenson (London: Seeley's, 1861). Электронная версия:
<http://www.fordham.edu/halsall/basis/williamofnewburgh-intro.html>

© сетевая версия - Thietmar. 2006
© перевод - Раков. Д. Н. 2006
© дизайн - Войтехович А. 2001